

Томас Мьюр

Хроники Нового Света

Пути Абсолюта: акт 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Томас Мьюр

**Хроники Нового Света:
Пути Абсолюта. Акт 2**

«Автор»

2026

Мьюр Т.

Хроники Нового Света: Пути Абсолюта. Акт 2 / Т. Мьюр —
«Автор», 2026

Война за Возродившейся Детройт в самом разгаре. Узнав сокрушительную правду о Дариусе Кроу, Мэттью вынужден выбрать сторону конфликта. Новый Свет или Дети Санриз? Прошлое или настоящее? На раздумья нет времени, поскольку есть третья сторона - кровожадные чудовища из межпространства. Они готовятся поглотить город со всеми его жителями. Лишь путь Абсолюта спасёт невинных, но как понять кто проведёт по нему? Ответ уже близок...

Содержание

АКТ ВТОРОЙ: СВЕЧА	5
Глава 42. Карцер сотворения	5
Глава 43. В чёрном цвете, под луной	20
Глава 44.1: Окно Овертона	28
Глава 44.2. Пустой аэропорт	39
Глава 45. Дисперсия ярости	43
Глава 46. Освальд Майкл Колт	54
Глава 47.1. Конец иллюзий	71
Глава 47.2. Чистый лист	79
Глава 47.3. Курс петли	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Томас Мьюр

Хроники Нового Света: Пути Абсолюта. акт 2 Свеча

АКТ ВТОРОЙ: СВЕЧА

Глава 42. Карцер сотворения

06.05.1987 г.

06:00 a.m. Штат Оклахома. Восток, дикие леса

Да-да, я знаю, я опять это сделал. История обрывалась на самом интересном месте уже три раза подряд, и, будь у вас такая возможность, вы бы с превеликим удовольствием дали мне в морду, выместив весь накопившийся гнев. Увы, но по-другому работать просто нельзя. Даже несмотря на общую правдивость, Мэтту Саммерсу необходимо привлекать потенциального читателя самыми что ни на есть грязными уловками. Иначе его история не будет услышана. И я не спорю... В ожидании время течёт дольше обычного. Справляться с его невыносимым нравом порой бывает утомительно. Но вот вы здесь... Снова рядом со мной. Нам пора продолжить наше путешествие и выбрать нужный ракурс. За три полноценных и весьма увесистых тома, вы, небось, успели привыкнуть к тому, как работает правда. Её освещают со всех сторон. На этот раз мы копнём очень глубоко. Мы познакомимся не с циркачами, не с везучими картёжниками или биржевыми магнатами, а с самим ликом тьмы, дабы прознать его истоки.

Не стоит растягивать вступление – перейдём сразу к сути.

Члены Этой семьи просыпались рано. Всего шесть часов утра, а они уже на ногах, готовят завтрак вместе – отец и сын. У них на уме блюдо с выдумкой: не тривиальный сэндвич или омлет, а простор для фантазии. Картофель, немного бекона, малость грибов, лук порей и чёрный перец для аромата. Один за другим раскалённую сковороду покинули аппетитные оладьи по-французски. Первым за стол сел гордый отец, за ним – его послушный сын. Натёртые до блеска приборы лежали рядом с их тарелками, возле каждой располагалась сложенная в треугольник салфетка. В мрачном доме, что был огорожен глухими бетонными стенами, увенчанными колючей проволокой, царил идеальный порядок.

Эта семья жила далеко от шумного города – на окраине штата, где назойливых соседей смело страхом перед тяжким ручным трудом. Там питьевую воду черпали из колодца, а хлеб изготавливали самостоятельно. Там мясо резво бегало на четырёх ногах, покуда хозяин не решался отнять очередную жизнь. Он разводил крупный рогатый скот, кур и свиней, вместе с сыном ухаживал за животными и никогда не брал у природы слишком много. Только минимум – чтобы выжить и исполнить мечту...

Этого тридцатисемилетнего уроженца Оклахома-Сити, некогда пастыря католической церкви, звали Мориган Кёртис Кроу. Будучи высоким крепким мужчиной, он мог похвастаться не только внешней красотой, но и удивительной стойкостью духа, позволявшей ему справляться с любыми испытаниями. Самым страшным из них стало смирение с потерей жены. Даровав жизнь сыну, она скончалась на больничной койке в окружении врачей. Элизабет Дженнис Кроу, в девичестве Леблан, за считанные минуты до смерти сказала мужу, что ни о чём не жалеет и попросила его сберечь новорождённого мальчика. Любящий супруг поклялся исполнить оную просьбу. Отринув иные радости жизни, поставив крест на собственном благопо-

лучии, он полностью отдался воспитанию отпрыска. Именно об этом и будет мой рассказ. О ребёнке, не утраившемся тьмы.

Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год, утро шестого мая. Покончив с сытным завтраком, Мориган отправился на ежедневное патрулирование периметра. Пусть его особняк и окружала стена с колючей проволокой, Кроу-старший всё же не мог позволить себе сачковать. Враги поджидали повсюду, защитник должен был быть готов. Ружьё в руках, капканы и растяжки вдоль протоптанной тропы, камеры видеонаблюдения на деревьях. Он хорошо подготовился, заглянул под каждый камень и не забыл разложить всё по местам. Так Моригана научили родители, назвавшие сына в честь своего боевого судна, потопившего десятки вражеских посудин во времена Второй мировой войны.

Эпохи сменялись, а суть долга оставалась неизменной: исполнить мечту предков, сделав имя Кроу бессмертным. Любыми способами. Первому поколению это не удалось, второе оказалось жалкой тенью предыдущего. Третье старалось изо всех сил, но не преуспело, а четвёртое предчувствовало, что дни его идут на убыль. Мориган был последним представителем того, четвёртого поколения. Он знал, что чаянья Кроу обретут новую силу только в руках его сына.

«Мальчик добьётся величия и прославит свой род!» – думал отец, разглядывая окрестности леса. Никто не смел подходить к дому более чем на двести метров, однако внимательному хозяину приходилось обходить все четыреста, ибо девиз любого уважающего себя отца-одиночки в любом уголке мира звучал одинаково: «В два раза больше». Люби сына и за маму, и за папу, возрасти в себе инстинкт отцовства во что бы то ни стало. Мориган трепетно следовал этому правилу.

Закончив с осмотром периметра, он облокотился на дерево, тяжело выдохнул и обратился к жене, вивавшей где-то там:

– Сегодня так же, как и вчера, Лиз. Никто не придёт к нам в гости – капканы им не позволят. Иногда, как и любому человеку, в сути которого кроется слабость, мне хочется с кем-нибудь поговорить. Но я чётко понимаю, что кроме тебя и нашего мальчика у меня никого нет и никогда не будет. И я доволен этим.

Сосредоточенным взглядом голубых глаз, таких же, как у его сына, Кроу-старший разглядывал облака, плывущие по небу. Медленный темп их движения вызвал улыбку на лице главы семейства. Он вспоминал старые добрые времена и отдал тревоги ветру, способному нести её на плечах хотя бы немного.

– Я не стал сегодня брать его с собой, – продолжил Мориган. – Пускай мой мальчик спокойно насладится завтраком. Впереди ждёт большое приключение. Всего через какой-то месяц мы поедем на Аравийский полуостров, а следом рванём в Турцию. Потом передохнём неделю и отправимся в Непал. Я продолжаю поиски, Лиз... Я не останавлиюсь. Мой сын станет великим человеком – он направит свои лучи на каждого.

– Пап, я доел, – за спиной мечтателя раздался голос мальчишки.

Кроу обернулся и увидел сына, со взором неясной печали опустившего руки по швам. Внешне ребёнок был очень похож на Моригана, статного голубоглазого блондина с чёрными бровями, высокими скулами и подбородком с ямочкой.

На первый взгляд, что обычно лишён тяги к деталям, младший и старший отличались только характерами. Но лишь на первый взгляд...

– Ты говорил с мамой, да?

– Верно, я беседовал с ней, – ответил Мориган, сев на корточки рядом с мальчиком. – Что-то случилось? Ты неестественно бледен, сын. Тошнота? Головокружение?

Младший посмотрел отцу в глаза и, стесняясь, мямля, выдал ему правду:

– Свет в туалете опять не работает. Я хочу писать, но боюсь туда идти.

– Оу... – голос старшего вмиг утратил нотки отеческой строгости. – Я понял тебя, сын. Ты можешь сходить в лесу, пока я всё почию.

Выпрямившись и положив заряженное ружьё на плечо, Кроу сделал первый шаг по направлению к дому. Он не успел сделать второй, ибо мальчишка схватил его за рукав куртки.

– Подожди, пап! Что мне делать, если тебя не будет дома, когда это снова случится?! Что, если на улице тоже будет темно? Я не могу сходить на пол или в угол... Я ведь не кот и не пёс.

– Скоро мы решим эту проблему, обещаю. Сходи в лесу сейчас. Как только я почию свет, мы пойдём с тобой на прогулку.

Воспитанный сын не смел ослушаться прямого приказа отца. Он выбрал подходящее дерево, а, когда вернулся домой, застал Моригана за ремонтом проводки. До тех пор пока лампочка не вспыхнула ярким огнём, младший смиренно ждал на ярко освещённой кухне и лишь изредка посматривал, что же там делает его заботливый папа. Через пятнадцать минут неполадки были устранены. Все, кроме постыдной слабости ребёнка, о которой Кроу узнал много лет назад. Сперва он хотел избавиться от неё, но после нескольких неудачных попыток понял, что это самый верный способ разрушить психологический барьер мальчишки. Да, вы всё правильно поняли: сын Моригана был отмеченным. Метку Абсолюта он генетически унаследовал от отца, наделённого крайне разрушительной способностью управлять металлом. Кроу-старший направил свой дар на защиту семьи, вопреки стереотипным ожиданиям не став убогим бандитом или каким-нибудь суперзлодеем с дурацкой кличкой. Путешествуя по миру с сыном, глава семейства служил ему примером – демонстрировал доброту, сострадание, выдержку и храбрость, помогая всем нуждающимся.

Когда пришло время мальчику идти в школу, Мориган не решился отпустить его и лично занялся обучением. Под чутким руководством предка подрастающей надежде династии Кроу легко давались любые науки. Без преувеличения, мальчуган являл собой живой памятник родительской гордости. Был в нём только один изъян... практически неразрушимый, таящий невероятную мощь, Барьер Сигма.

Точно такой же, как и у меня.

И на фоне этой детали картинка начинает понемногу разрушаться – композиция безгрешности наполняется противоречивыми возгласами меньшего зла. Все примеры доброго поведения, описанные выше, превращаются в пепел. С формального разрешения отпрыска Мориган всячески испытывал его психику на прочность, снова и снова пересекая черту дозволенного. Доверчивый мальчишка прыгал с парашютом, сидел в подожжённом угнанном автобусе, нырял с аквалангом и даже лицеизрел убийство. Всего один раз... Мориган жестоко покарал беглого заключённого, прокравшегося на территорию семейного участка.

Ночью второго октября тысяча девятьсот восемьдесят пятого года за стенами с колючей проволокой развернулось настоящее шоу.

– Мужик, я правда сюда случайно попал! Отпусти меня! – голосил незнакомец, связанный Мориганом по рукам и ногам.

Одетый в оранжевый хит сезона, этот человек лежал на земле, пытаясь высвободиться. Но, даже если бы у него и получилось, охотничье ружьё хозяина участка было наготове.

Своим голосом безмятежности, Кроу выпытывал правду:

– Что-то не складывается в твоём рассказе... Ты сказал, что пришёл с севера, однако каким-то образом ты зашёл с южной стороны. Для этого нужно обойти весь участок по кругу, а тут, если ты не знал, чуть больше акра и огороженный перевал. Говори правду, и, может быть, я тебя отпущу. Начнём с простого. За что ты попал в тюрьму?

– В смысле?! За что?! Я ни в чём не виноват! Меня подставили, слышишь? Зачем тебе вообще это знать? Какой смысл?

И Кроу сел на корточки рядом с незванным гостем. Схватив того за подбородок, заставил посмотреть себе в глаза.

– Чтобы понять, лжец ты или нет. Сейчас... Ты мне врешь. Такую скотину, как ты, определённо посадили за убийство. Я это знаю, и ты это знаешь.

– Чего?! – ещё громче заверещал преступник. – Меня подставили! Это чистая правда! Развяжи меня уже и не будь козлом!

– Я знаю взгляд убийцы...

Резко выпрямившись, Мориган отошёл назад, поглядывая на вход в родной дом.

– Я вижу его в зеркале каждый божий день... Тяжкая ноша на плечах моих, и в такие моменты, как сейчас, мне помогает только Господь. Ты знаешь хоть одну молитву, убийца? Если нет, слушай внимательно.

– Не понял?! Ты чё, собрался молиться за меня?! Чё за хрень, мужик?!

Кроу не отреагировал на слова преступника. Он закрыл глаза и, опустив подбородок, погрузился в абсолютную неподвижность. Прижал правую ладонь в байкерской перчатке к груди.

– Ангел Господень возвестил Марии, и она зачала от Духа Святого. Ave Maria... «Вот, я раба Господня; да будет Мне по слову твоему». Ave Maria... И Слово стало плотью, и обитало с нами. Ave Maria... Моли о нас, Пресвятая Богородица. Да, удостоимся исполнения Христовых обещаний. Помолимся... Просим Тебя, Господи: наполни наши души Твоей благодатью, дабы мы, познав через Ангельское приветствие воплощение Христа, Сына Твоего, Его страданием и крестом достигли славы воскресения. Через Христа, Господа нашего. Аминь.

– Мужик?! – незванный гость, ёрзая на холодной земле, обратился к Моригану. – Ты моему больной... У тебя крыша едет, и это явно не из-за меня. Отпусти меня, и мы забудем друг друга. Идёт?

– Покайся... – молвил пастырь, направив оружие божье на лик грешника.

Перст церковника прикоснулся к спусковому крючку.

– Покайся не медля. Ты пришёл в дом святости, и, только покайся в грехе, ты сможешь его покинуть.

– Я клянусь, что никого не убивал! Меня реально посадили ни за что!

– Твои глаза говорят мне о другом. Моё терпение имеет свои границы, грешник. Покайся...

Оружие соприкоснулось со лбом преступника, и в тот самый миг, разбуженный шумом и голосами, сын Моригана выбежал на улицу, дабы лицезреть ужасное: казнь врага церкви. Казнь противника строя Кроу.

– Папа, ты что делаешь? Кто это?

– Иди в дом, сын, – приказал отец. – Это только наш с ним разговор. Я решу проблемы с незванным гостем и сразу же приду к тебе.

Но младший просто не смог выполнить оное требование. Не в силах сдержать слёзы, зная, на что способен Мориган, он замер, боясь пошевелиться.

И отец отреагировал в своей манере:

– Хорошо... Тогда ты всё увидишь. Это будет первый и последний раз, когда я разрешаю тебе проигнорировать мой наказ. Цени эту заветную минуту, мой сын. И смотри внимательно. ПОКАЙСЯ, ГРЕШНИК!

Дуло ружья, уткнувшееся в лоб преступника, омыли крупные капли его пота.

– Ладно! Ладно! Я согрешил, отче! Я был в банде грабителей! Мы обчищали банки! Во время последнего дела я открывал мешок с баблом перед кассиршей, и мне в морду прыснуло голубой краской! Я так сильно разозлился, что вышиб ей нахрен мозги! Я уже пятьсот раз пожалел об этом! У нас у всех тогда башка была набекрень! Мы очень боялись! Ну, с кем не бывает, мужик?! Отпусти меня!

– Значит, Гнев – твой Грех, – молвил церковник отведя оружие, оглядывая тёмные небеса. – Понимаю. Знаю, каким страшным и разрушительным он может быть. Гнев – самый

сильный из всех грехов, ибо он подпитывает остальные. Делает их сильнее. Ему нельзя поддаваться, о, грешник. Ты должен искупить свою вину. Смотри, сын...

Мориган вновь навёл ружьё на гостя, прикоснулся к спусковому крючку и приготовился стрелять.

– Папа, стой!

– Да, послушай пацана! – взревел убийца. – Ты ведь сказал, что отпустишь меня?! Пастыри не убивают людей! Так нельзя! Ты же обещал! Ты обещал!

– Есть пара нюансов, – проговорил Кроу, не моргая, не двигаясь, даже не дыша. – Первый: я отпускаю тебя на оборотную сторону. Там тебя ждёт покой. И второй нюанс...

Нависло гробовое молчание. Одна за другой горькие слёзы стекали по щекам преступника и наблюдавшего за сценой фатума сына Моригана Кёртиса Кроу.

Отец семейства опустил взгляд к земле, проглотил боль и... дал ответ:

– Я больше не пастырь.

Прозвучал выстрел, что клеймил лоб убийцы поцелуем смерти. Кровь окропила лик Кроу старшего, но тот всё равно не моргнул. Повернувшись в сторону ошеломлённого мальчишки, он сказал лишь несколько слов:

– Реалии жизни. Привыкай.

Но даже жестокое убийство не пошатнуло барьер. Сокрытый за ним эффект метки остался неизвестным той ночью.

И этот поиск продолжался ещё почти два года. Мориган ежедневно искал ответ на свой вопрос и чувствовал, как медленно, но верно, теряет нить вселенского повествования. Так бывает, когда ты выдумываешь изопрённые планы, постоянно копаешься в чём-то неподлежащем описанию или классификации, а искомый клинчер на самом деле лежит прямо перед твоим носом, блистая, подначивая неординарной красотой.

Тот случай не стал исключением.

Шестого мая тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, наладив электричество в ванной, Кроу-старший решил устроить своему сыну последнее испытание. Чтобы ребёнку было проще переключиться с одной темы на другую, отец начал разговор ещё за ужином. Начал издавка, вызвав сильный приток положительных эмоций, кои по задумке исполняли роль метафорической подушки безопасности:

– Мама обязательно будет тобой гордиться. Ты же знаешь, что она никогда в тебе не сомневалась?

– Знаю, – кратко ответил мальчик, держа ложку с рагу над тарелкой. – Что мы будем делать на полуострове? Нас ждёт очередная реликвия?

– Именно, – оживился Мориган, тон голоса которого стал чуть нежнее. – Ты не представляешь, какая она красивая... С её помощью мы приблизимся к нашей цели. И когда мы соберём полный набор, ты сможешь вступить в «Новый Свет» и изменить мир. Долгое ожидание скоро закончится.

– Я всё равно не понимаю, почему они тебя не взяли? Ты достоин быть их предводителем. Это признают даже Фаундер.

Отец едва заметно ухмыльнулся, уловив заинтересованность меланхоличного парнишки. Он подвинулся к нему на стуле, поцеловал в лоб и потрепал волосы, дабы беседа за столом обрела житейский окрас.

– Семья Фаундер – наши друзья, и они просто не могут дать нам объективную оценку. Так всегда бывает с близкими людьми, это нормально. Чтобы тебя не обидеть, они будут говорить тебе то, что ты хочешь от них услышать. Но, тем не менее, я готов признать, что Заккари и Крис хорошо разбираются в нашем вопросе. Они очень умные люди. В отличие от невеж, наводнив-

ших организацию. Эти погрязшие в бессмысленных раскопках глупцы не верят в существование Санкториума, а я верю в него всей душой. Скоро мы решим проблемы мировых разночтений, и ты будешь властителем этого нового мира.

– Мне бы твою уверенность... – промямлил юный кандидат в монархи, оставив ложку в тарелке. – Я даже пописать не могу, когда свет выключен. Мне стыдно. Какой из меня избранный, если я не могу побороть страх? Не пойми меня неправильно, папа, я хочу верить в нашу мечту, но у меня плохо получается.

– Ничего страшного, сын. Всё образуется, даю тебе слово. Завтра мне надо будет немного поработать в подвале. Ты справишься без меня? Надо наколоть дров и собрать хворост, а это ответственное задание.

Младший кивнул, быстро моргая с натянутой улыбкой.

– Отлично. Новая эра уже близко. Мой отец верил, что Санкториум придёт в середине двадцатого века, и он поторопился с выводами. Мы с тобой неглупые – учимся на чужих ошибках, а значит, не станем спешить. Мы сделаем всё как надо, подготовим тебя и будем ждать. В итоге «Новый Свет» сам придёт к нам. И вот когда он придёт... Ты будешь умелым воином. А я буду стоять рядом с тобой и гордиться.

– И мама тоже? – с надеждой спросил мальчик.

– Конечно же. Твоя мама будет тобой гордиться. С оборотной стороны она скажет тебе: «Молодец, Дариус, ты оправдал мои ожидания».

Нет смысла больше оттягивать... Спорю, многие из вас давно догадались, о ком идёт речь в этой части рассказа. Дариус Вентделл Кроу, рождённый третьего января тысяча девятьсот семьдесят шестого года в семье пастыря католической церкви Моригана Кёртиса Кроу и простой официантки Элизабет Дженис Леблан, стал центральной фигурой истории. Иногда мне кажется, что он главный герой, а не я. Он катализатор всех описанных мною событий, мудро скрывавшийся в тени до ответственного момента. И вот наступил долгожданный час соприкосновения со Тьмой.

Вы готовы? Пристегните ремни.

На следующий день Кроу-старший спустился в подвал, как и обещал. Взяв с собой строительные инструменты и расходники, он принялся за работу. Обширная кладовая, где хранились личные вещи покойной Элизабет, консервированные овощи и фрукты, стала объектом жуткой трансформации. Бывший пастырь обшил её стены шумопоглощающим материалом, зацементировал окно, поставил кровать и туалет. Со взглядом одержимого отец работал весь день, дабы обустроить свою обитель навязчивой идеи. Когда Дариус спускался вниз и задавал лишние вопросы, Мориган не отвечал ему. Он только безгласно колотил молотком, делая короткие передышки. Ближе к полуночи, смахнув пот со лба, Кроу-старший закончил труды. Стальная дверь захлопнулась, но с пола не поднялось ни одной пылинки. То был Карцер Сотворения, вождевший поглотить страхи будущего монарха. Оставалось только сообщить ему об этом. На ночной прогулке по лесу с фонариком, разгонявшим тьму. Влажный воздух омывал собою лёгкие, покуда голоса насекомых напевали гимн этой глуши.

Отец снова взял на себя бремя начинающего диалог. Он держал сына за руку и шёл с ним по дороге, усыпанной жухлой листвою.

– Ты сегодня не заскучал? Я бросил тебя на целый день, прости меня за это.

– Ничего, пап. Я сделал все дела, поиграл в солдатиков, посмотрел мультики и постирал одежду. Ты не заметил, но я пару раз к тебе спускался. Я хотел поболтать, а ты мне не ответил.

– Правда?

Кроу-старший остановился. Он наступил на отломанную ветку, что, хрустнув под его ногами, знаменовала секундное затишье.

– Что-то я совсем не помню...

– Ты работал – это нормально. Я тебе не мешал, и ты всё успел сделать. Кстати, а что это вообще такое в подвале? Ты переделал кладовку в новую комнату?

– Да, – бросил Мориган и поспешил переключиться на другую тему. – Хочешь, я расскажу тебе интересную историю?

– Конечно же, хочу! Давай!

– Ты уже знаешь, что мой отец возлагал на меня большие надежды. Он мечтал сделать меня центром мироздания – Альфой и Омегой. Перед сном отец зачитывал мне истории о других мирах и объяснял, как устроена наша сложная вселенная. Думается мне, пора и тебе понять всё до конца. Ты готов?

– Ещё как готов! – улыбнулся Дариус.

– Хорошо. Наш привычный мир – это только один из аспектов мироздания. Если посмотреть на всё сущее под другим углом, окажется, что на месте планеты Земля лежат ещё одиннадцать планет – полноценных миров, которые наслаиваются друг на друга. Я кратко расскажу о каждом из них. Первый, под названием «Феррас», находится на грани уничтожения, а всё по воле космического чудовища, именуемого Прахом. Он жаждет стереть все упоминания о цивилизации Ферраса, куда более продвинутой, чем наша. Второй слой мироздания называется миром Драо, и давным-давно он стал полем кровавой битвы четырёх королевств. Халлендор, Мауторн, Войтшир и Тсандер – каждый из них сражался за то, во что верил, и у каждого были силы для победы.

– Это мир всяких рыцарей и магов?

– Нечто наподобие того, о котором ты читал – Властелин Колец. Только...

Кроу-старший расплылся в улыбке.

– Только Драо гораздо мрачнее и опаснее. И не факт, что описанный мною отрезок времени уже прошёл или только пройдёт. Время странная штука... оно податливое, как пластилин. Третий слой мироздания – это родина первого Санкториума, к которому мы с тобой так стремимся, а четвёртый, именуемый Аидом... Он берег серых песков, куда Первый Мертвец по имени Харон доставляет души всех усопших. Им повезло не стать Перевертышами. Там сейчас наша любимая мама.

– Тот самый лодочник Харон! Кто бы мог подумать, что даже в мифах есть своя правда. А какие остальные миры?

– Пятый – это арена битвы, где один единственный воин ждёт достойного вызова. Однажды он был богом земель Драо, но, разуверившись в своих подданных, отправился в странствия, где нашёл истинное предназначение. Его имя – Солнцеликий Бастион Ауроса, и так уж вышло, люди продолжают ему молиться, не догадываясь, что слова их не будут услышаны. Шестой и седьмой слои – бескрайние просторы Шангри-Ла и металлические горы Эльдорадо, о которых в нашем мире сложили сотни легенд. Даже во времена Второй мировой войны земные властители пытались найти туда проход. Всё безуспешно... Ведь люди ищут буквальные врата...

– А искать надо перечашие известным законам, – дополнил Дариус, довольный собой. – Ведь так?

– Да, мой сын. Мир под номером восемь стал оплотом невиданных технологий, созданных зверо-людьми, изменившими природу своих генов по собственной воле. Ими правит горделивый Лев и его королева Пантера, а в услужении у них наводящий ужас человек – летучая мышь. В ночи – чудовище, при свете дня – мученик. Что до девятого слоя, то он находится на грани между жизнью и смертью в бесконечном споре его незримых обитателей. «Что же сильнее – пространство или время?» Они до сих пор не могут решить. У нас осталось совсем немного миров, и десятый принадлежит простейшим. Их огромной силы хватит, чтобы погубить все перечисленные мною ранее миры, и именно поэтому существует одиннадцатый: «Дом Судеб – Конклав». Там обитают воины, которым нет равных в знании законов вселенной, они

следят за порядком и не дают другим мирам умереть. Их лидера зовут Вечным Человеком, кой однажды вступил в бой с самой смертью и, одолев её, получил дар вечной жизни. За долгие-долгие века существования он пожалел о содеянном. Теперь он ищет способ умереть во всех мирах. Ну и... двенадцатый слой – это тот, на котором мы с тобой, сын.

– Тебе дедушка об этом рассказывал?

– Именно. Мне было тяжело свыкнуться с мыслью о том, что школьные учебники бесполезны и рассказывают нам ложь. Теория Дарвина, теория большого взрыва... Всё это враки – жалкие попытки объяснить то, с чем человек справиться не может. Со временем уроки предков уложились в моей голове. Я познал смысл жизни и теперь обучаю тебя. Не забывай о своём прошлом и смело иди в будущее.

Прогулка по лесу продолжалась. Ручной фонарик разгонял тьму, успокаивая Дариуса и служа Моригану инструментом для достижения поставленной задачи.

– Когда мне исполнилось девять, – он продолжал рассказ бесстрастно, – отец взял меня в полноценную экспедицию. Мы поехали в Стокгольм на поиски первой части клинка. Тогда я ещё не знал какого... Мне были известны только основы нашей работы. По прогнозам отца, разрыв в пространстве должен был открыться недалеко от центра города. Только представь, Дариус: мы сидим в укрытии, отец что-то бурчит себе под нос, а я играю в мячик-попрыгунчик от скуки. Всё тихо, спокойно... А затем взрыв. Перед нами – проход в другой мир – будоражающая сознание дверь, ведущая к иному стратуму! Я испугался, увидев её, но твой дедушка быстро меня успокоил. Он встал на одно колено напротив меня, взял за плечи, посмотрел в глаза и таким уверенным, безмятежным голосом обратился ко мне... Он заставил меня поверить ему – продемонстрировал истину, от которой нельзя отказаться. Пока разрыв увеличивался в размерах, пожирая всё вокруг, отец продолжал говорить, не замечая этого. Его уверенность передалась мне. От страха ничего не осталось. Так я смело перешагнул порог реальности и увидел прекрасные горы из металла! Удивительное зрелище...

– Там вы нашли первую часть?

– Рукоять клинка... С тех пор много воды утекло.

Кроу-старший на мгновение замедлил шаг, окунувшись в воспоминания.

– Нам с тобой осталось найти гарду и лезвие. А потом можно будет начинать искать второй клинок.

– Два клинка – два владельца. Так было всегда, ты мне говорил.

– Именно, сын. Однажды ты найдёшь этого второго владельца. Я не знаю, кто им станет, но я уверен, что ты сделаешь правильный выбор. Быть может, этот второй владелец даже живёт на другом стратуме? Кто знает? Вдруг это будет Эльдорадо или Драо? Ты хочешь там побывать?

– Конечно же хочу! – радостно вскрикнул мальчик. – Я хочу увидеть каждый стратум! Хочу узнать тамошних людей и привести оттуда какие-нибудь сувениры! Это будет так здорово!

– Не сомневаюсь, – отрешённо бросил Кроу-старший, встав на колени напротив сына.

Как по команде добродушный взгляд бывшего пастыря католической церкви переменился. Став холодным и лишённым эмпатии, он пронзил Дариуса насквозь. Мориган положил ладони ему на плечи и заговорил тем самым голосом, каким с ним говорил отец – уверенным и безмятежным.

– Но перед большим путешествием нам необходимо решить одну проблему. Так не может продолжаться, мой мальчик. Темнота – твой враг. Как будущий Король ты обязан одолеть её в честном поединке один на один. Видишь фонарик в моей руке? Он ведь тебя успокаивает?

– С ним светло. А это главное.

Без предупреждения Мориган выключил единственный источник освещения, утопив Дариуса во мраке. В нём каждый звук сулил угрозу, трансформируясь, навеивая мысли о неминуемой опасности, только ждавшей момента, когда спасительный столп света наконец-таки

исчезнет. Из ниоткуда родились сотни голосов деревьев, ветки которых обернулись когтистыми лапами, жадно тянувшимися к добыче. С едким шорохом, с улыбками из дома детских фантазий. Они заставили мальчика часто дышать, заставили кричать от ужаса, цепляясь за куртку отца, лишь бы тот прекратил пытку.

Чтобы выдавить слёзы, понадобились считанные секунды. Этого глава семейства и добивался.

– Успокойся, Вентделл Кроу, – проговорил человек церкви. – Тебе нечего бояться, сын мой.

Он включил фонарик и направил себе на лицо.

– Видишь? Снова есть свет. Когда он у власти, тьма уходит быстро.

– Не выключай больше! Пожалуйста, папа! Не пугай меня!

– Я вынужден сделать нечто куда более страшное, – ответил отец. – А ты должен меня понять. В свои одиннадцать лет ты видел ужасные вещи, но этого, увы, недостаточно. Барьер Сигма делает тебя сильным. Ты способен выдержать многое, но я всё-таки понял, чего ты не выдержишь. Смерть беглого заключённого тебя не пугает, а вот отсутствие света...

И фонарик вновь выключился.

– Оно, как цианид, – смертельно. Я давно об этом знаю, но не решался использовать. Я тянул до последнего, и очень зря. Прекрати плакать, мой сын. Закрой глаза.

– Да, папа.

Мальчик не стал спорить, ибо с закрытыми глазами тьма поддавалась свету.

– Вот, как мы поступим...

Так два силуэта застыли в осенней мгле.

– Только темнота может вывести тебя из равновесия, поэтому ты проведёшь в подвале несколько недель. Если понадобится, просидишь месяц. Там вообще не будет света. Только самое необходимое: кровать, туалет и надёжные стены.

– Но как же...

– Не перебивай, сын. Видит бог, я не чудовище, и у меня есть для тебя решение...

Мориган вытащил из кармана куртки шесть тонких восковых свечей. Одной едва бы хватило на десять минут горения, но на то и был хитроумный расчёт – выбор между экономией и растратами. Засим Кроу-старший положил свечи на ладонь Дариуса и поцеловал мальчика в щёку.

– Каждый день я буду давать тебе шесть одинаковых свечей. Тебе решать, как ими воспользоваться. Можешь зажечь все сразу или использовать по одной. Максимум один час света в сутки – прости, но так нужно. Тьма окружит тебя и сделает тем, кем ты должен быть...

– Да, папа, – безропотно ответил Дариус, сдерживая подступающие слёзы.

– Моя обязанность – пробудить твои сверхсилы. Обычный человек «Новому Свету», увы, не нужен. Ему необходим наделённый могуществом Абсолюта Король. И чтобы организация поверила в него, он должен быть сильным. Гораздо сильнее таких, как я. Помнишь, мы с тобой договаривались? Мы с тобой обязаны найти Санкториум любыми способами. И я возлагаю на тебя большие надежды. Мой отец разочаровался во мне. Но я не разочаруюсь в тебе. Я уже горжусь тобой, мой сын. Быть может, в темноте ты лишишься ясности разума, но мы оба знаем, что «жизнь не мила без потерь». Когда у тебя отнимают нечто, ты не только находишь этому достойную замену, но и осознаёшь ценность потерянного. Ты готов?

Кроу-младший кивнул. Он не знал, можно ли поступить иначе.

Спустя один час, казавшийся вечностью, встав на пороге перерождения, мальчик гадал, что с ним случится, покуда отец, держа дверь карцера открытой, отсчитывал секунды сыновьего промедления. Никто из этих двоих не желал делать первый фатальный шаг. Безликое молчание поглотило подвал. Оно с наслаждением душило Дариуса, помышлявшего о побеге и стыдившегося собственных мыслей. Если бы не страх перед тенью, быть может, тот вечер

семья провела бы на уютном диване за телевизором, уминая печенье и запивая его молоком. Мальчик хотел этого больше всего на свете – быть на свете.

Жаль только, чаянья Мorigана не учитывали его желания.

– Заходи внутрь, мой сын, ждать более нельзя. В коробке спичек столько же, сколько и свечей. К семи утра я принесу тебе завтрак вместе с шестью новыми свечами. В два часа дня будет обед.

– Я люблю тебя, папа, – отчаянно смотря в глаза отцу, сказал Дариус и переступил порог.

– И я тебя люблю. Как только я закрою дверь, последние лучи света исчезнут. Я уверен, ты справишься с задачей. Иначе быть не может.

Дверь начала мало-помалу закрываться, а взгляды отца и сына упорно не отпускали друг друга. Оба они боролись со слезами, проклиная биение своих измученных сердец, ненавидя каждый миг земной жизни, где люди вынуждены подстраиваться и играть по нечестным правилам. Ни взрослым, ни детям не дано их менять. Издав щелчок и проигнорировав страдания семьи, заслон из глухого металла объявил царство пытки. Так, угрюмо пережёвывая догматы страхов и придавая им новые гротескные формы, стартовал...

День первый

НЕТ, НЕТ, НЕТ! – гулом ветров пронеслось в голове Дариуса. – *Я хочу назад! Я передумал! Я не готов! Мне холодно! Почему здесь так холодно?! И где кровать?! Когда я вошёл, она была в углу! Надо накрыться одеялом и лежать! Ни звука не издавая! Может, так монстры меня не достанут!*

Без лишнего сопротивления отдавшись панике, Кроу-младший сделал свой первый неосторожный шаг. Забыв о планах и договорённостях, он обронил столь важный для него коробок со спичками на пол и едва сумел различить дребезжащий звук его содержимого, прежде чем оно окончательно затерялось во тьме.

– Только не это! – выкрикнул он, кинувшись вниз. – Где?! Где он?! Где?! Не мог же он просто взять и исчезнуть?! Пожалуйста, господа!

Судорожно хватаясь за пустоту, Дариус пытался отыскать заветную пропажу, но всё без толку – коробок проскальзывал в считанных сантиметрах от рыщущих пальцев, не встречаясь с ними. словно некто в тёмном карцере издевательски отодвигал его в сторону всякий раз, когда мальчишка подбирался к нему преступно близко.

– Его кто-то забрал! – осознав, прокричал узник тьмы. – Я здесь не один! Покажись! Дай знак! Хватит прятаться! Я тебя не боюсь! Я храбрый, и мама в меня верит! А её вера делает меня сильнее, слышишь?!

Богатое воображение ребёнка буквально работало против него. Вздрагивая от каждого шороха, он целый час просидел на полу, умоляя отца выпустить его на свободу. Однако сколько бы попыток не сделал Дариус, стальная дверь и умело сотканное покрытие стен сдерживали любые его позывы. Когда мальчику стало невыносимо холодно от разыгравшегося потока фантазий или же неожиданных сюрпризов реальности, он наощупь отыскал пропавшую во тьме кровать, и накрывшись одеялом с головой, зажёл первую свечу. Спички нашлись сами собой... К узнику карцера их кто-то пододвинул.

Наконец-то! Тут так светло! Так хорошо! Так тепло! А можно эта свеча вообще никогда не угаснет?! Я просто посижу тут и потом меня выпустят! Я очень хочу обнять папу! Зачем он так со мной?! Вдруг у меня ничего не получится даже за месяц?! Мне что, придётся сидеть тут, пока я не умру?!

Эмоции детей обладают колоссальной мощностью, и порой справиться с ними не под силу даже умудрённому опытом родителю. Когда отчаянье становится тяжким грузом, когда боль нельзя превозмочь, ребёнок забывает о деталях и сосредоточивается на необъятности ужаса

– его голосах, полных разночтений и его аколитах, формы и размеры которых меняются по одному только желанию господина. Ведь любого человека можно заставить бояться. Главное – знать, как именно это сделать.

Но с Дариусом всё было весьма просто. Этот мальчик боялся темноты из-за самой её природы – она служила завесой для всего неизвестного. Страх отсутствия знания сводил младшего Кроу с ума. Держа свечу обеими руками, он не заметил, как слеза скатилась вниз по его щеке, и будто специально, ради выдавленных улыбок и жалких попыток рассмешить привередливого теневого зрителя, она пала на истончившейся фитиль, оборвав жизнь спасительного огня.

– Нет! – закричал сын бывшего пастыря. – Нет! Нет! Только не так! У меня была ещё пара минут!

Вне светового ореола Дариус остался без защиты. Так возгласы кровожадных чудовищ окружили его – созданные тенью иль предательским воображением. Длинными изломленными лапами с перстами, увенчанными когтями, эти твари, улюлюкая, тянулись к добыче, время которой шло на убыль. Всего пять свечей оставалось в арсенале. И Кроу опалил даром Прометея ещё одну.

– Господи! – вырвалось у него невзначай. – Я только что слышал... Я ведь слышал?! О-о-ох... Тут никого нет. Опять. Что же делать, когда свечи закончатся?

Ответ поступил спустя пятьдесят освещённых минут. Спички иссякли, восковые стражи тоже. Расплавившись, они исполнили свой долг, а значит, Дариус был предоставлен горячо любимой тьме вплоть до семи часов утра. Сотни посторонних звуков окружали его. Наполненные влагой и резонансным стрекотанием, они то приближались, то отдалялись к углам помещения, отмеряя границы карцера. И в итоге... мальчик не выдержал и отключился от реальности. Его разум предпочёл уйти в сон, дабы сохранить свою целостность. Хотя бы ненадолго.

День второй

Во мраке время текло поразительно медленно, так что один час превращался в три. Бесконтрольно теряя сознание и возвращаясь в мир яви, Дариус отчётливо слышал, как нечто склизкое, точно всем своим телом окутанное жидкостью неизвестного толка, ковыляло от одного угла камеры к другому. Оно не спешило вредить мальчику. Куда больший интерес для него представлял пустой коробок спичек, кой порождение Тьмы бросало из стороны в сторону, уподобляясь игривому котёнку, заикленному на клубке пряжи. Сей невидимый сокамерник отдался весёлой игре. Или он был галлюцинацией, плодом фантазии младшего Кроу, невероятно реалистичной попыткой для отмеченного? Шёл второй день, и поэтому ответы получать было слишком рано.

Мориган пришёл к семи утра, как обещал. Открыв миниатюрное окошко в двери и просунув через него завтрак на тарелке вместе с набором свечей и спичек, отец не сказал ни слова. Он подождал, пока Дариус примет еду, убедившись, что мальчик жив, и поднялся на первый этаж.

Между тем Дариус сразу же зажёл первую свечу.

– Где ты, тварь?!

Пламя осветило помещение, где, кроме парнишки, никого не оказалось.

– Но это невозможно! Я слышал тебя! Ты! Монстр! Ты хочешь меня сожрать, да?! Не подходи! Слышишь меня?! НЕ ПОДХОДИ! НЕ ПОДХОДИ! НЕ ПОДХОДИ!

Вновь обессилев, он рухнул на пол и ударился лицом о бетон. Однако боли он не ощутил, ибо страх полностью завладел его разумом, подавив иные чувства. Десять минут со светом пронесли незамеченными, и вторая свеча зажглась одновременно с третьей. Сразу два восковых стража давали чуть больше света. Облазив комнату вдоль и поперёк, проверив каждый дюйм, Дариус вернулся на кровать, положил полезные предметы перед собой и накрылся

одеялом с головой. Под ним было достаточно тепло, но всё равно мальчишка дрожал, как осиновый лист. Он даже не догадывался, что тенями карцера управляет нечто знакомое ему. Оно пряталось в поле зрения и ждало подходящего момента – потери бдительности жертвой, дабы исполнить задуманное.

Когда часы оповестили дом о наступлении двух после полудня, Мориган принёс в карцер обед. Он открыл дверное окошко и снова просунул внутрь тарелку, кою тотчас обхватили ладони мальчика.

– Папа, не бросай меня! Я не выдержу! Мне кажется, здесь кто-то есть! Я закрываю глаза, чтобы было не так страшно! Когда они закрыты, и то светлее! Я умоляю, не уходи! Давай найдём другой способ открыть мои силы! Я очень хочу наружу! Я очень хочу домой, папа!

Ответ Дариус получил не сразу. Несколько секунд Мориган боролся с желанием отворить дверь и выпустить своё драгоценное чадо на свободу. Его руки так и тянулись к замкам... Едва прикасаясь к ним, они опускались вниз. Снова и снова... до тех пор, пока повелитель металла не пересилил себя.

– Прости, сын, но выбора у меня нет. Ты должен справиться с испытанием и обрести силу Короля. Помни, я верю в тебя. Я понимаю, как тебе страшно. Но крепись.

– Нет, ты не понимаешь! У меня постоянно провалы! И монстр где-то рядом! Он хочет меня сожрать! Я смотрел под кроватью, но его там нет! Я смотрел в туалете и вдоль всех стенок! Пусто! Как будто я тут один! Но я знаю, что он здесь! Я знаю, что я не один! Тут всё время какие-то шорохи и чмокания! Я схожу с ума!

И тут Мориган сделал шаг назад – разорвал дистанцию.

– Жизнь не мила без потерь. Таково равновесие, Дариус. Как только ты поймёшь, каким образом Оно работает, страх сам уйдёт. Я люблю тебя, сын. В шесть принесу ужин.

– Нет! Нет! Нет! – кричал узник, разбивая костяшки в кровь о дверь. – Не бросай меня тут! Это несправедливо! Неправильно! Папа, пожалуйста! Нет!

Он рухнул на землю, приклонив голову и опустив руки по швам.

– Нет... Нет... Я больше ни минуты тут не выдержу...

День третий и день четвёртый

Сценарий повторился вплоть до мелочей: бессмысленные мольбы, плач и кровь на руках. В третий день Дариус израсходовал все шесть свечей всего за один час. Он терял сознание от страха каждый раз, когда монстр подавал признаки жизни. Казалось, будто его тёплое дыхание врезалось в шею мальчишки и служило ему прямым доказательством – Таинственное Оно точно было где-то рядом. Наслаждаясь страданиями сокамерника, оно получало силы для дальнейшего существования. И только свет возвращал всё на круги своя. Золотистые лучи отматывали время назад, не давая непоправимому случиться. Дариус понятия не имел, спланировал ли Мориган всё до подробностей, но это и не имело значения, ибо жуткие идеи пастыря и без того позволяли заключению продолжаться.

Лишь на четвёртый день, взяв последнюю из шести свечей в свои дрожащие руки, Дариус задался рядом важных вопросов. Простых, таких как «почему?» и «зачем?». Неизвестное чудовище продолжало издавать эти хлюпающие настойчивые и просто омерзительные звуки, но оно, тем не менее, так и не перешло в наступление. Если бы оно действительно желало навредить мальчику, давно бы сделало это. Тогда в чём был смысл? Почему? Зачем?

Для игры в прятки в карцере было мало места: слив унитаза или кровать. Проверив их в десятый, а, может быть, даже в сотый раз, Кроу-младший сел на полу посреди комнаты, держа последнюю незажжённую свечу.

Неожиданно для себя самого он понял, в чём истина.

– Это круг... – молвил он бесстрастно. – Я делаю только хуже, когда зажигаю свечи. Чтобы меня быстрее выпустили на свободу, я должен дать темноте то, чего она так хочет. Я наконец понял. Мне страшно и радостно от этого. Первое перевешивает второе, но я это исправлю.

Он огляделся по сторонам. Вокруг по-прежнему простиралось одно лишь полотно черноты – никаких признаков жизни или смерти.

– Мне надо двигаться, только когда папа приносит еду, – решил Кроу. – Если буду незаметным, монстр точно меня не тронет. Да, так и поступлю.

День пятый и день шестой

Дариус исполнил задуманное, и вскоре Карцер Сотворения наводнили полчища невидимых глазу чудовищ. Убийственный пламень более не прерывал их тайный ритуал. Обходя заключённого кругом, они намеренно задевали его своими склизкими хвостами, похожими на бойкие кнуты, после каждого соприкосновения оставляя маслянистый след на коже мальчика. Эта субстанция обжигала. Она прилипала к коже, затвердевая, оставляя на ней отметины. Но вопреки всему Кроу держался. Он ни разу не открыл глаза и даже пищу принимал вслепую. К вечеру шестого дня у него накопилось тринадцать свечей. Ровным строем они облокотились на стену возле кровати, ожидая новых собратьев, коих непременно должен был принести Мориган.

Такое поведение аколиты тьмы восприняли как прямую угрозу. Чудовища начали по-настоящему провоцировать Дариуса. Толкая его в спину и живот своими головами, рыча, словно одичавшие псы, заметившие на занятой ими территории чужака, они ждали признака малейшей слабости. Ведь если незванный гость не ведает, какова ноша силы, ему не прожить и минуты – стая разорвёт нарушителя на мелкие кусочки и даже глазом не моргнёт. Но если он спокоен... Если силён духом и телом, готов сражаться до последней капли крови... Псы не станут рисковать. Они тоже знают, что такое страх.

Так, сжав всю волю в кулак, Дариус понял, кем он хочет быть на самом деле. Ведомый внутренним компасом мальчик скрылся среди райских кущ сна – по собственной воле заснул в окружении врага, пусть и ненадолго.

День седьмой и день восьмой

Получив ещё шесть свечей, будущий Король «Нового Света» аккуратно положил их рядом с остальными солдатами восковой армии и сам прижался к стене. Внутри карцера с ним соседствовали монстры, уже буквально наступавшие друг другу на пятки. Десятки копошащихся во мраке извергов мироздания надрывали глотки, и поднятый ими гул сводил с ума. Дариус не слышал даже звуки собственного дыхания. Он много раз спросил себя: «А знает ли отец?». Этот вопрос своим равнодушным происхождением причинял настоящую боль, когда склизкие прикосновения, запах графита и отсутствие света отошли на задний план. Лишь это наглое надругательство над тишиной могло посоревноваться с Мориганом Кёртисом Кроу в жестокости.

Стиснув зубы до боли в дёснах, мальчик боролся со своими гневом, рвавшимся наружу вопреки страху или опасности, откуда порождения тьмы вокруг него визжали на неизвестном языке. В такой манере протекла ночь – пришёл день восьмой, а Дариус даже не шелохнулся. Он без труда сохранил абсолютную неподвижность до прихода отца. Взяв свечи и завтрак, не потянувшись к свету, что бил через дверное окошко, мальчик управился с пищей и, поставив свечи у стены, сел в позу лотоса.

Так танец чудовищ и их голоса слились в непрерывное неблагозвучие. Вседозволенность практически поглотила карцер, как вдруг:

– Молчать, – прошептал человек-тень, и твари замерли, уставившись на него.

Ибо глаза заключённого были открыты – ими владел аметистовый блеск. Яркий, как фиолетовый драгоценный камень, он манил порождения мрака и в то же время отпугивал их. Большинство даже наперекор любопытству страшилось сдвинуться с места, однако храбрейший из монстров медленно приближался к Дариусу.

– Теперь я тебя вижу, – сказал Кроу, выдав мерклую улыбку. – Теперь я понимаю.

И порождение тьмы панически отскочило в сторону, своей тушей повалив товарищей на землю. Все вместе они сторонились мальчика. Скуля, взывая на помощь буквально залезали друг на друга, лишь бы оказаться подальше от него – в самом тёмном углу! Кроу чувствовал эту опьяняющую власть над тенью. Встав на ноги, он пренебрежительно развёл руками в стороны – готовый заключить своих слуг в объятия, Король «Нового Света» обратился к ним. К этим силуэтам, молившим о пощаде на неизвестном человеку языке.

– Тьма для меня светлее дня, – говорил Дариус уверенным безмятежным гласом. – Всегда была. Я был глуп и не понял, что моя сила проявилась в первый день в карцере. Вы мои дети. Я создал вас, сам того не зная. Тени тянутся ко мне, они хотят приласкать меня, прямо, как мама. И пока я в тени – я неуязвим. Я могу всё. Так подойдите ко мне, мои дорогие создания.

Кроу протянул правую длань перед собой, и чудовища послушно потянулись к ней. Безликие маслянистые големы разных форм и размеров пали пред монархом ниц. Такой была их клятва – служить ему, единственному достойному до самого конца.

– Теперь я знаю, каково это... Потерять и вновь обрести. Как бы я ни хотел, но я больше не ребёнок. Я тот человек, от чьих решений зависят судьбы всех живых и мёртвых.

Полный решимости, он посмотрел на выходную дверь, вокруг которой собиралась маслянистая бурлящая тьма. Она желала услужить – стать инструментом обретения свободы. Она словно умоляла монарха воспользоваться ею. Нужен был приказ, быть может, намёк или хотя бы направление. Остальное на себя брал эффект метки.

– Хочу домой, – сказал Дариус.

И его желание просто не могло не исполниться. Чёрные щупальца вмиг выросли из стен и яростно вонзились в металлическую обшивку единственной преграды. Сорвавшись с петель и сжавшись в комок несуразности, та, словно скомканный лист бумаги, пожираемая тенью, растворилась в небытии. Этот мир отверг её, но зато её принял другой – прекрасное царство одного человека, где не было места боли телесной, но ментальной отведена ведущая роль. Она сеяла истинный хаос и нагоняла первородный страх под чутким руководством повелителя Тьмы.

Не прошло и минуты, как его обеспокоенный шумом отец спустился в подвал и увидел деяния сына. Дариус стоял на пороге абсолютно неподвижно, опустив взгляд к полу, выжидая первого слова Моригана, коему не составило труда понять очевидное – мальчик изменился. Он стал другим...

– Сын? – молвил Кроу-старший. – Это ты сделал?

– Да, папа. Я и мои друзья.

Камеру по очереди покинули големы мрака, своими непостоянными формами и размерами заставив Моригана Кроу утратить хрупкое равновесие. Окутанный парализующим страхом, он лежал на полу и не верил глазам своим. Его сын не просто отмеченный... нет! Дариус обладал редчайшим даром: мог создавать жизнь из пустоты. Эти внеземные создания, очевидно обладавшие свободой воли и тягой к жизни, одно за другим через поры кожи впитывались в тело мальчика. Как почтенный хозяин он служил им порталом, ведущим к стратуму Пропускающего пространство.

И лишь поглотив всех своих слуг и отпрысков, укрыв даже собственную тень от посторонних глаз, названный Король «Нового Света» оторвал взгляд от земли, посмотрев на отца.

– Аметист, – прошептал тот самозабвенно. – Твои глаза, они прекрасны, сын. Ты раскрыл потенциал. Ты превзошёл все мои ожидания.

– Я перестал зажигать свечи. Это был бессмысленный круг, как и вся моя жизнь до сегодняшнего дня. Теперь у меня есть настоящая мечта, папа. Я очень хочу нарисовать какую-нибудь другую фигуру. Ты поможешь мне?

Мориган бросился к сыну, чтобы обнять его, и мальчишка с радостью принял отца. Прижавшись к его плечу, уткнувшись носом, он пустил одинокую слезу, ибо даже после пыток любовь не умерла. Она лишь обрела новую форму – ту, кою люди порицают, не понимая сути. Когда боль имеет смысл. Когда она служит очагом перемен.

– Конечно, я тебе помогу! – кричал Кроу-старший. – Ты надежда этого мира! Ты лучше меня и дедушки и всех вместе взятых! Возрадуйся, сын! Впереди нас ждёт большое путешествие, и Фаундер разделят его с нами! Я не хотел тебе говорить, чтобы не портить сюрприз, но твой дорогой друг Крис будет вместе со своим папой нам помогать! Здорово, ведь так?

Мальчик кивнул и улыбнулся. Эта улыбка была совсем другой. Она больше походила на тяжкий опыт старца, нежели на невинность ребёнка.

– Да, папа... Я думаю, Крис заслуживает право быть со мной, когда всё случится. Ты не против? Так можно сделать?

– Если ты так желаешь. Ты Король, и я подчиняюсь тебе.

Пред теневым монархом Мориган с чувством удовлетворения приклонил колено. Широкая улыбка украшала его лик, ведь гордый пастырь добился успеха, создав человека-тень – будущего врага детей Санриз и символ власти «Нового Света». Того, кто показал мне, насколько же я ничтожен.

И я знаю... У вас много вопросов. Смятение ведёт ваш разум по тонкой линии, то и дело искривляя её, дабы рассудок покинул сознательный пит-стоп. Простой мальчишка с простым детским страхом превратился в любителя музыки пятидесятых, философа, верного мужа, мастера убеждения и кровавого убийцу. Уверяю, что это только начало. Подсказки витают повсюду... Спустя столько дней, столько месяцев... мы наконец подошли к центральному конфликту истории – противостоянию Мэттью Гордона Саммерса и Дариуса Вентделла Кроу. Добро пожаловать на поле брани сына и отца. Здесь будет пролито много крови, и, пока я держу заветную свечу, что позволяет вам прочесть строки истории, скрывающиеся в темноте, знайте одно: жизнь не мила без потерь. Сколько бы горя не выпало на долю путника экзистенции, сколько бы ударов не приняла его стальная душа, он всегда вправе запросить вселенскую компенсацию. Ведь если теряешь нечто важное, получаешь его условный эквивалент.

Главное – играй по правилам...

Иначе эквивалентом станешь ты.

Глава 43. В чёрном цвете, под луной

Денис Дмитриев и Субъект В8

02.10.2033

09:20 p.m. Возродившийся Детройт. Тайрелл-стрит

Когда человек решает встать на сторону зла? Я много раз думал об этом. Все мы в своё время были улыбчивыми младенцами и дарили радость счастливым родителям. Наш звонкий смех лился от всей души, а горькие слёзы стекали по щекам от боли или несправедливости. Эмоции соответствовали ситуациям. А что теперь? Улыбка стала зловещей, а плач манипулирующим? Когда?! Когда происходит эта жуткая метаморфоза?! Почему мы теряем связь с путями Абсолюта?

Мне не дано знать... Увы, никому не дано.

Мы можем лишь строить бессмысленные догадки и вопрошать: в какой момент мы испортили детей? Недосмотрели за ними, не дали дельного совета и не обратили внимания на знаки, что вымаливали родительского контроля. Нам следует винить только себя, ибо каждый человек рождается невинным и теряет первоначальный облик под гнётом непредсказуемой реальности.

Взять хотя бы меня... Не так давно я был обычным финансистом из Нью-Йорка. Пределом моих мечтаний являлась руководящая должность под покровительством Дэвида Винса, семейный дом и устойчивое положение в обществе серых масок, коими Большое Яблоко наводнило постыдная нужда. Кем я стал по прошествии лет? А о чём мы говорили на предыдущих страницах? Вы имеете дело с Аватаром Фатума – с монстром, опьянённым жадой мести. Строчка за строчкой, глава за главой этот человек отнимает людские жизни, уничтожает чужую собственность и вообще не думает о последствиях. Его поглощает гнев, и даже девушка с внешностью Елены Райс, горячо любимой и не забытой, не в силах спасти своего Пропускающего Пространство. Тот жаждет лишь одного: вкусить тёплой крови такого же чудовища, как и он сам – Поляриса, наведавшегося в гости к Денису Дмитриеву.

До чего нелепо смотрелась эта картина. Кровожадный убийца в полном обмундировании, вооружённый до зубов, сидел в дутом розовом кресле с рисунком в виде синих цветочков на спинке и подлокотниках. Обшивка на них была надорвана, и виднелся старый поролон, – от каждого неловкого движения выплёвывающий в воздух пыльные облака. Не обращая на них внимания и не задаваясь вопросами морального характера, у шеи беззащитного ребёнка Полярис держал холодное оружие. Он мог воспользоваться им по назначению – его рука не смела дрогнуть. Однако мой злейший враг не ставил перед собой задачу лишить Алису Дмитриеву жизни. Вместо этого Старсбидден решил преподать урок своему бывшему коллеге Ладье, надавив на самое больное его место.

– Отпусти её! – прокричал колосс, топнув ногой. – Немедленно!

– Диктовать условия будешь где-нибудь в другом месте. Вы у меня в кармане.

Тот самый Коршун из отряда специального назначения «Магnum-Дельта», ставший живой легендой среди военнослужащих, окончательно утратил прежний облик. Его некогда карие глаза стали красными, как у разъярённого быка. Кожа побледнела, обрела землистую структуру и истончилась, демонстрируя пульсирующие напряжением вены. Казалось, они вот-вот лопнут под давлением. Если бы старина Поллукс Грант только знал, что его формула сделала с приветливым латиноамериканцем... Бьюсь об заклад, учёный пересмотрел бы свои взгляды на жизнь.

– Кажется, я попросил тебя сесть? Приземляй жопу, Денис. А вы, Адриано Сколлетти, не смейте тянуться к оружию, пожалуйста. Я НЕ СЛЕПОЙ!

Полярис повысил голос, и девочка в его руках вздрогнула, обронив слезу страха. Могильный запах исходил изо рта убийцы, смрад смерти и запустения. Он словно иссушал пространство вокруг, лишал его красок жизни, окуная мировосприятие заложницы в реалии навязанного ей пеплума – истории о сильных и слабых, о копьях и щитах.

– Я убью эту мелочь раньше, чем вы прикоснётесь к спусковому крючку, и ещё успею сказать «Слишком медленно»!

– Bastardo... – тихо молвил Рио, откинув винтовку к ногам убийцы.

Туда же пали дробовик, Сакраментия Учителя и пистолеты Харви.

– Довольны? – спросил последний. – Мы отдали всё.

– Замечательно. Я рад, что мы поняли друг друга. Как-никак мы с тобой коллеги, Дмитриев. Это надо учитывать.

– Я наконец вижу твою рожу без маски, Кифер Старсбидден, – ответил Ден, сев на стул, он установил его спинкой к врагу и положил на неё руки. – Ты не переживаешь за тайну личности? Что изменилось?

– Изменилось абсолютно всё, Дмитриев. Я стал лучше! Теперь нет смысла прятаться, ведь они всегда со мной. Они слушают и отвечают.

Не понимая, о ком идёт речь, Путники Бездны переглянулись между собой. Они просто не могли слышать яростные голоса:

– ВСЕХ НАДО УБИТЬ! КАЖДОГО!

– КОНЕЧНО КАЖДОГО!

– АБСОЛЮТНО КАЖДОГО! НИКОГО НЕ ОСТАВИТЬ!

– Ты когда-нибудь чувствовал, что ты максимально близок к цели? – продолжал Кифер, вжав кончик лезвия в шею Алисы и пустив ей каплю багрянца.

Девочка взвизгнула от боли, и, едва услышав тонкий голосок своей плоти и крови, Ден напряг каждый мускул в теле, однако предпринимать ничего не стал. Его оппонент был чертовски ловок – любое необдуманное решение могло стоить ребёнку жизни. Пока Алиса находилась в руках чудовища, требовалось сохранять неподвижность всех и вся. Весткотт, Сколлетти и Молз замерли на месте, а Виктория и Георгий Дмитриевы лежали на полу, не издавая ни звука, уткнувшись лицами в пол.

Это был только их разговор. Ладьи и Путеводной Звезды.

– Как никогда я близок к совершенству. Я стану идеальным охотником, и не будет мне равных. Ты не представляешь, каково это...

Он сделал глубокий вдох и договорил на выдохе:

– Упоительное ощущение.

– А причём здесь я и моя семья? Ты хоть сам понял, зачем сюда пришёл?

– У меня есть работа, и я должен её выполнять. Твоё предательство не осталось незамеченным, и организация не простит его. Ты это знаешь, и я это знаю.

– И чего ты хочешь? Зачем ты вмешиваешься в это мою семью?

– Тут дело особое, Дмитриев...

Старсбидден улыбнулся во весь рот. Из его дёсен сочилась чёрная жижа – Берсерк, смешанный с кровью. Под действием формулы Гранта живое оружие стало с носителем единым целым во всех смыслах. Оно внедрилось в его кровеносную систему и мимикрировало под ДНК.

– Я знаю, что должен прикончить Саат и этого ублюдка с сабелькой. Но сперва я разберусь с тобой как с предателем организации. Я знаю твоё слабое место. Твою кожу не пробить, конечности не сломать... Даже в ноздрях у тебя там что-то есть! Но только не в глазах... Они как Ахиллесова пята!

– Папа, я могу выключить всё, – прошептала Алиса, собравшись с силами.

Трепет в её глазах говорил о желании помочь хоть как-нибудь.

– НЕЛЬЗЯ, ДОЧКА! НЕ СМЕЙ! НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЙ!

И Денис выступил в открытую. Он не обдумал слова, бросив пагубную тень подозрения на себя и на девочку. С Полярисом по таким правилам играть было нельзя.

– В смысле всё выключить? – ухмыльнулся тот и посмотрел на заложницу по-новому, с искрой профессионального интереса в глазах. – Это её эффект метки, Дмитриев? Поэтому ты прятал девочку? Звучит интригующе. Вот как мы с тобой сейчас всё сделаем... Ты крепко свяжешь Сколлетти и этих двух заумных дебилов. Потом твоя семья и я выйдем на улицу. Свидетелей там будет немного – большая часть местных дегенератов ошивается на ярмарке.

– И что дальше? – спросил колосс.

– Дальше мы будем драться. Ты непробиваемыми руками, а я с одним единственным кинжалом. Берсерк встанет охранять твою дочку. Выполняй...

Откликнувшись на команду господина, живое оружие начало нехотя покидать насиженное место. Чёрная субстанция, раскладываясь на мелкие лоскутики дрожащей материи, нить за нитью отделялась от Поляриса. Она хотела продлить связь как можно дольше, маслянистыми сгустками опускалась вниз по его шее, любовно проводя по ней «волосками», точно прощаясь со своим избранником, вкушая ароматы кожи и ставшее родным тепло. Казалось, Берсерк получал удовольствие от этого. Материя затрепетала и жалобно сжалась, когда рухнула на землю и переползла к Алисе. Она быстро и отчуждённо окутала тело девочки – дала ей возможность дышать, но управляла всеми её движениями. А чтобы Дмитриеву было ещё больнее, живое оружие оставило прорези для глаз, через которые маяками ужаса сиял зов о помощи.

– Вот это да, – выдавил из себя Денис. – Берсерк так не работал... Какую ещё заразу ввели в твоё тело? Хотя... Это неважно. Если с моей девочкой что-нибудь случится...

– Давай без клишированной хрени, здоровяк? У нас немного времени, поэтому я разъясню тебе правила. Я не могу отойти от Берсерка далеко – мы сходу потеряем кровную связь. Он убьёт девочку, а потом сдохнет сам. Ты и я на такой риск не пойдём. Это не в наших интересах. Того маленького кусочка жижи, который я оставил бороздить мои вены, нам хватит минут на десять. Смекаешь?

Полярис выставил требования. Они не устраивали никого из Путников Бездны, но только Джуллио перешёл в наступление. Сделав уверенный шаг вперёд, указав на зарвавшегося поборника «Нового Света», он, не сдерживая гнева, высказал своё мнение:

– Figlio di puttana!¹ Ден, неужели ты позволишь ему играть в эти игры?! Это просто безумие! Давайте прикончим ублюдка! Он не успеет ранить девочку! Я уверен!

– Увы, он успеет, – с печалью молвил Лоуренс. – В состязании скорости ему быть победителем. Уж слишком удачную позицию он избрал.

Согласный с каждым словом ненавистного ему мудреца, Кифер развёл руками в стороны, ибо Алиса и без кинжала у шеи была в его полной власти. Так, издевательски подмигнув Денису, негодяй указал в сторону выхода.

– Начнём, мой старый друг?

И голоса в голове Старсбиддена будто с цепи сорвались:

– НАЧНЁМ!

– ОДНОЗНАЧНО НАЧНЁМ!

– ВЫРВЕМ УБДЮДКУ ГЛАЗА И РАЗДАВИМ ИХ! ОН НАМ НЕ РОВНЯ!

Не в первый раз угодив под пяту, Денис исполнил указания. Одного за другим он связал друзей и медленно спустился по лестнице вместе с семьёй. Этот вечер просто не мог стать хуже... В чёрном цвете под луной новый враг грозился отнять самое дорогое, за что скорбный колосс боролся долгие годы, отказывая совести в законной апелляции. Теперь на чашах весов они двое – поединок разных идеологий, разных целей и путей.

¹ Сукин сын (итал.).

Как и говорил безумец с кинжалом, снаружи не оказалось свидетелей. Добрый праздник отнял у города глаза и уши, дав яростной дуэли зелёный свет. Воюющий ветер проносился по мёртвой улице, перетаскивая по асфальту оборванные листовки с изображением наглой физиономии Сальвадора Торнри, зазывающего на праздник Святой Пули. Трудно представить, что бы случилось, не улети бабочка Лоуренса в противоположном от ярмарки направлении. Возможно, ничего из вышеописанного. Пролитый чай или дружеский спор с сыном могли бы стать единственными проблемами Виктории Дмитриевой тем вечером. То был благоприятный расклад. Однако мы с вами знаем, как работает моя история. И иллюзии мы строить не смеем.

Объятая страхом мать застыла рядом с сыном и скованной дочерью, наблюдая за непримиримыми соперниками, подсчитывавшими шансы на успех. Прищуренный взгляд Ладьи буравил владельца Берсерка насквозь, но тот ни в чём не уступал. Как бешеный зверь, кой не ел уже несколько недель, Кифер разглядывал Дена, улыбаясь, облизывая губы и причмокивая.

Чёрный кинжал в руке изменился, стал зазубренным лезвием ножа, соприкоснулся с языком бывшего лидера «Магнум-дельта» и...

– Я знаю, на что ты способен, если закроешь глаза, – он заговорил первым. – Без фокусов, Сталин. Со мной такое дерьмо не прокатит. Если хоть раз моргнёшь слишком медленно, Берсерк убьёт девчонку.

– Я тебя понял. Глаза надолго не закрывать. Мне бояться нечего. Ты банально не попадёшь куда надо.

– Хо-хо! – ухмыльнулся Полярис, расправив спину. – Подначиваешь меня вместо того, чтобы бежать без оглядки? Да, чёрт возьми! Иди же ко мне, Дмитриев! Сразимся! Я позволю тебе нанести первый удар! Так будет интереснее!

Денис сжал кулаки. Он решил напоследок посмотреть в глаза жены и увидел в них ужас перед туманным будущим. Любящая супруга впервые в жизни понятия не имела, выйдет ли её муж победителем из боя. Ибо Старсбидден источал пары уверенности и потому казался неуязвимым. Так со стороны выглядит каждый сумасшедший.

«У него совсем чердак поехал», – мысленно заключил Дмитриев. – «Надо его уработать и валить отсюда. Было неприятно связывать друзей! Лоуренс ни слова не сказал поперёк. Если он верит в меня, значит, и я не должен сомневаться! Я прохожу тот же путь, что и Таннели. Какой она была при нашей первой встрече?»

Тяжёлая поступь знаменовала начало столкновения. Прямая спина и сосредоточенность в глазах говорили о решимости Дениса поставить жирную точку. Он рванул навстречу Полярису, готовый обрушить на него всю свою мощь. В сердце русского воина пылала свеча истинной любви, ради которой стоило принять ветра перемен.

«В доме Бойла, она была беззащитной девчонкой», – Ден продолжал думать о Госпоже Зеркал. – «Но в разрыве она бросила вызов монстрам и этому психованному ублюдку, не моргнув и глазом! Госпожа Зеркал теперь боец! И я тоже!»

В этом времени, что застывало по велению мысли, могучий кулак некогда Ладьи уже вознёсся над головой Поляриса, делившего с ним одну тему размышлений. Старсбидден тоже вспоминал о Таннели Саат, однако направление выбрал иное:

«Дмитриев – труп. Вторая доза сделала меня лучше! Теперь даже у турецкой шлюхи нет ни единого шанса! Я разрублю её на мелкие кусочки и скормлю рыбам! А потом и этого блаженного с сабелькой! Берсерк поглотит его и выплюнет в новом обличье! Но я останусь прежним внутри... Вы слышите?! Матушка?! Отец?! Я всё ещё часть нашей семьи! Я вот-вот вернусь домой! Вы будете мною гордиться! Вы дадите мне моё настоящее имя!»

И голоса поддержали его:

– ПАЛАСИАС! ТЫ ЧАСТЬ РОДА!

– КОРМИ СЕБЯ ЭТИМ! ГЛАВНОЕ – УБЕЙ ЭТОГО РУССКОГО ТУПИЦУ!

– И НАМ НЕ ЗАБУДЬ ОСТАВИТЬ!

Зажмурившись, Виктория пропустила первые несколько секунд боя. Только шаги и отзвуки прерывистого дыхания подсказывали ей, что её муж по-прежнему жив. Он сражался за честь семьи, бросая вызов осведомлённому врагу – тому, что держал знание о слабости на виду и не боялся им воспользоваться. Однако Полярис не учёл, что и Денис вооружён знанием о нём. Колосс работал с Кифером три года, и за это время составил его подробный тактический портрет. В бою с превосходящим по силе врагом Старсбидден частенько использовал уловки и грязные трюки, а значит, в этот раз без них бы точно не обошлось.

В таком случае почему бы самому не вытворить что-нибудь эдакое?

Ден применил простую, но действенную уловку. Замахнувшись правой рукой, он в самый последний момент закрыл глаза левой. Таким манером Дмитриев избежал удара ножом. Зазубренное лезвие отскочило от запястья, и слабое место осталось нетронутым. Разве что неприятный звон в ушах заставил оппонентов умерить пыл.

– Ушёл в оборону?! – завопил Полярис и нанёс ещё несколько ударов. – Мой нож не разобьётся о твою кожу! Не будешь ничего делать, Берсерк убьёт девку! Дай мне в морду!

– Хозяин – барин...

Своим коротким ответом Денис застал Поляриса врасплох. Здоровяк схватил его за шею одной левой и резким движением впечатал в асфальт, подняв груды обломков и облако пыли, затмившие обзор. Дмитриев просто не мог увидеть, что произошло на самом деле. Завеса разъедала ему глаза, точно слезоточивый газ, однако неприятнейшим компонентом этого «ситуационного коктейля» оказался смех убийцы в броне.

Он хохотал, будучи невредимым:

– Ох-хо-хо! Какой напор! Но Берсерк всё ещё защищает меня! Даже этого маленького кусочка хватит, чтобы тебя обдурить!

Сбитый с толку Ден опомнился за миг до непоправимого. Нож проскользнул в миллиметре от зрачка его правого глаза и, умоляя порывы воздуха довершить начатое, вернулся наизготовку. Среди пыльного тумана он блеснул ещё два раза, но только угрожая – без цели нанести вред. Этого было достаточно, чтобы вызвать у Дмитриева одышку. Он не представлял, какие ещё карты в рукаве припас его враг, а потому не мог ответить на атаку. Ему пришлось отступить.

– Мы так и будем хитрить или начнём драться? – спросил Кифер, держа нож у своего горла. – Давай! Покажи мне Ладью! Может, тебе чёрный костюмчик принести для уверенности?

Пережить смертельный удар Полярису помогла та крошечная частичка Берсерка, что служила связующим звеном между основным оружием и хозяином, бороздя просторы его кровеносной системы. В момент опасности она увеличилась в размерах, как спасательный жилет, и смягчила падение. Ден понял это, разглядев Старсбиддена.

– Даже этой козявки хватило? Чем думал «Новый Свет», когда давал тебе доступ к этому оружию? Ты опасен даже для организации.

– Кто-то делал домашнее задание! Ты понимаешь, что ты обречён! Сегодня ты либо нарушишь свой кодекс и убьёшь меня, либо погибнешь сам! Я загнал тебя в угол, и никто не придёт на помощь!

Стремительным вихрем Полярис сократил расстояние до Дмитриева и обрушил на него серию размашистых ударов ножом. Под аккомпанемент звериного воя убийцы, утратившего человечность, схватка продолжилась. Остриё погибели было преступно близко к цели, и Дену пришлось пятиться, лишь бы лезвие не достигло сетчатки глаза. Обходя поднятые в защите руки, извиваясь, подобно змею, оно отыскивало брешь в глухой обороне. Всякий раз, когда Денис пытался ухватить Поляриса за руку, тот необъяснимым образом избегал захвата и прикладывал вдвое больше усилий – сражался яростнее, чем секунду назад. Каждый взмах ножа

порождал искры от удара о непробиваемую кожу. Они падали наземь, вырисовывая вокруг соперников пламенный круг.

Члены семьи Дениса смотрела, как Голиаф проигрывает Давиду, как скорость и умения берут верх над грубой силой и массой. Денис не мог нанести даже один удар, ибо Полярис достиг совершенства, сам того не понимая. Воспользовавшись весом оппонента против него, он повалил Дмитриева на землю, сжал рукоять ножа крепче и нанёс удар.

– Папа, нет! – закричал Георгий и тотчас отвёл взгляд.

Все звуки жизни оборвались. Возродившийся Детройт утонул в безмятежности, давящей и невыносимой. С трудом отважившись открыть глаза, сын гордого отца увидел, как Полярис стоит над ним и держит нож у его правого зрачка. Снова в жалком ничтожном миллиметре от него. Старсбидден мешкал, и никто не понимал, почему... С натянутой, как струны судьбы, улыбкой, застывшей на лице подобно недорисованному шаржу, тот, что должен был видеть Запретные Звёзды, вёл сражение против самого себя.

«Я выиграл. Я стал лучше... Но почему я не могу его убить? Руки не слушаются. Я так близок к цели! Ну же! Ещё чуть-чуть!»

– НИКЧЁМНЫЙ, ЭТОГО МАЛО! – взревел сиплый голос, а за ним остальные.

– МОЖНО ЕЩЁ ЛУЧШЕ! ТЫ ПОТРАТИЛ СЛИШКОМ МНОГО ВРЕМЕНИ!

– ДА! ТЫ ПРОПУСТИЛ ОДИН УДАР! НУЖЕН ЧИСТЫЙ РЕВАНШ!

Голоса критиковали Кифера без веской на то причины. Они видели просчёт там, где его не было. Искали призрачный повод в третий раз воспользоваться RTSQuared и повторить историю неудач Полукса Гранта. И снова формула могучего суперсолдата подвела. Там, где Коулкард, там и Старсбидден.

– Нет, нет, нет, нет! – запричитал последний, схватившись за голову. – Этого мало! Я всё ещё не совершенен! Я пропустил удар и так долго возился с добычей! Мне нужно ещё...

– КОНЕЧНО! БЫСТРЕЕ! СИЛЬНЕЕ! ЛУЧШЕ!

– ТЕБЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ РАВНЫХ! МЫ ЭТО ПОНИМАЕМ!

– И НЕ БУДЕТ! ЭТО ЗАКОН! ЭТО СПОРТИВНЫЙ ИНТЕРЕС!

Увидев потерянность врага, Денис понял, что ему ничего не угрожает, и осторожно встал на ноги. Не спуская глаз с бешеного пса армейской закалки, он подобрался к членам семьи и не обнаружил на коже Алисы ни малейшего признака присутствия Берсерка. Оружие в панике покинуло девочку, едва Полярис потерял контроль. Оно воссоединилось с ним и попыталось привести в чувства, но безуспешно.

Покуда Дмитриевы ринулись на выручку Лоуренсу и остальным, голоса продолжили терзать разум поборника «Нового Света»:

– ОНИ БЕГУТ К ДОМУ, НО ЭТО НЕ ВАЖНО!

– НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ ТВОЕЙ НУЖДЫ! ТЫ ВСЁ ЕЩЁ НЕ ИДЕАЛЕН!

– НО ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК ЭТО МОЖНО ИСПРАВИТЬ! ОНИ НЕ ПРИМУТ ТЕБЯ, ПОКА НЕ СТАНЕШЬ ЛУЧШЕ! ПОКА НЕ БУДЕТ ПРОСЧЁТОВ!

Со стороны Кифер Бенджамин Старсбидден напоминал статую. Его лицо не выражало эмоций, было лишено обозримых признаков жизни. Одни только веки иногда поддёргивались, сигнализируя о внутренней борьбе – схватке человека и голосов, убеждавших его в наличии несуществующего просчёта. Погрешности столь незначительной, что та не имела смысла. В этот день «Новый Свет» окончательно утратил власть над Полярисом. Требования руководства и чётко поставленные задачи отошли на второй план. Он должен был стать лучше только одним способом: приняв третью дозу препарата.

Голоса приказали Киферу повернуть назад. Без возражений покинуть Тайрелл-стрит и Возродившийся Детройт, дабы отыскать свой собственный путь Абсолюта... Искажённый, изуродованный, мало похожий на дорогу просвещённых, он вёл в глубины Отдела № 16, и даже без помощи Доктора Талос убийца моей драгоценной мисс Райс был готов рискнуть всем, что у

него было. Этот риск понёс его вперёд по улицам криминал-града с поразительной скоростью. Бросив заклятых врагов, Полярис отправился в пучину безумия. Наперекор логике и здравому смыслу.

В чёрном цвете, под луной...

Конец записи 54

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведёт: Карсон Смит.

К: И-и-и готово. Быстрый вопрос. Мысли Кифера и голоса в голове – это ваше допущение? Вы ведь не можете знать, о чём он думал.

М: Слишком рано для этого вопроса. Ответ вы получите. Обещаю.

К: Ладно... Теперь можно обсудить слушание по делу Аэрамаса.

М: Я даже рад, что там почти нечего обсуждать. Кряхтения Ситуэла не в счёт...

К: Значит, я не один это заметил! Он издавал такие странные возгласы, будто сейчас развалится на куски. Помните, как судья поглядывал на него?

М: Помню... Мы так смеялись. Столько смешных шуток про Дункана я ещё не слышал.

К: Значит, она пришла?

М: Да... Я вёл себя, как тогда в театре. Аналогичные ощущения, словно я приглашаю Елену на первое свидание, только теперь это...

К: Только теперь это она – обойдётся без имён, чтобы не портить неосведомлённым малину. Никто не любит спойлеры. Вы рады, Мэттью? Можете не отвечать, я и так вижу. Таковую улыбку подделать невозможно, уж слишком она натуральная. Ещё не так давно вы были мрачны, как ночь перед рассветом, а сейчас не налюбуетесь огоньками у вас в глазах.

М: Спасибо, мистер Смит.

К: Не за что, мистер Саммерс. Жаль, я не могу сказать тоже самое Архонту. Этот гад не появился на слушании. Ни его людей, ни угроз. Скука смертная... Будто всей американской системы борьбы с преступностью не существует.

М: Для него это так. Аэрамас думает, что он выше закона. Он поставил перед собой определённую задачу и уверенно идёт к ней. Архонт не ввязывается в прямую конфронтацию. Для этого у него есть миньоны с промытыми мозгами. Отчаявшиеся бедолаги, которым отведена одна роль – пушечное мясо.

К: Каков будет его следующий шаг?

М: Ну, давайте рассуждать... Архонт показал, что для него нет разницы между детьми и взрослыми, испепелив школу дотла. С помощью конгрессмена он продемонстрировал, что политики – это пешки в его игре. Теперь перед Последователями Шагов Её стоит самая трудная задача: уничтожить К.О.С. Это последний оплот сопротивления в глазах Аэрамаса.

К: И как он добьётся своей цели?

М: Братья Эссексы – слишком крупные игроки. Последователям они пока не по зубам... Подумайте, Карсон, кто ещё играет важную роль в работе организации?

К: Дункан Ситуэл... Вы серьёзно? Они хотят убрать его?

М: Отвечу следующим образом. Скажите, что любит делать наш дорогой Дункан по средам и субботам?

К: К чему вы клоните?

М: Давайте, давайте, Карсон! Думайте... Есть одно у него занятие, которое он афиширует.

К: Игра в гольф... Загородное сборище акционеров К.О.С.! Этого просто не может быть!

М: Может! И будет! В эту субботу наши любители покатают шары в самой тупой игре на свете соберутся все разом в одном месте на радость Архонту Аэрамасу. Если он убьёт членов правления, у К.О.С. останутся только Левша и Правша, а вдвоём без прикрытия они Последователям уже не помеха.

К: Вы ведь помешаете им, верно?!

М: За Ситуэлом будет должок. Мой человек присмотрит за гольф-клубом. Поднимет там каждый камень, чтобы обеспечить безопасность моего врага. Скажем так, я защищаю меньшее зло и стараюсь насолить большему.

К: Разумный подход. Мы расставили все точки над «И», о чём поговорим в следующей записи?

М: О моём отце. Наша первая встреча дождалась часа своего описания. Вам всё известно, а вот общественности... Ей пора бы открыть глаза. Пора столкнуться с окном, что отражает суть мироздания лучше любого философа, погрязшего в субъективизации лжи.

Глава 44.1: Окно Овертона

Дариус Кроу и Мэттью Саммерс.

03.10.2033.

09:55 p.m. Чикаго.

Он смотрел на меня без тени страха или сомнения. Его тяжёлая правда отравляла воздух, стягивая душную маску на лице человека, поражённого объектом реальности, столь хрупким, но упрямым от рождения, что алгоритмы бытия не способны превозмочь. Он знал... Напуганный мальчишка Мэттью Саммерс не в силах оказать достойное сопротивление. До последнего упираясь и не веря, никчёмный отпрыск всесильного будет идти против течения, сбиваемый волнами, кои не велики. Зачем стараться, если достаточно подтолкнуть? И мир развалится на части, дабы продемонстрировать тебе не содержимое, а его полное отсутствие. Ты никчём. Ты строишь планы, которые существуют лишь, чтобы обернуться прахом. Ты не живёшь – ты корчишься. Твои чаяния и утраты в рамках перспективы – это жалкое подобие несостоявшегося вздоха мертворождённого ребёнка. Того, что не влияет на мирское и в то же время оставляет за собой след. Размытый, неочевидный... пустой.

Что же я такое? Всё верно. Ведь я не заслуживаю громкого слова «кто». Только не рядом с ним.

– Вы поглядите-ка, – рассуждал Король, делая неспешные шаги. – Я просил прихватить тебя с Палмером в Баффало, потому что почувствовал ауру отмеченного... Но вот оно как... Золотистые волосы, высокие скулы и подбородок с ямочкой. Даже брови точно такие же, как у меня. И этот бледноватый оттенок кожи... Я словно в зеркало смотрюсь! Если бы не цвет глаз, который ты унаследовал от матери, я бы сказал, что ты мой клон. У меня тоже когда-то были голубые глаза, но совсем не такие, как у вас с мамой. Я вам не чета.

– О чём вы говорите? – еле выдавил я, проглотив кипящий во мне ужас. – Мы знакомы?

– О боже! Это просто невероятно! Весь в меня! Когда всё понял, начинает строить из себя дурака! Ты тоже надеешься, что реальность тебя вдруг пожалеет? Она посмотрит на тебя сверху вниз и скажет: «Нет... это слишком жестоко. Отмотаю-ка я всё назад». Я поражён! И прости, что повторяюсь, но господи, эти глаза! У тебя её уникальный голубой оттенок! Лазурный? Не-е-ет...

Взявшись за подбородок, он начал расхаживать из стороны в сторону, будто не замечая моего присутствия. Король убедительно демонстрировал своё превосходство.

– И тут мимо! Я не знаю слово, которым можно доходчиво описать цвет твоих глаз! Когда ты видишь их у одного человека, то не придаёшь этому особого значения, но стоит тебе встретить второго с такими же, ты сразу понимаешь, чего в нём такого особенного. Твой друг Джефф назвал бы их просто голубыми, но для меня и твоей матери Меган...

– Мою мать зовут Эбигейл Лия Саммерс. Я не знаю, о какой Меган вы говорите.

– Ну конечно же, не знаешь...

Дариус Вентделл Кроу приблизился ко мне вплотную, прижав к стене, загнав в ловушку. Этот наводящий ужас повелитель тени со сладострастием вдохнул ароматы моей кожи, точно лёгкий наркотик, и пронзил моё естество своим взглядом, полнившимся сокровенными знаниями, час которых пробил. Я чувствовал это давление – бесспорный авторитет. Возможно, так себя должен был ощущать сын в обществе отца.

– Мой мальчик... Откуда тебе знать правду?

И он отступил, дав мне немного пространства.

– Дай угадаю. Ты думаешь, твоего отца зовут Морган? Он служил на флоте и затонул вместе со своим судном, как герой мифов и легенд. Я ничего не перепутал?

– Откуда вам это известно?

– Я служил на том судне.

Уверенный в том, что Саммерсу духу не хватит совершить внезапную атаку, Дариус повернулся спиной и театрально раскинул руки в стороны.

– Оно затонуло вместе со мной. «Свидетель совершенства» отправился на другую сторону реальности и остался там на веки вечные. В отличие от меня. Я здесь, сын, прямо перед тобой.

О, это обращение... Мне думалось, даже Король инфернальной организации не заслуживал права называть меня так. Обуреваемый яростью, я сорвался с места, вознамерившись стереть наглеца в порошок одним движением руки, однако мой оппонент стоял на несколько ступеней выше и ему не понадобилось двигаться – хватило одной мысли. Жидкая тьма отпрянула от стены за моей спиной. Извиваясь, как щупальце спрута, она схватила меня за загривок и обездвижила. Тень растеклась по моим ногам и рукам, опоясала стан и стянула шею. В таком положении Аватар Фатума был бессилён.

– Вот так и стой. Перебивать старших – это признак недостатка воспитания. Но я не виню тебя, Мэттью... Ни в чём не виню. Ты поверил в рассказы умелых лжецов, которые смешали пару ложек правды с бочкой фантазии. Специально для тебя был придуман Морган Саммерс, и всевозможными историями о нём наводнили интернет и реестры граждан США, чтобы смотрелось поправдоподобнее.

– Дерьмо вонючее! – бросил я, оскалившись. – У меня есть письмо от армии, в котором сказано, что он погиб!

– А ты лично видел, как его принесли тебе домой?

Задав простой вопрос, Дариус с улыбкой до ушей навис надо мной, и тотчас вокруг воцарилась тишина, подвластная его воле. Своим аметистовым взором провоцируя нужную ему реакцию, монарх терпеливо ждал и, разумеется, дождался.

В полной мере, как себе это и представлял:

– Это ничего не доказывает.

– Это-о-о... яркая демонстрация твоих слабостей. Невнимательность, наивность и детское мировосприятие. Твоя жизнь подобна непримечательному кругу. Ты поверил в построенную для тебя реальность, потому что она удобна. А теперь, когда круг начинает превращаться в нечто не лишённое углов и иных точек зрения, ты противишься этому. Разве не так?

Мне было нечего ему ответить. Он доминировал на поле словесной брани.

– Вся эта неразбериха приключилась, потому что твоя биологическая мать боялась, что я вовлеку тебя в нашу семейную войну. Дальние предки её начали, а нам с тобой суждено её закончить. Это великое будущее, но Меган видела твою жизнь по-другому. Чтобы сделать из тебя типичного представителя серой массы, она, умная и находчивая, воспользовалась удобным стечением обстоятельств...

Так, деловито щёлкнув пальцами, Кроу открыл теневой портал на потолке, откуда вместе с отголосками ливня тьмы и изуродованными частицами пространства, переливавшимися, будто калейдоскоп, появились мои родители. Они рухнули на пол рядом со мной, не успели сказать даже словечка, ибо живые тени навреде липкого мазута обволокли их губы. Так Король обеспечил себе ведущую роль в диалоге.

– Простите, что так бесцеремонно затыкаю вам рты, но по-другому никак. Этот молодой человек – мой сын. Меня вы знаете, как зовут. Нечего делать такие удивлённые физиономии. Ещё десять минут назад, когда я стоял на пороге дома и, как хороший мальчик, стучал в дверь, вы меня прекрасно узнали, но дверь не открыли.

– О чём он говорит?! – спросил я, впившись взглядом в Марка. – Вы его знаете?

– Конечно же, они в курсе, кто я! Я отец их приёмного сына! Что за глупости?

Вновь подойдя ко мне вплотную, без предупреждения или хотя бы намёка, он со всей силы ударил по стене кулаком. Крепкая длань в байкерской перчатке пролетела в сантиметре от щеки, но даже так я почувствовал боль от удара. Словно тень была продолжением Дариуса.

– Слушай внимательно, Мэттью Кроу. Великое событие, из-за которого мы с тобой не смогли быть вместе, произошло в роддоме. Когда я на некоторое время пропал с радаров, у твоей матери появилась возможность переиграть нашу партию. Меган была на девятом месяце беременности, и этот срок сыграл ей на руку. Она хотела обезопасить тебя, хотела дать тебе нормальную жизнь. По её мнению... И в итоге Меган поменялась с этой женщиной ребёнком. У мисс Саммерс родился мёртвый мальчик. Так бывает, и мне...

Кроу мельком посмотрел на Эбигейл взором «чуткого менеджера», как бы выражая свои формальные соболезнования.

– Безумно жаль... Но вот только это подло, ты не находишь? Меган с барского плеча подарила этой женщине шанс провести с тобой счастливую жизнь, а мне подсунула фальшивку. Меня обокрали. Я получил якобы заверенные документы и фотографию мертворождённого дитя с подписью «Кроу». Ты представляешь, что это такое? Каково это? Я был уничтожен... разбит. Я больше не мог видеть её лицо. Мы расстались. Как жаль, что тогда я не знал обо всём этом обмане. Оказывается, моего мальчика забрали в захолустный Спрингфилд...

Тут Кроу не выдержал и из-за названия города рассмеялся в голос. Взявшись руками за живот, он выражал всё своё неуважение к моей детской памяти.

– Спрингфилд! Почему тебя не назвали Гомером или Бартом?!

– Это враньё! Всё, что ты говоришь сейчас, неправда! Мама! Ты меня слышишь?! Ну хотя бы кивни, что я твой родной сын! Сделай что-нибудь!

Захлёбываясь песками отчаянья, я посмотрел на Эбигейл и Марка. Едва увидев их горькие слёзы, я понял всё без лишних слов. Правда была очевидна и горька...

– Это ведь... Неужели он...

– Он говорит правду, – закончил Дариус. – Понимаю тебя, сын... Осознать столь сокрушительный факт тяжело. Но, увы, другой такой перчатки ни у кого нет. Её сделали на заказ, она уникальный дар моей семьи – пропускной механизм для открытия истины. Скажи на милость, дорогой Мэтт... она ведь не снимается? С тех самых пор, как ты стал Пропускающим Пространство. Прямо, как я.

Его движения походили на ритм океана – абсолютно непредсказуемые. Ещё секунду назад они были плавными и спокойными, как вдруг Король «Нового Света» резко схватил меня за подбородок, заставив разделить с ним это мгновение.

– Так и есть! Она стала частью тебя. Поздравляю, сын, теперь ты полноправный второй владелец! Как же долго я тебя искал. Я не мог представить исхода лучше... Отец и сын против всего мира! Я прямо попал в комиксы! И раз уж у нас сегодня экскурс в прошлое, почему бы ещё немного в нём не покопаться? Вы со мной согласны?

Сжав пальцы на моём подбородке, причинив жгучую боль, он посмотрел в сторону молчаливых свидетелей и с улыбкой на устах приступил к повествованию:

– Знаешь, в чём главная проблема твоей мамы Меган? Она постоянно бросает дела на полпути. Дурацкая черта характера. Вот почему на первых порах я верил, что ты родился мёртвым. Это ей подходит... Даже это дело она не довела до конца. Понимаю, что звучит до одури цинично, но уж прости, сын, я не высокого мнения о твоей биологической матери. Попав в ряды конструкторов мира сего, она соскочила, потому что её заела совесть. И даже тогда я не поставил на ней крест. Каждую её слабость я воспринимал как повод лишний раз поддержать её. Помочь в трудную минуту и проявить доброту. Что в итоге? Вот как Меган мне отплатила... она спрятала моего мальчика. Моего драгоценного мальчика! Самого лучшего из всех! Поверь мне, я долго искал тебя. Искал и наконец нашёл! Я тебя никому не отдам!

– *Мэттью, не слушай его!* – когда сил бороться во мне почти не осталось, рядом возникла Псевдо Райс.

Она не могла позволить Королю исполнить задуманное. Выправившись, героически подняв подбородок, чтобы выглядеть грозной в моих глазах, Алекс встала между тенью и её отпрыском, отбросив все обиды.

– *Для этого человека ты не более, чем инструмент! Дариус погубит тебя! Борись! Не сдавайся раньше времени!*

– Не мешайте нашему разговору, юная леди, – оборвал её Кроу. – Наши семейные дразги вас не касаются, уж простите.

Словами не передать, как я боялся его в тот момент. Он превосходил все ожидания; ломал известные мне законы и казался недостижимым, ибо раньше никто не видел мою потустороннюю спутницу. Она сама говорила, что это просто невозможно! Но не для него...

– Не удивляйся, Мэтт. Такие мелочи? Я один из сильнейших отмеченных на планете Земля. Законы и порядки Абсолюта для меня пустой звук, потому как в своё время я все их досконально изучил. Так же, как и у тебя, у меня есть личный мини-стратум. Однажды ты его увидишь, а сейчас познакомься с моим герольдом.

Торжествуя, упиваясь своей, казавшейся безграничной, властью, Дариус сделал несколько шагов назад и призвал человека, покрытого маслянистой тьмой с головы до пят. Он парил над землёй – повторял движения Короля подобно тени. Когда я решил, что у неё нет собственного сознания, этот таинственный герольд Кроу демонстративно убрал сгустки жижи со своего лица и посмотрел мне прямо в глаза. Его взор был... устрашающе осмысленным.

– Раз уж мы успели поговорить о твоей маме, – цедил Дариус, улыбаясь. – То позволь теперь представить твоего дедушку? Мorigана Кёртиса Кроу.

– Что? – оторопел бывший во мне Аватар Фатума, ощутив острую боль в сердце. – Он мой дед?! Твой отец?!

– Понимаю твою реакцию, сын. Ведь это не что иное, как отражение твоего величайшего провала. Алекс – копия твоей погибшей девушки. Она похожа на неё внешне, но не является её реинкарнацией в прямом смысле этого слова. Я списываю случившееся на недостаток опыта. И немного другой профиль твоих способностей. Ты ведь не умеешь создать жизнь из ничего, не так ли?

– *Я знаю, что ты сейчас думаешь, но я тебе не врал. Я говорила всё, что знаю от лица Абсолюта. Понятия не имею, почему он это от меня утаил. От большинства таких, как я. Но я уверена, во всём есть смысл, и мы должны найти его!*

Псевдо Райс было дискомфортно рядом с «этими двумя». Когда бывший пастырь улыбнулся мне, её передёрнуло неподдельным отвращением, как живого человека. Алекс будто на своей коже почувствовала хлад, исходящий от герольда Дариуса.

– Это только верхушка айсберга, – отметил Король. – Мой отец способен на невероятные вещи. Продемонстрируешь?

И Мorigан чёрным ветром приблизился к Алекс. Блеснув тусклыми очами, на дне которых затерялась смерть, он прикоснулся к ней, заставив отшатнуться, причитая.

– *Невозможно! Невозможно!*

– Но это так, – подхватил Мorigан. – И ты так сможешь, Мэтт. Мой сын научит тебя.

Тот самый голос... Голос человека, который говорил о свечах на перекрёстке, когда я и Алекс без предупреждения так не вовремя провалились туда. Вот и всё! Мироощущение распалось на тысячи мелких осколков. Мысли путались. Я не знал, с чего мне стоит начать. Вырваться ли из хватки тени и броситься на них? Успокоить нервы и продумать план? Или просто продолжать слушать? Пусть мне и не до конца верилось в историю Кроу, но будь Эбигейл даже моей приёмной матерью, я должен был её спасти. Она слишком много для меня значила!

– Айлин! – прокричал я. – Где тебя черти носят! Прикончи их! Расплющи гравитацией! Чем угодно, главное – сделай что-нибудь!

– Твоя подруга временно недоступна, сын. Я позаботился об этом. Она угодила в измерение-ловушку через мой портал и сейчас там... отдыхает. Не волнуйся понапрасну. Сегодня у меня нет желания проливать молодую кровь. Это делу не поможет. Куда важнее сейчас деталь, благодаря которой я тебя признал.

Дариус встал на одно колено передо мной и взял меня за руку в перчатке, не разрывая наш зрительный контакт.

– Элизабет тебя узнать не могла по определённой причине, о которой мы позже поговорим. Но я... Я не занимаюсь просмотром тюремных видеозаписей. Я не особо вникаю в детали задержаний, в ваши досье и другое дерьмо. Мне приходят приказы сверху, и меня интересуют только способности отмеченных. Моё лицо... оно не известно кому попало. Видишь, сколько всего накладывается? Сколько препон перед нами поставила судьба. Но я бесконечно рад, что всё так получилось. Когда ты получил высшую категорию угрозы, мне прислали твои фото, и у меня глаза округлились, но радоваться раньше времени я не стал. Я решил изучить материалы. На записях из штаб-квартиры Дэйлайта ты и твоя подружка разрывали охрану на куски. Я восхищался зрелищем, осознавая тот факт, что все эти зверства творит мой сын! В новостях Санриз ты светился преступно редко, и признаться честно, я их не смотрю. Никто не знал, что ты отмеченный и на тебя на заводили дело. Все шпионы тебя игнорировали, как объект нулевого интереса. Ты представляешь?! Если бы ты раньше попался мне на глаза, я бы приказал вообще не трогать тебя и твоих ребят! И нам бы не пришлось ждать, пока тебя доставили бы в Отдел, пока я тебя наконец увидел бы! Всё могло произойти быстрее. Хотя бы на пару этих напряжённых недель. Кто знает, может быть, мы встретились бы за ужином! Я бы приготовил десятки разных блюд!

– Ты серьёзно? – наконец мне хватило духу воспротивиться. – Сослагательное дерьмо? Моя Елена, Тедди, Питер и Брайан мертвы. Ты ебанутый? Как бы я смог сидеть и жрать твой сраный ужин с улыбочкой, когда четыре дорогих моему сердцу человека кормят червей уже?! Что ты на это скажешь?!

– Жизнь не мила без потерь. И сегодня тебе предстоит узнать почему.

Он выпрямился и в роли оратора выступил передо мной:

– Долгие годы «Новый Свет» мечтал изменить мир к лучшему, но не знал, как это сделать. До организации не доходило, что ради высшего блага нужны высшие жертвы. С моим приходом всё встало на свои места. Я хочу создать мир совершенный, где все люди будут обладать целью. Где каждому найдётся законное место, и где никто не будет сомневаться в справедливости своей участи. Сейчас я не стану объяснять тебе все тонкости плана, как какой-нибудь злодей из Джерри Барнса. Но с течением времени... Чем больше ты будешь узнавать, тем больше начнёшь меня понимать.

– Я никогда не пойму убийство невинных! – прорычал изуродованный изнутри Мэттью Саммерс.

– Да что ты говоришь... Какой ты у нас большой мальчик! А не ты ли убил целую кучу народа из охраны Дэйлайта в Дайсан? Нет, я лучше перефразирую... Скольких невинных ты убил хотя бы на этой неделе?

В тот миг Аватар Фатума почувствовал, как Алекс смотрит на него с укоризной. Как этот взгляд разделяют оба Кроу, покуда Эбигейл и Марк горько плачут, утопая в собственных слезах на полу.

– Ну? Я тебя жду, Мэттью Кроу. Или ты хочешь сказать, что есть какая-то разница? Тебе можно простить горы трупов, а мне нельзя? Я сейчас не хочу говорить очевидные вещи наподобие «мы похожи», но я хочу сказать, что твоё оправдание – это полный идиотизм, сын. Это

уровень третьего класса – максимум. Есть такое понятие, как «Окно Овертона». Ты знаешь, что это такое?

Я не стал ему отвечать.

– Молчишь, значит? Ну, тогда я загружу тебя определением с википедии. Я его помню наизусть. Окно Овертона – это социологическая концепция существования рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях политиков и активистов с точки зрения текущего общественного дискурса. Звучит вычурно, ты не находишь? Если говорить проще, время ломает мнения под себя, заставляя нас принимать то, что ещё вчера мы считали неприемлемым. И что самое смешное, мы будем уверены в том, что мы сами принимаем решения что-либо принять. Я поставил перед собой задачу применить это понятие к жизни в целом. Относительно всего человечества, во всех сферах. Ты будешь одним из первых. Сперва тебе покажется, что моя позиция чудовищна и ты меня возненавидишь. Но со временем... Тень сомнения затронет твой разум. Ты начнёшь задавать себе неудобные вопросы и вскоре придёшь ко мнению, что я прав во всём. Помни моё слово. А сейчас давай-ка на минуту-другую побудем сыном и папой. Давай поиграем в игру?

Вновь плавные течения сменились штормом. Он резко взял меня за руку, сжал её в кулак и начал объяснять правила:

– Ты у нас ребёнок нулевых. Во что детишки твоего времени играли друг с другом? Камень, ножницы, бумага?

Его аметистовый взгляд наполнился неизведанным пугающим холодом, а уверенный голос стал безмятежным. Даже... равнодушным, точно застывший в миноре камертон, оставив в воздухе резонанс.

– Вот как мы поступим... Мы разыграем жизни твоих приёмных родителей.

– Что?

Вмиг я покрылся испариной.

– Ты это сейчас не серьёзно?

– Серьёзно, Мэттью Кроу. Ещё как серьёзно.

Мориган растворился у него за спиной, а сдерживавшая меня тьма, стала в разы сильнее, покуда тихий и беспристрастный голос продолжал резать кромку моего сознания. Даже Алекс ничего не могла сделать. Она предпочла молчать, ибо слёзы были ей недоступны.

– Одной рукой под присмотром тени ты ничего страшного не натворишь. Ты только сыграешь со мной. У нас будет три раунда. Тот, кто выиграет два из них, получит приз. Для меня – это возможность убить твоих приёмных родителей. По множеству весомых причин. И поверь мне, моё эго играет здесь последнюю роль.

– Нет, нет, нет, нет, нет! – Мэттью Саммерс скулил, как щенок. – Пожалуйста!

– Приз для тебя – это шанс спасти жизни Эбигейл и Марка. Если два раза выиграешь, они свободны. Я клянусь тебе всем, что у меня есть: никто не тронет их, и даже они сами. В этом раскладе есть только одно немаловажное но...

Золотое правило «никогда не слушать до тех пор, пока не произнесут "но"» сработало и в этот раз:

– Игра моя и установки мои. В случае твоей победы я лишу их памяти. Кто бы как ни старался, они не смогут тебя вспомнить. Видеозаписи, фотографии, слова соседей и близких... Мозг твоих приёмных родителей будет упорно игнорировать любые признаки твоего существования. Даже если их будут совать прямо в лицо. Прости, но так нужно.

И монарх осмотрел свою руку в перчатке.

– Эффект метки по контролю разума я позаимствовал у одного хорошего человека. Эта сила мне сегодня поможет. Всегда помогала... Ты готов, сын? Они либо забудут тебя навсегда, либо умрут у тебя на глазах. Это жестоко, я знаю... Но именно сегодня ты должен понять, что жизнь не мила без потерь.

Живая тень заставила мою руку повиноваться. «Камень, ножницы бумага»... От результатов этой детской игры зависели жизни двух людей – самых дорогих, случайно угодивших в эпицентр смерча. Мне было глубоко наплевать, приёмные они или родные. Только Эбигейл Саммерс я мог называть мамой и только Марк Этуэй из всех возможных кандидатов заслуживал право называться моим отцом. Так мне казалось...

Экзистенция подбросила очередной сюрприз, у меня был настоящий родитель – легендарный Морган Саммерс, которого на самом деле звали Дариус Кроу. Он готовился преподнести мне свой ужасный урок, он всё просчитал.

– На счёт три, мой сын. Один взмах, второй, и на третий раскрываем кулаки. Ну, или не раскрываем, если вдруг захотим поставить камень.

Некогда человек-тень улыбнулся, погладил меня по голове и нежно поцеловал в лоб. Вопреки ходу мысли и зову ненависти, скопившейся в горле комом, я понимал, что от каждого его прикосновения... мне хорошо. Тепло распространялось по коже, такое родное, мягкое и неповторимое. Моя давняя мечта сбылась: отец стоял передо мной из плоти и крови. Я как жертва стокгольмского синдрома радовался причиняемой боли, осознавая, что за исполнение желаний нужно платить.

– И раз, два, три! – объявил Дариус, выбросив бумагу.

Я поставил против него ножницы.

– Ты погляди-ка! Твои приёмные родители приблизились на один шаг к свободе! Просто обыграй меня во втором раунде и всё. Мы закончим... Разойдёмся каждый в своём направлении.

– Я убью тебя... – тихо проговорил Аватар Фатума. – Клянусь, я убью тебя.

– Сынок, не давай обещания, которые не в силах исполнить. Мы оба прекрасно знаем, что этого не случится. Хватит тратить наше время. Приступаем ко второму раунду! И раз, два, три...

Я выбросил камень, а он бумагу...

– Один : один, Мэттью Кроу. Ты волнуешься?

– Не называй меня так. Я не... Я...

– Что такое? – спросил Король, наклонившись ко мне. – Ты прямо сейчас хочешь поговорить об именах, или мы закончим нашу весёлую игру? Остался последний раунд, мой мальчик. И раз, два, три...

Оглушение. Снова оно. Когда ты чувствуешь беспомощность и рассчитываешь на милость слепого случая. Все способности Пропускающего Пространство не имели никакого веса рядом с Королём. Словно у меня выхватили обугленную эстафету из рук и нагло подвинули в сторону, дабы я смирился с участью запасного игрока. Я видел слёзы Эбигейл и Марка... Видел, как тьма сгущается надо мной и норовит проглотить целиком. В роли Мэттью Саммерса, такого жалкого и никчёмного, я смиренно наблюдал вялотекущую казнь времени, коему сделали эвтаназию из милосердия. От моей победы зависели их жизни, но не наше общее счастье. Оно было утрачено навсегда, ибо как он повторял снова и снова... Жизнь не мила без потерь.

Так Аватар Фатума выбросил камень, а Человек-тень ножницы.

– Ты выиграл, мой мальчик. Я не смею ранить ни твоих приёмных родителей, ни твою подружку Айлин. То, что принадлежит тебе по праву, я не смею окропить кровью. Но я не позволю этим людям занять моё законное место. К сожалению...

– Дариус... – еле-еле выдавил я, смотря, как он медленно приближается к ним. – Дай мне слово. Если ты и вправду мой отец, то ты всё поймёшь. Дай мне... чёртово слово.

– Ну, конечно, – ухмыльнулся он и убрал руки в карманы брюк. – Говори, сынок.

Как ёмко, как правильно, какими ненавистными мне словами, можно было описать её глаза в ту мучительную минуту? Теперь я знаю: оплот принятия. Она смирилась со своей

участью и собрала все силы, чтобы укрепить воспоминания обо мне хотя бы на это мгновение. Мама вспомнила чудесные годы вместе, когда её сынишка учился ходить, принимать мир таким, каков он есть, и принимать себя. На каждом шагу, малом или большом, она стояла рядом, присматривая за спрингфилдским мальчишкой... Её мальчишкой. И неважно, был ли он связан с ней кровью или нет. Он Саммерс, и всегда им будет. Эту часть жизнь отобрать у него нельзя.

Я должен был сказать ей об этом.

– Хочу, чтобы ты знала... я ни в чём тебя не виню.

Мэттью Саммерс говорил, смотря матери в глаза, различая любовь среди её слёз, отделяя крупницы страха от берегов любви. Такой... такой настоящей, что описать не хватит и тысячи строк. Там не было корысти, не было ничего настолько сложного, что могло её испортить. Эта любовь сияла простыми мотивам и от того являла собой абсолют всего самого прекрасного и недостижимого для таких, как я. На пороге тёмных времён эта удивительная женщина наслаждалась тем, что она со мной. Рядом хотя бы сейчас...

– Если тогда мне не нужна была правда, то сейчас и подавно. Я не желаю принимать слова этого человека, пусть в глубине души и знаю, что он говорит правду. Это уже ничего не изменит. Эбигейл Лия Саммерс, ты всегда будешь моей матерью. Тебя невозможно заменить. Ты всю жизнь помогала мне, зная, что я принадлежу другой семье, и ты сделала из меня Саммерса, а это величайший дар. Я люблю тебя, мама. Люблю каждой частичкой, каждым вздохом и каждым мгновением. Тебя и Марка... Ты слышишь, Этуэй? Ты замечательный отец. Я буду вспоминать все наши моменты каждый день. Они придадут силы в трудную минуту. И я обещаю, что буду сражаться с «Новым Светом» до самого последнего моего вдоха. Клянусь вам, мама и папа.

Увы, тень не дала им ответить. Вместо тех, кто этого заслуживал, словом вновь завладел Кроу:

– Неплохая речь, сын. Без лишнего пафоса, простая и очень чувственная. Однако я тебе уже говорил: не давай обещания, которые не в силах исполнить. Видимо, ты относишься к тем людям, кому надо говорить дважды, а то и трижды.

И ладонь в перчатке соприкоснулась со лбом моей матери, дав мне последние секунды насладиться её любящим взглядом. Я боялся, что ей будет больно, но она не издала ни звука – просто закрыла глаза и уснула. Следом за ней в мир сновидений отправился старина Этуэй. Так тихо, любовно... Король проводил их из моей жизни навсегда. Он голыми руками вырвал моё застывшее сердце, нашинковал на мелкие кусочки и это несуразное и клокочущее поместил обратно. Как актёр поистине страстный, но позабывший, что играет роль на публику.

– *Это бесчеловечно*, – проговорила Псевдо-Райс, прикрыв рот ладонью. – *Почему я ничего не могу сделать? Хотя бы сейчас! Почему для тебя я всего лишь призрак?!*

– Это ваша природа, Алекс, – ответил ей Король. – У всего есть преимущества.

Так, утратив связь с прошлым, потеряв моих родителей, я осознал страшное: в деталях Аватар Фатума ничуть не изменился. Кровожадный монстр, живший внутри меня, оказался готов к этой потере, а Мэттью Саммерс нет. О-о-о нет! Он бился в конвульсии слабости, мысленно упрекая себя как никчёмного, ни на что не способного выродка, которого ни с первого, ни со второго раза жизнь ничему не научила. Сперва погибли Тедди и Питер, потом Елена и Брайан. А теперь мама и папа утонули в забвении.

Сколько ещё людей должны были пострадать из-за меня?

– Теперь я хочу стать серьезнее, – сказал Дариус, поправив галстук. – Да, получилось скверно... Да, время было бездарно потрачено, и все наши проблемы – это один огромный мыльный пузырь несправедливых обстоятельств. Однако теперь у нас есть шанс. Паутина лжи твоей биологической матери вот-вот будет разорвана. Скоро всё изменится к лучшему. Когда ты увидишь Санкториум собственными глазами, ты изменишь своё мнение. Все смерти, стра-

дания и испытания, которые ты прошёл, обретут смысл. Я жизнь готов поставить на кон, что ты скажешь мне: «Отец, по сравнению с Санкториумом наш мир – это глупая шутка, вставленная невпопад». И тогда я крепко обниму тебя, Мэтт. И вместе мы исправим вековые ошибки.

– Что ты вообще несёшь? – ослабевшим голосом поддал я. – Что за чушь? Я уже слышал это слово – Санкториум. Ты думаешь промыть мне мозги так же, как Дмитриеву?

– Всё, всё, всё...

Он заботливо закрыл мне глаза ладонью.

– Полно, Мэттью Кроу. Скоро всё образуется. К сожалению, сейчас мне необходимо отлучиться по важным делам, но ты не переживай. Мы с тобой увидимся раньше, чем ты думаешь. Ближайшие дни я планирую провести в Детройте, так что у тебя будет шанс пересечься с отцом. А там я тебе пару занятных фокусов покажу.

И Кроу убрал руку с моих глаз, вмиг признав в них ярость.

– Нет, ну вот как это работает? Цвет глаз, как у матери, а разрез и взгляд мои. Никогда не перестану поражаться способностям природы. Она умудряется создавать истинные произведения искусства из простых вещей. Я люблю тебя, сынок. Не пропадай и до скорой встречи. А вы, Алекс...

Он повернулся к моему потерянному герольду, от чего та дрогнула, будто порывы холодного ветра ударили ей в спину.

– Позаботьтесь о нём, пожалуйста. Мой сын мне нужен живой и здоровый.

– Конечно, – ответила она. – *Так ему будет легче убить вас.*

Но Дариус Кроу не стал пререкаться с ней. Пройдясь руками по всем карманам, убедившись, что он точно ничего не забыл, мой отец покинул помещение. Скованный тенью, я слышал, как он задорно спускается вниз по лестнице, напевая песню «It's a sunny day» Джонни Янга. Господи... какой цинизм. Аж в горле всё пересыхает от одной только мысли. Дариус вышел через центральный вход и не узнал, что я сказал моему герольду Псевдо-Райс, когда она склонилась надо мной.

– *Пожалуйста, не теряй нить, я тебя умоляю. Посмотри мне в глаза, Мэтт. Его уже нет рядом! Он ушёл!*

В ответ на мольбы Аватар Фатума смог выдавить лишь то, что хотел бы услышать его отец:

– Ещё одна потеря, Алекс. С ней мы сильнее. Наверное...

Между тем, довольный собой Дариус Кроу, пританцовывая, сел в роскошный лимузин, подъехавший к дому в заранее оговорённое время. Пунктуальный повелитель мрака знал, сколько ему придётся провозиться с семейкой Саммерс, и, устроившись на заднем сиденье с бархатными подкладками, с улыбкой на устах налил себе бокальчик бренди. Он насладился его ароматом, сделал первый глоток и вызвал герольда – бывшего пастыря католической церкви.

– Ну, как я по пятибалльной шкале? – спросил Король.

Покрытый чёрной слизью не живой и не мёртвый Мориган, одетый в вымокшие одеяния святоши с белой колораткой, не тронутый тьмой, сразу ответил Дариусу:

– Не люблю выставять оценки, но ты молодец, сын. Ты поступил правильно.

– Было неприятно лишать их памяти, они хорошие люди. Как по мне, Эбигейл – замечательная мать. Меган до неё расти и расти. А этот Марк Этуэй? Он тоже хороший парень. Он помогал моему сыну с трудоустройством, ездил с ним на рыбалку и даже подкидывал денег, когда Мэтт учился в колледже вместе с Джеффом. Все эти образы... Я никогда не привыкну к отчистке памяти, потому что она буквально проносится через меня.

И названный Кёртисом кивнул своему Пропускающему Пространство.

– Это реалии жизни. Самое главное, что мы наконец нашли его. Он идеальный кандидат, даже лучше предыдущего. При всём своём опыте я бы не смог представить лучшего расклада. И

ты тоже. Потрясающе! Отец и сын открывают Санкториум! Я уверен, что Мэттью будет стоять рядом с тобой в самом конце.

– Да-а-а... – протянул Кроу старший и сделал ещё один глоток бренди. – Но сперва он должен страдать, как страдал я. Иначе ничего не получится.

Он поставил бокал на подлокотник, снял пиджак и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ибо на него нахлынуло чувство невыносимой духоты. Водитель отреагировал сразу, учтиво спросив, не нужно ли открыть окно, на что получил чёткий отрицательный ответ. Теневому монарху было тяжело дышать отнюдь не от недостатка воздуха. Его мучал водоворот чувств.

– Впереди так много вопросов, и все эти вопросы зададут мне, а значит, нужно, как-то отбиваться. Ох уж этот злосчастный проект «Файв». Необходимо найти способ потянуть время. Так, чтобы Гроссмейстеры ничего не заподозрили. Как ты считаешь, отец, мне стоит беспокоиться об этом?

– Ты уже обеспокоен, и это нормально. Ты только что встретил потерянного сына, который даже не догадывался, о том, какой великий у него прародитель. Это сложно переварить, но всё образуется. Скоро ты восстановишь величие нашей семьи. Элизабет и Мэттью полюбят друг друга и забудут о разногласиях. А если нет...

– Мне придётся заставить их играть свои роли, – продолжил Человек-тень. – Нам осталось ещё одно дельце в аэропорту. Закончим и отправляемся домой.

Он осушил бокал бренди и не стал наливать второй, ибо Короля ждал ещё один напряжённый диалог. И пока охотничий дом отражался в зеркалах заднего вида его автомобиля, проецируя образы фатума на стекло, Дариус Кроу думал о том, каким будет его следующий день. Почувствует ли он своего сына на расстоянии и разделит ли боль вместе с ним? Для одного человека слишком много потрясений... Слишком много ударов, способных довести кого угодно до сумасшествия. Но Человек-тень знал, что, если ему удалось справиться с испытаниями судьбы и переродиться в нечто великое, значит, и у его сына непременно получится. Сквозь ярость. Через поля отчуждения и горы безысходности.

Пропуская пространство сквозь пальцы.

Конец записи 55

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведёт: Карсон Смит.

К: Вы не хотите говорить? Снова...

М: Я хотел бы закончить запись, но кажется мне, что так больше нельзя. Просто вдумайтесь в мои слова, Карсон. Представьте, что есть люди, своим скорым уходом из жизни оставившие на вашем сердце шрамы. Они не заживают. Каждый день вы просыпаетесь в надежде, что всё это был сон. Что прямо сейчас можно при желании услышать их голоса. Счастливые, наполненные жизнью... Они вам рады. Но вот пелена пробуждения растворяется, и вы в ужасе осознаёте, что заперты в этой реальности. Выхода нет и не будет. Вы вынуждены захлёбываться в несбыточных мечтах снова и снова. Вы жаждете найти некое вселенское обещание, которое позволит вам вернуть ваших любимых. С улыбками на устах они встанут перед вами и скажут такое простое... такое желанное... «Мы скучали». И всё будет хорошо. Никакого обмана, иллюзией или уловок.

К: Я представил эту боль. С вашей помощью.

М: А теперь, Карсон, представьте этот вечный поиск. Вы ищете его, этот способ. Пусть вы и прекрасно знаете, что его нет, но вопреки всему и вся вы ищете... Вы копаете землю ногтями, просто потому что так вам легче. Вы чувствуете, что если вдруг остановитесь, то станете предателем. Предателем их памяти и их любви. Вот и я не могу остановиться. Не могу... Даже когда мир даёт мне такую возможность, я словно играю на два фронта. Я пытаюсь найти ту, которая утешит, и не забыть ту, которая была со мной.

К: Теперь я понимаю...

М: Хорошо, если так. Я много раз спрашивал себя... Что лучше? Заполучить всё, о чем мечтаешь, и потерять, или никогда не знать, что это такое? Какая боль страшнее? Я не могу знать. Ведь у меня нет возможности подойти к Эбигейл и Марку, к моим маме и папе, чтобы их спросить. Они тоже больше не знают...

Глава 44.2. Пустой аэропорт

Субъект В8.

03.10.2033.

11:00 p.m. Чикаго.

Он сделал всё быстро, как положено в подобных ситуациях. Взяв самое необходимое, Генри Дэйлайт направился в аэропорт, купил билет до Лос-Анджелеса и принялся ждать посадки. Глава системы безопасности «Нового Света» наконец отважился покинуть свой ответственный пост. Мысли о возможных последствиях могли бы заставить его передумать, однако окружение помогло собраться в последний момент. В зале ожидания 3-В с ним была счастливая американская семейка с двумя рюкзаками ручной клади, старик в дутой куртке, разгадывавший газетный кроссворд, парочка студентов, обсуждающих некий сериал, разочаровавший их по всем параметрам, и симпатичная девушка примерно тридцати лет с чёрными волосами и пышными губками в розовой, манящей блёстками помаде.

Генри сидел смирно в неудобном кресле и думал о каждом из них – об этих случайных соседях, ждавших изменений в жизни, так же, как и он сам. А зачем ещё нужны перелёты? Чтобы разбавить рутину хотя бы на пару дней. Даже если тебя зовёт работа.

Радостный вид семьи, отца и матери, игравших со своим сынишкой в угадайку, заставил Дэйлайта задуматься о детях. Он спросил себя: а как бы изменилась его жизнь, найди он ту самую женщину? В фантазиях англичанина всё начиналось с неловких свиданий и таких же неловких комплиментов. Постепенно житейская болтовня и встречи на выходных приводили к романтике, признаниям и наконец желанию сделать серьёзный шаг. Вот он, торжествующий Генри Дэйлайт делает предложение руки и сердца, а вот в городском роддоме он уже сидит рядом с больничной койкой, нянча своего новорождённого малыша. Мать гордится этими двумя парнями. Они прекрасно смотрятся вместе – Генри и его сын Кайл.

Именно так англичанин-беглец хотел назвать ребёнка.

Думая о неслучившемся, он строил предположения, куда его могла привести такая жизнь? Простая жизнь, где ты печёшься о коммунальных счетах, откладываешь парню на колледж и делаешь подарки жене, когда та меньше всего этого ожидает. Ответ был перед глазами. Дэйлайт посмотрел на старика с кроссвордом. Таким мог получиться финал... Ты гордый дедушка на пенсии и спешишь навестить внуков в каком-нибудь Лос-Анджелесе. Пока идёт подготовка самолёта, что может быть лучше чем разгадывать тематический кроссворд, пожёвывая кончик карандаша между словами? Весьма недурное завершение жизненного пути. Всё спокойно, и есть над чем поразмыслить... Не только о насущном, но и о том, что ты успел после себя оставить.

Тут Генри взглянул на студентов и понял очевидное. Расстроенная сериалом парочка – это тоже чьи-то сыновья и внуки. Те самые, к кому дедушки и бабушки прилетают на выходные; энергичные представители очередного поколения, которому безмозглые СМИ придумывают идиотское название. Они помогают старшим вспомнить лихие годы и внимают их наставлениям, пусть и через «Не хочу».

Сам Генри когда-то был точно таким же.

Ему понравилась сия перспектива, и он понял, что ещё не слишком поздно сделать заветный шаг. Та девушка в первом ряду... Она сидела с краю и будто ждала момента, когда Дэйлайт к ней подойдёт и бойко представится. Так начнётся их общая история – события, которые обязательно порадуют мужчину, избежавшего пламени инфернальной организации. Генри уже был готов встать с насиженного места, но, увы, не успел сделать этого вовремя. Рядом с ним сел человек, лик которого тень не скрывала в этот раз.

– Он очень похож на тебя, – обратился к нему Дэйлайт. – Я такого никогда не видел...

Англичанин даже не шелохнулся, не выдал признаков страха в присутствии Дариуса Кроу. Тот, в свою очередь, оценил собранность собеседника, кивнув ему в знак уважения, и дал право говорить.

– Саммерс и ты прямо одно лицо. У вас только цвет глаз отличается. И ты очевидно старше. Одного взгляда хватило, чтобы всё понять. Я знаю, что ты хочешь сделать, и я уже не боюсь. Нет смысла.

Он без труда заметил изменения вокруг – пустой аэропорт, ни единого признака жизни. Едва устроившись в кресле зала ожидания, Кроу забрал Дэйлайта в реальность тени, подальше от посторонних глаз, где можно было вынести королевский приговор. Но, как и на каждом судебном слушании, обвиняемому дали возможность защититься.

Мой отец дал эту возможность.

– Я пока тебя слушаю, Генри. У тебя есть шанс повлиять на моё решение, и я хочу, чтобы ты им воспользовался.

– «Новый Свет» приказал убрать меня. Какие тут могут быть шансы?

– Небольшие, – ответил монарх и удручённо уставился в клокочущую тьмой пустоту перед собой, положив ногу на ногу. – Но всё-таки шансы есть. Поэтому скажи мне, почему ты пошёл в «Новый Свет» после службы своей стране?

– Хм... Наверное, я хотел убежать.

– От чего?

– Я часто слышу фразу... «Солдат вернулся с войны». В кино, в роликах на Ютубе... Но ведь на самом деле солдат никогда с неё не возвращается. Она с ним до самого конца. И я не говорю о посттравматическом синдроме. Я говорю о памяти – визуальной, слуховой и даже тактильной. Я будто до сих пор держу в руках моё оружие. Я могу его пощупать, почувствовать его вес и вспомнить звуки выстрелов. Они такие отчётливые...

Покуда Генри Дэйлайт рассуждал, Кроу сосредоточенно смотрел в никуда, вникая в каждое сказанное слово.

– Я как Данте из «Божественной комедии». Ему обещали простить все грехи, что он совершит во время крестового похода. Ему обещали невозможное. Как и он, я утонул в своих грехах. Я помню людей, которых убил на заданиях, и помню их всхлипывания перед смертью. Поэтому, когда я приехал домой и немного пожил для себя, я понял, что обычная жизнь мне уже не подходит. Мне нужен вес.

– Вес? – спросил Король.

– Да... Вес моих поступков. Но теперь без крови на руках. Из-за этого я послушал Кифера и вступил в «Новый Свет». Я работал хорошо. Я выполнял свои обязанности и не задавал лишних вопросов. Я не заводил ненужные знакомства, чтобы они не отвлекали меня от работы. Мне казалось, это правильно.

– И что же тогда изменилось, Генри?

– Всё изменилось, – англичанин посмотрел на Дариуса. – Со временем... У каждого человека есть точка кипения, и в один момент я начал задумываться над тем, чего я стою на самом деле. Мы как-то разговаривали с Женеьевой про обои в моей спальне. Я хотел сделать их чёрными, потому что только так я мог заснуть и не просыпаться хотя бы жалкие пять часов подряд. Тяжело спать, когда вся твоя жизнь – это напряжение. В любой момент ты можешь оступиться и всё сломается. Тебя выбросят и заменят на нового. Но даже не в этом суть, а в том, что ты сделал. Я знал, на что иду. Я не дурак. Я понимал, что благодетели, на которых я работаю, не клоуны на детских утренниках. Они убивают людей. И ещё каких-то пару месяцев назад я успокаивал себя мыслью, что самое главное – не я их убиваю. Я серьёзный человек – глава системы службы безопасности. Смешно... И вот когда твой сын ворвался в здание и убил всю мою охрану, я, ей богу, пытался выглядеть круто. Я хотел произвести впечатление

невозмутимого человека, но на самом деле я просто сидел и ловил флешбэки. Снова вокруг меня трупы. Какая, мать его, разница? Убил я или кто-то другой? Я увидел своими глазами, во что превращается твой сын, и понял, что не хочу так же закончить. Поэтому я сделал то, что посчитал нужным. У меня был архив...

– Я знаю, – оборвал Дариус и тут же поправил себя. – Теперь я знаю. Мысль об архиве проскочила в голове моего сына. Мне не о чем беспокоиться, там нет ничего важного для дела.

– Почему?

Глаза Генри округлились, ибо он всё это время думал, что владел важной информацией.

– А какой смысл мне переживать за Меган, когда Мэттью с ней всё равно теперь встретится? Это вопрос времени. Признаться честно, я хочу, чтобы он её увидел. Хочу, чтобы он почувствовал разницу между нами. Давай вернёмся к сути вопроса? Ты говорил о напряжении.

– Да, говорил. Вывалить всю правду?

– Давай, – ободрил Кроу своей улыбкой.

Он продолжил смотреть вперёд, туда, где в мире реальном сидела женщина, кою в измерении тьмы увидеть было нельзя. Но Дариус помнил о ней.

– Когда я разуверился в «Новом Свете», – повествовал англичанин, – я подумал, что он никогда не продвинется вперёд. Всё рано или поздно встанет. Организация утихнет, и я вместе с ней. Но вот вы уже на пороге успеха. Ты всё просчитал, ведь так? Ты знал, как это кончится, с самого начала, и истина была доступна только тебе.

– Мне и Элизабет.

– Это ничего не меняет, – сказал Генри, притопнув ногой.

Эхо от удара разнеслось по теневой округе.

– Как и этот разговор. Я уже труп, на моё место наверняка подыскали кого-нибудь более сговорчивого. Например, Германа Сайкса. Парень далеко пойдёт. Он преданный, трудолюбивый, и он не разуверится. Он не станет копать информацию на Короля, чтобы найти себе достойное прикрытие. Ты удивишься, но я на самом деле считаю, что мне нужно умереть. Лучше погибнуть, чем всю жизнь бороться с образами – с призраками войны, на которой я остался, с её вкусом во рту, похожим на человечину. Даже не спрашивай, откуда я знаю, какова она на вкус. Я просто не хочу этого всего.

Дэйлайт выдохнул напряжение и облокотился на спинку неудобного кресла.

– Когда Саммерс меня отпустил, я был мимолётно рад свободе, но, едва увидев этих людей в аэропорту, я понял, что мне нельзя быть таким, как они. Куда бы я не убежал, в какую бы дыру не влез, совесть всегда будет бить меня по голове и напоминать, кто я на самом деле.

– А если бы была возможность? – включился монарх, и взгляд его был направлен на обвиняемого. – Какую жизнь ты хотел бы прожить?

– Простую, – с улыбкой ответил Дэйлайт. – Я хотел бы жить в маленьком, но уютном доме с моей семьёй. Жена и сын, больше нам никого не надо. По субботам мы ходим в кино, а по воскресеньям в церковь. Не потому, что мы верим в бога, а потому что там много добрых людей. Таких, как мы... Она любит какао, а я чай. Ей больше нравится смотреть мелодрамы, а мне приключения. Мы разные во многом, но в одном мы схожи – мы очень друг друга любим. И однажды мы состаримся и будем нянчиться с внуками. А потом я, сидя в большом кресле, в восемьдесят лет буду разгадывать кроссворд. А, может быть, даже сканворд. Ты презираешь такую жизнь, не так ли?

– Презираю, но понимаю.

Король возвысился над Дэйлайтом, прикоснулся к кольцу с аметистом, что опоясывало его указательный палец на правой руке. Крупные капли тьмы сочились из этого драгоценного камня, однако на полпути к земле, застывали в пространстве, наглядно демонстрируя Генри всеобъемлющую власть повелителя тени. Законы мирские рядом с ним давали слабину.

– Что если я скажу, что у тебя есть возможность прожить эту жизнь? Доверишься ли ты мне? Беспрекословно.

– Ту самую жизнь?

– Да, простую, но для таких, как ты, прекрасную. Жизнь, похожую на круг.

Всего на миг Генри задумался. Он взвесил все малые за и против, не страшись уловки или обмана.

– Я доверюсь, – сказал англичанин. – И не стану спрашивать, как и почему.

– Тогда закрой глаза и не открывай их, пока не услышишь живые звуки аэропорта, вернувшегося к тебе. Выбери этот путь, Дэйлайт.

Он сделал всё, как просил Король. Он закрыл глаза и почувствовал ладонь в перчатке, любовно прикоснувшуюся ко лбу. Её сверхъестественное тепло было несравнимо ни с чем, что успел поведать Генри за свою жизнь. Как по волшебству петля военных проступков расслабилась на его шее, а пагубное влияние «Нового Света» растворилось в вечной ночи, затмившей плохое и давшей дорогу всему хорошему – мечтам простого человека. Память бывшего слуги ретивых Гроссмейстеров заполнили образы, выдуманные Дариусом Кроу. Законное место inferнальной организации заняла работа в офисе строительной компании «Вентделл Инкорпорейтед», а все воспоминания о войне и её ужасах стали смутными, как блики после далёких звёзд на небесах, кои уже давно мертвы, но их свет только добрался до планеты Земля.

Отныне англичанин ничего не знал про «Новый Свет» и ничего не помнил о травмах, что получил на войне. У него появилась цель, данная монархом. Когда звуки живого аэропорта дали о себе знать, когда Король шахматных фигур исчез так же неожиданно, как и появился, Генри Дэйлайт встал с насиженного места, поправил воротник рубашки, точно переживая за последующие несколько секунд, и подошёл к девушке в первом ряду.

Она посмотрела на него. А он на неё.

И прозвучало имя человека, принявшего не приговор, а новую жизнь:

– Меня зовут Генри. А как зовут вас?

Конец записи 56

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведёт: Карсон Смит.

М: В чём дело, Карсон? Я вижу, вы хотите задать вопрос.

К: Тут не вопрос... Тут скорее понимание. Вы изменили его имя в истории, чтобы уберечь от последствий.

М: Удачное созвучие с песней Blue October. Я не настолько отбил голову, Карсон. Имя человека, которого пощадил король, абсолютно другое. За ним следят мои друзья, обеспечивают безопасность «Дэйлайта». Мы с вами это уже обсуждали. Я включаю воображение лишь тогда, когда деталь не имеет практического значения и не искажает смысл. Все поступки, мотивации и конфликты реальны и переданы мною достоверно. Поэтому давайте переключимся на ещё один достоверный момент и вернёмся в Отдел № 16 к Анне-Мари и «Новому Свету».

Глава 45. Дисперсия ярости

Такао Санада, Элизабет Кейл, Субъект В8 и Озвальд Колд.

03.10.2033.

05:29 p.m. Сан-Франциско. Отдел № 16

Шум выстрелов доносился со всех сторон. По белому коридору шагало нечто – порождение отчаяния, укрытое пеленой жаркой стихии. Оно без пощады расправлялось со своими мучителями. Плава вражеские снаряды на лету, отменяя жизни одним мановением пламенной руки, девушка, нашёптывая имя Безумного Доктора, готовилась ко встрече с ней. И пусть громкоговорители буквально разрывались от криков Элизабет Кейл, пусть отчаянный Такао Санада разбивал кулаки в кровь о защитный барьер тюремной камеры, Лоран не сворачивала с намеченного пути. Внутри хрупкой француженки скопился неистовый гнев, коим мастерски орудовало само зло.

Точно невеста в подвенечном платье, обречённая на несчастную жизнь в заточении нежеланного брака, Анна-Мари медленно приближалась к перекрёстку, где за стенами поджидали запыхавшиеся Пешки. Вскинув шок-бласты, готовые стрелять на поражение, они высунулись из-за угла и мгновенно превратились в горстки пепла. Этих прихвостней inferнальной организации покарал самый прекрасный огонь, белый, как первый снег. За его умопомрачительным танцем наблюдали скрытые камеры. Ферзь лицезрела картину буйства, будучи в безопасности, не понимая, как надёжный и не раз доказавший свою эффективность ошейник-подавитель вышел из строя, подвергнув Отдел № 16 смертельной угрозе.

Был только один способ узнать причину сбоя:

– Возьми трубку, Талос! – кричала Кейл, сжимая телефон.

В выходные дни Безумный Доктор редко отвечала на рабочие звонки. Однако именно сегодня она решила нажать зелёную кнопку, подарив электрической бестии звучание своего немецкого акцента:

– Элизабет, надеюсь у тебя веская причина меня беспокоить. Я решила устроить себе небольшой шопинг, и ты отрываешь меня от процесса.

– Лоран зажглась в ошейнике, Талос!

Вопль Ферзя можно было услышать далеко за пределами её кабинета.

– Я в полной заднице! Я ничего не могу сделать с этим!

Столь «искромётная» новость повергла Свонсон в кратковременный шок. Встав на проходе к эскалатору в людном торговом центре, она создала затор и столкнулась с реакцией других покупателей:

– Двигай, дура! Я упусти скидку на телек! Остался всего час!

Крупная распродажа взывала к покупателям. Внутри было совершенно не протолкнуться, галдящий поток людей двигался неспешно, а Женестьева только ухудшила ситуацию. Увидев на втором этаже молодую семью, с трудом перетаскивавшую бытовую технику, она наконец пришла в себя, и поток сдвинулся с места.

– Да! Херли тормозишь?! Тут и так не протолкнуться!

– Вы запустили протокол для экстренных ситуаций? – заговорила Талос.

– Я тебе ещё раз повторяю, что ничего не могу сделать! Пешки с трудом тормозят Лоран! Выдай мне светлую идею, или мне придётся убить девчонку! Она хочет твоей смерти, но даже не знает, что тебя, блядь, нет на работе!

– А я думала, таймер на скидку в пятьдесят процентов – это самая большая моя проблема сегодня, – пошутила доктор, поднимаясь на эскалаторе и ловя возмущённые взгляды.

– Срала я на эту скидку! Ну же! Говори!

– Дайте подумать, моя душка. Мы не закончили с экспериментами на Аннушке, и убивать её нельзя. Она приоритетный объект для проекта «Файв».

– А можно что-нибудь, чего я не знаю?! Я вижу, как Пешки буквально убиваются об Лоран! Тут даже Атлас бессильны! Двух наших дровосеков превратили в куски дерьма за пару секунд! Думай быстрее, Талос! Я могу щёлкнуть пальцем, и девка сдохнет, но потом мне вынесут мозги Гроссмейстеры! В прямом смысле этого слова!

– А Колд уже прилетел? – осенило Свонсон. – Он может справиться с Аннушкой.

– Каким образом?! Озвальд способен замораживать влагу в воздухе, а рядом с Лоран нет, сука, влаги! Он просто бесполезен!

– Дай ему стимулятор. И всё... Твоя большая проблема будет решена. Озвальд сможет справиться с Леди Пламя без лишней крови. Мой протеже нас не подведёт.

Теперь, справедливости ради, настал черёд Ферзя приостановить диалог. Облокотившись на стол обеими руками, увидев на его глянцевої поверхности блеск своих неоновых глаз, она поняла, что идея Безумного Доктора вполне может сработать. Во всяком случае это был единственный озвученный способ.

– Не смей врубать беззвучку или вибросигнал, Талос. Держи телефон под рукой. Если ничего не получится, я перезвоню и опишу тебе, каким хитровыебанным способом мы убили Лоран. Экспериментальным оружием инженеров или моим электричеством...

И хоть Женевьеву распирало добавить пару колких замечаний к услышанному, она не стала испытывать судьбу. Серия гудков раздалась мелодией прощания. Безумный Доктор понятия не имела, когда ей ждать повторного звонка и что же случится с бедняжкой Леди Пламя, но одно жена комиссара полиции знала наверняка: её выходной день был испорчен.

– И какой теперь в этом смысл? – проговорила она. – Телевизор? Миксер? Новая вафельница? Ничто не даст мне покой сегодня...

Всего за полчаса до огненного взрыва, нарушившего покой тюремного отсека, в обитель белых коридоров вернулся Озвальд собственной персоной. Экспресс-рейс доставил его вовремя. Офицер сделал доклад по заданию, ознакомился с последними инструкциями и как ни в чём не бывало направился в свои покои. Ему предстояло многое обдумать. Например, судьбу печально известного Майлза Блэка. Израненный и брошенный всеми Конь остался на улицах Детройта, дабы исчезнуть со страниц истории «Нового Света» раз и навсегда. По-другому выручить его просто не получилось бы.

Однако главный вопрос касался не методов спасения, а самих причин. Почему бесчувственный айсберг вдруг нарушил прямой приказ Ферзя? Неужели ему было жаль геомансера? Все последние часы Колд задавал себе этот вопрос снова и снова. Сменив повреждённый термокостюм на новый, он сел в своё одинокое кресло и принялся анализировать минувшие события. Он смотрел на безликую стену перед собой и испытывал себя формулировками... Пустыми, как и весь мир человека без эмоций. Такой холодный, жестокий и несправедливый.

Что же за мысли таились в голове Офицера?

«Мне поступил приказ, но я его не выполнил. Почему? Инструкция Кейл был размытой? Отнюдь... Ферзь выразилась ясно. Я стоял рядом с Блэком и был готов действовать, но в последний момент передумал. Что заставило меня? Я ведь не мог отпустить Блэка из жалости. Я лишь схематично помню, что это такое... Примеры окружающих скорее служат мне вольным пересказом схемы, нежели её видимыми очертаниями. Есть нечто неизвестное, неклассифицированное и... о пасное».

Намеренно отвлёкшись от бессмысленного созерцания стены, Колд сконцентрировался на своих ладонях. Он заметил на них лёгкий тремор. Мизинец и безымянный палец дрожали,

сталкиваясь друг с другом, словно внутри ледяной статуи бушевал настоящий вихрь, жаждавший вырваться наружу.

«Когда я был рядом с моим коллегой, – продолжил Озвальд, – я не придавал значения интонациям, построениям предложений и ключевым фразам. Все реплики Майлза Блэка стали моими на короткий промежуток времени... Я говорил с ним как человек, а не как инструмент господ. Но сейчас я – снова я. С одной оговоркой. Есть что-то маленькое... Оно ненавязчиво постукивает где-то вдали...»

Колд слышал в голове отлучённый от него голос мысли – такой же безэмоциональный, как и он сам.

«Блэк не проболтается. Молчание для него – залог выживания. Свидетелей моего своеволья там не было, значит, мне нечего...»

– Бояться, – нежданно произнёс он, ощутив, как глаза округлились будто от страха. – Но разве я могу? Зачем я вообще это сказал?

Вопрос без ответа привёл его на кухню. Распахнув дверцы подвесного шкафчика, альбинос изучил заставленные полки: питательные смеси, полупустые бутылки, чьё наполнение хозяина никогда не волновало, и пакетик растворимого кофе. Последний затерявшийся пакетик... Озвальд уверенно взял его и высыпал в глубокую кружку с изображением Эйфелевой Башни. Машинально он поставил чайник на прогрев и принялся смирно ждать. Сосредоточенным взором буравил прозрачный сосуд, внутри которого закипала вода. Когда ответственный момент наступил и кипяток угодил в кружку на столе, Колд обхватил её обеими руками и закрыл глаза. Ему хотелось ощутить тепло напитка хотя бы мимолётно, однако защитные перчатки не позволяли этого сделать.

И тогда он снял их и вновь прикоснулся к кружке.

– Что же я делаю? – тихо спросил себя Озз. – Она уже замёрзла...

Горячий кофе обернулся льдом, а на поверхности прекрасной Эйфелевой Башни появилась трещина. Поглощённая инеем, она преодолела границы сосуда и начала ползти по столу, постепенно раскалывая его надвое. Ещё немного и жуткий холод поглотил бы всю кухню целиком, как вдруг...

– На сегодня достаточно экспериментов.

Повелитель мороза заковал ладони сдерживающими перчатками, перекрыв стихии доступ ко внешнему миру, и отправил кружку в мусорное ведро похвальным броском через плечо. Едва звон стекла дал о себе знать, как Озвальд услышал визг тревожной сирены. Снаружи вопили Пешки, их торопливые шаги говорили о чём-то, не входившем в планы «Нового Света». И как один из чёрных костюмов Колд не имел права бездействовать. Он оперативно покинул свои апартаменты и направился вслед за солдатами, маячившими в конце коридора 16\2. Там, дорогой белых стен и полов боец по имени Гарфилд Топп вёл свой отряд подавления к тюремным камерам по приказу Элизабет Кейл.

Завидев Озвальда, командир обрадовался.

– Вот это я понимаю подмога! Теперь нам нечего бояться! С нами Офицер «Нового Света», дамочки!

– Доложите обстановку, – проговорил Офицер, поравнявшись с Пешками.

– Хуже не придумаешь, сэр.

Топп отдал честь и приступил к докладу.

– Мне так быстро всё раскидали, что я толком сообразить не успел. Одна из заключённых якобы умудрилась активировать свои способности через подавитель. Она покинула свою камеру и уже убила пару десятков бойцов. Ферзь ждёт указаний от Талос – убивать беглянку или нет.

– Вы сказали «она покинула камеру»? – уточнил Колд.

– Так точно, сэр. Анна-Мари Лоран. По предварительным подсчётам она сожгла двадцать четыре человека, и, если мы ничего не сделаем, жертв будет гораздо больше. Сейчас бойцы ведут её на испытательную площадку. Там нет лишних свидетелей и мы разойдёмся на полную. Всё-таки три уровня пустых трибун и открытая арена сорок на сорок – это вполне себе поле битвы. Что скажете?

– Скажу, у нас есть шанс.

Утонув в холодном расчёте, Озвальд Колд шагнул вместе с солдатами. Он думал о том, как устранил угрозу Леди Пламя и сколькими людьми Топпа придётся пожертвовать ради достижения цели. Одним десятком Пешек меньше или больше... Значения ноль, ибо оперативник знал, какие приоритеты у «Нового Света». И когда парочка недурственных идей замаячила в голове Офицера, один из новичков-снайперов как назло подал голос, порушив все планы:

– Вы ведь прикроете нас, сэр? Вы наша надежда.

– Прикрою? – спросил Озз, замедлив ход. – Разумеется.

Физиономии салаг украсили весёлые улыбки. Переглянувшись, они, такие бойкие и решительные, захотели заранее поблагодарить своего покровителя за помощь, но напарник Гарфилда Топпа по имени Джек Макмехам вставил неприятную ремарку:

– «Разумеется» значит «посмотрим», – отрезал он, не сводя взгляд с цели прямо по курсу.

– Не стройте иллюзии, он вам не Денис Дмитриев или Майлз Блэк. У Колда нет человеческих эмоций, чтобы вам сопереживать или за вас переживать. Поэтому каждый выполняет свою работу, ясно?! За юбкой оперативника нам сегодня не спрятаться!

Альбинос тоже не смел кормить себя иллюзиями. Он понимал, что мало чем походит на нестигаемого Ладью и вспыльчивого Коня. Первый мог поддержать принципы командной работы делом, а второй, пусть и огрызался со всеми подряд, тем не менее помог бы незадачливым Пешкам. А что бы сделал Озвальд Колд?

На этот вопрос ответила Ферзь, позвонив Офицеру в столь «жаркий» момент:

– Слушаю вас, миссис Кейл.

– Оззи, ты сейчас где?!

– Я следую вместе с отрядом Гарфилда Топпа к тюремному отсеку. Мы готовимся загнать Лоран в ловушку у испытательной площадки.

– На хер это всё, понял?! Немедленно топай в лабораторию Талос и прими дозу стимуляторов ГТБ! Мы должны обеспечить сохранность Лоран! Только ты сможешь подойти к ней вплотную, не сгорев. Ты проходил инструктаж и знаешь, как всё работает. Даже костюмчик не покарябаешь...

– Будет сделано, миссис Кейл, – без сомнений согласился чёрный костюм, отвернувшись от Пешек и подтвердив слова Джека Макмехама. – Сообщите мне точное расположение Анны-Мари, когда я уже воспользуюсь дозой ГТБ. Я не должен потерять много времени.

– Спасибо, Озвальд.

Тон Ферзя стал заметно мягче.

– Я хотела ещё сказать, что последние дни ты показывал себя только с хорошей стороны. Ты исполнительный и надёжный. Совсем не такой, каким был Майлз Блэк. Впереди тебя ждёт Санкториум. «Новый Свет» тебя ждёт.

– Он направит свои лучи на каждого, – беспристрастно ответил Колд, повернув влево по коридору к секции исследований.

Покуда оперативники в последний момент решали вопросы насущного характера, а Пешки, вспоминая различные молитвы и слова причащения, сгорали в геенне огненной, заключённые Такао и Говард боролись с нахлынувшими эмоциями. Вдвоём они облокотились на защитный барьер тюремной камеры и бормотали себе под нос. Призрак винил себя в случив-

шемся, а Вихрь, преодолевая отвращение к собственной нерешительности, его всячески успокаивал. Черета театральных оскорблений сменялась попытками найти в ситуации хоть что-то хорошее, но успехом оное предприятие даже не пахло.

И цикл отнюдь не спешил заканчиваться.

– Я тебе ещё раз повторяю, что это я во всём виноват. Мне надо было как-то по-другому к ней подойти. Почему я, человек, знающий её три года, не увидел, во что она превращается? Это больше не Анна-Мари. Это чудовище из огня.

– Хватит себя корить, – проговорил Ленсдейл, смахнув пот со лба. – Самобичевания оставишь для кого-нибудь ещё. Я сам тот ещё молодец! Я столько раз видел, как она бредит, и ничего не сделал. Теперь посмотри, что произошло? Она спалит здесь всех, даже хороших ребят. Таких же отмеченных, как ты и я...

– Хочешь сказать, нам повезло?

– Хочу сказать, что, во-первых, нет смысла мусолить, кто виноват, а во-вторых, хочу сказать, что ничего не понимаю. Каким образом Анна-Мари загорелась в ошейнике? Разве такое вообще возможно?

– Видимо, да, и теперь я хочу узнать, как она это сделала. Её фокусы принесли нам пользу. Взгляни, что творится: мы с «Новым Светом» поменялись местами. Теперь они в полной заднице. Они не могут убить Анну-Мари, потому что она им нужна для экспериментов. И мы с тобой тоже нужны. Значит... мы в праве быковать по полной программе. Я намерен снять этот чёртов ошейник.

Блеснув улыбкой-загадкой, Такао Санада занял позу лотоса в центре камеры и, закрыв глаза, крепко сжал кулаки. Полный решимости, обнаруживший равновесие внутри себя, он сфокусировал энергию тела в груди, во имя исполнения сложнейшего трюка Призрака. Чтобы случайная Пешка или оперативник не застали заключённого в процессе тайного ритуала, чем бы тот ни был, Ленсдейл встал на стрёме.

Он натужно сдерживал ухмылку, готовую выдать его чаянья:

– Боже мой... Ты правда думаешь, что сможешь пройти сквозь ошейник?

– Как ты догадался? – спросил Санада, не открывая глаз.

– Я тебя очень хорошо знаю, самурайчик. Если ты чего удумал, тебя никто и ничто не остановит. Ты самый буйный заключённый. Завидую я тебе... Мне духу не хватит самому справиться с этим изобретением Сатаны. Каков твой план?

– Давай я тебе расскажу, как всё будет...

Он сделал мерный вдох, а за ним выдох – отчистил разум.

– Я уверен, «Новый Свет» уже всё придумал, и через минут десять битва закончится. Анну-Мари вот-вот поймают, но затишье продлится совсем недолго. Со временем пламя высвободится вновь, и к тому моменту мы с тобой будем готовы. Мы научимся снимать эти штуковины. Нам надо только понять, как это сделала Анна-Мари, и повторить её путь шаг за шагом. Ты общался с ней в этих стенах. Скажи, о чём она говорила? О чём думала?

– Она постоянно вспоминала Талос и хотела сжечь её дотла. Повторяла эти слова снова и снова. Наша несчастная девочка уцепилась за эту мысль и не отпускала её до последнего. Я не эксперт, не психолог и не... Короче, я не утверждаю на все сто, но, как мне кажется, желание убить Талос вызвало у Анны-Мари всплеск ярости, пробудило животные инстинкты.

Задумавшись над мотивацией Леди Пламя, Санада слегка поморщил лоб.

– Мне эти эмоции не подходят. Я не испытываю ненависть к конкретному человеку в организации. Для меня в «Новом Свете» все чудовища.

– И что ты предлагаешь?

– Я знаю другого человека, которого ненавижу.

Вытянув правую руку перед собой, Призрак согнул её в локте и указал пальцем на себя самого.

– Ой, вот только давай без этого! Я сказал тебе завязывать с самобичеванием!

– Но это может сработать, – возразил Такао, актёрски распахнув глаза. – Я потерял любимую женщину по своей вине, и единственный способ преуспеть – это быть честным с самим собой. Став отмеченным, я многое приобрёл, но многое и потерял. То был равнозначный обмен в мировоззрении Брайана и не равнозначный в моём. Я должен погрузиться в прошлое и вспомнить, кто я такой на самом деле. Только тогда я избавлюсь от ошейника и освобожу остальных. Мои силы позволят снять даже твой подавитель.

И Вихрь машинально схватился за шею, уставшую от тисков.

– Тогда делай то, что должно. Как думаешь, сколько ты так просидишь?

– Не знаю сколько, но времени в обрез. Пока что я ухожу в себя, мой друг.

Он закрыл глаза, вновь оседлал ветра сосредоточения.

– А что, если тебя поведут на эксперименты? – забеспокоился Ленсдейл, упав на колени перед другом. – Что тогда? Ты проснёшься?

– Нет, не проснусь.

– Но как такое возможно?! Они там мучают током и огнём...

– Они заберут Такао Санаду. А я. Есть. Призрак.

Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую... Никогда не понимал, зачем люди в здравом уме и при светлой памяти передают эту заразу от одного к другому. Как по мне, это деструкция в чистом виде – знак добровольного самоуничтожения. Акт слабости, когда ты позволяешь врагу глумиться над тобой, кормя себя иллюзией, что рано или поздно заслуженное наказание настигнет наглого обидчика. Зачем ждать, если можно самому стать этим наказанием? Со всей силы ударить его по левой щеке, да так, чтобы хлопок раздавался эхом на поступях реальности, сотканной кошмаром осознания.

У тебя есть сила!

Но многие воскликнут: так неправильно! Нам не дано быть судьями! И они будут не правы... Увы, им не видна разница. Никто не клеймил самозащиту знаком ярости или тем более ереси. Можно атаковать смиренно, без эмоций – стать орудием беспощадной физики, возвращающей давление и скорость отправителю. Это просто нежелание сдаваться, демонстрировать слабость и показывать врагу его сиюминутное превосходство. Если ему один раз всё сойдёт с рук, он попробует вновь. Возможно, провернёт трюк с новой жертвой. И скольких тогда постигнет жалкая участь, прежде чем дамоклов меч заслуженно отрубит негодяю голову? Нельзя пускать это на самотёк и становиться косвенным виновником последующих преступлений. Вероятнее всего, на вас посмотрят искоса, станут шептаться за спиной... Но зло в следующий раз подумает дважды. Вдруг оно столкнётся с подобными вам? Риск будет слишком велик.

Я не задумывался об этом, будучи обычным человеком... Сейчас у меня есть сила, и я на обеих чашах весов. Для кого-то я злодей – мне не стоит подставлять вторую щеку. И в то же время я тот самый «искажённый». Гримаса разочарования от громкого хлопка уже на моём лице, и мне необходимо решить. В этот короткий промежуток хроношифта – подставить ли мне левую щеку или стереть врага с планов вселенского картографа собственным ударом? Мэттью Гордону Саммерсу дано выбирать. И всем вам тоже... В глобальном смысле мы одинаковые. Наш крест – дисперсия ярости, медленное разложение, плодящее алую гниль у самого сердца. Такую не возьмёт даже пламень.

Анна-Мари Лоран шла по следу Пешек, сжигая их всех. Вот и сбылась её маленькая мечта – «Новый Свет» и Отдел № 16 горели ярким пламенем. Крикам боли не хватало времени, чтобы раскрыться в полной мере. Возникая на долю секунды, разорванные в клочья, они прощались с реальностью, утопая в грудах пепла. Невинная француженка с простыми желаниями,

доброй душой и чистым сердцем наблюдала деяния самой смерти, улыбаясь. Мрачный Жнец был под её командованием. И все попытки бороться с неизбежным даже не успевали оказаться полноценной мыслью. У них не было ни формы, ни размера – только останки, поглощаемые несъедобным воздухом через вентиляцию.

Так, шагая среди «россыпи» трупов, Леди Пламя даже не думала, что её ведут в ловушку. Подземный испытательный полигон, накрытый куполообразной крышей, напоминал цирковую арену, на которой некогда выступала наша труппа. Вломившись внутрь, ведомая инстинктами в поисках новых жертв, Лоран встала в центре обширного помещения. Оглядываясь, оскалила зубы.

– Мы загнали девчонку, – проговорил Топп по рации. – Каковы дальнейшие указания?

Он и его отряд скрывались за трибунами, откуда в мирные для Отдела времена исследовательский состав наблюдал за испытаниями оружия против отмеченных. Высокие сиденья служили отличным укрытием от посторонних глаз, стало быть, Пешки располагали запасами дополнительного времени. Но как воспользоваться им, они не знали.

– Мэм, мне кажется она вот-вот поймёт, что это ловушка. Снайперы на позициях и ждут приказа.

– Ради вашего же блага, не вздумайте стрелять без команды, – пригрозила Кейл по ту сторону провода. – Я наблюдаю за происходящим вместе с вами. Пока что всё идёт хорошо. Анна-Мари вообще не соображает. Она ведёт себя, как овощ. Эффект метки полностью завладел ей, и нам это на руку.

– Нам на руку? Мэм, а как же все погибшие? Ради ваших экспериментов вы так легко жертвуете людьми... Я не напирю. Я знаю своё место. Но, если позволите, некоторых ребят я знал лично и...

– Вышлю их родственникам подарочные корзины, – бестия не дала Гарфилду договорить. – Работайте, мистер Топп. Если вы действительно профессионал, то без труда выкарабкаетесь вместе с вашей командой и продолжите работать. Я распоряжусь, чтобы вам оплатили двухкратные премиальные.

Дослушав Элизабет до конца, Пешки безгласно пожали плечами. Ни для кого не секрет, что к низкоранговому персоналу в inferнальной организации относились как к расходному материалу. Туда набирали изгоев общества: безработных, военных с мелкими судимостями и всех тех, у кого не было выбора. Гарфилд пошёл в «Новый Свет» ради приёмной дочери, которую пытался прокормить и устроить в престижную школу. Его брат по оружию Макмехам оплачивал огромную банковскую задолженность, а двое из четырёх снайперов, державших Леди Пламя на мушке, в своё время, прямо как Денис Дмитриев, угодили не в то место и не в то время. Все они решили для себя, что отсутствие альтернатив толкает на риск.

Ожидая какую-нибудь ободряющую речь, бойцы из отряда Топпа молча смотрели друг на друга, покада застывшая на месте Лоран методично сходила с ума. Бросив на неё взгляд, Джек Макмехам перезарядил свой любимый шок-бласт, взглянул в глаза командиру и подал голос вместо него:

– Вы понимаете, что без Колда мы ничего не сможем? Мы не чета отмеченным с их способностями. Но если... Если мы не покажемся из-за трибун прямо сейчас, девчонка просто свалит отсюда и всё начнётся с начала. Так что будем делать?

– А кто-то готов рискнуть? – спросил Гарфилд, оглядевшись. – Я сомневаюсь. Смотрю на вас и вижу ребят, которым ещё жить да жить. Мне дочку в школу отправлять, Сильвестру ухаживать за больной мамой, Барни учиться на заочке... Слушай, ты у нас вроде инженером хочешь стать?

– Ага... Может даже здесь, в «Новом Свете».

– Что и требовалось доказать... Кто пойдёт? Я? Макмехам? Ты? Кто из вас?

Как и ожидалось, никто не вызвался. Пешки понуро опустили головы, не решаясь выйти на зрительный контакт с своим командиром. Винить их в трусости он не имел никакого права, ибо сам не отваживался взять на себя роль приманки для огненного монстра. Между тем времени оставалось мало. Офицер нигде не виднелся, температура поднималась. Лишь когда Анна-Мари Лоран наконец-таки сдвинулась с места, дабы покинуть арену битвы, у одного из бойцов сдали нервы. Стиснув зубы, вспомнив всё, чему его учили, Джек Макмехам встал во весь рост и прокричал во всё горло:

– Эй, я здесь!

Его сопартийцы дрогнули. По лбу каждого пробежали крупные капли пота.

– Я знаю, что ты из себя представляешь! У тебя есть большая сила, и можно делать всё, что захочешь!

С высоко поднятой головой, оставив оружие Гарфилду, он шёл навстречу Леди Пламя, сохраняя достоинство и не показывая страх.

– Я не спорю, – его голос заиграл мужеством. – Учёные и оперативники то ещё зверьё. Да и среди Пешек говнюков хватает! Но ты хоть на секунду задумывалась, что тебе под руку попадают и неплохие люди?! У них есть семьи, желания! Они точно такие, как ты!

Умеривший страх перед лицом неминуемой опасности, Джек поравнялся с Лоран и скрестил руки у себя животе, придерживая левое запястье ведущей ладонью. Так он мог чувствовать биение собственного сердца, быстрым ритмом напоминавшего о жизни, которая ещё не успела закончиться.

– Мне очень жаль, что Безумный Доктор над тобой издевалась. Я не вру... Это правда. Будь моя воля, я бы отпустил тебя домой, но, к сожалению, не я здесь главный. Мы с парнями застряли на этой работе... У нас нет другого выбора, кроме как служить «Новому Свету». Ты понимаешь меня?

«Он хочет тебя обмануть! Сожги его и всех остальных тоже!» – резвый голос Фатума в сознании Анны-Мари не смолкал. – *«Ты говорила, что все обернутся прахом перед тобой! Так сделай это, дитя! Высвободи белое пламя разрушения и сожги это подземелье! Твоя ненависть не знает границ!»*

– У меня ничего нет, кроме ненависти... – молвила Лоран.

Её глаза вспыхнули искрами жаркой стихии, но Джек Макмехам не сдвинулся с места. Он верил в торжество справедливости, даже не зная, на чьей оно стороне.

– Скажите, почему я забыла маму и папу? Что вы со мной сделали?

– Я не знаю, девочка. Мне очень жаль... Я бы хотел отмотать время назад, но не могу. Я простой человек.

– Я тоже хотела такой быть... Но вы мне не дали.

Объятая белым пламенем длань возвысилась на Джеком, подобное лезвию гильотины. Так, сжав кулаки до боли, зажмурившись, он принял свою незавидную участь и мысленно попрощался с друзьями, отблагодарив их за всё хорошее. За бескорыстную помощь на службе, за приятные вечера в баре и за вечеринку в честь дня рождения неделю назад. Макмехаму исполнилось сорок лет – он и не мечтал дожить до такого возраста.

Его товарищи наблюдали за ним сверху, с трибун. Пешки схватились за оружие, готовые стрелять на поражение, вопреки логике выживания. По-другому они не могли... И когда счёт времени пошёл на секунды, когда голодное до плоти пламя сорвалось с кончиков пальцев Анны-Мари, всю арену битвы внезапно поглотила спасительная волна холода.

Толстой коркой льда она сковала стены, ненароком уничтожив все камеры видеонаблюдения и создав внутри помещения эффект оптического разнообразия. Блики света яркими лучами отражались от кристаллизованных углов и бойко перескакивали между ними, покуда изо рта поражённого их красотой Джека Макмехама исходили потоки пара. Не иначе Озвальд

Колд прибыл на выручку. Бросив вызов губительному жару, он приказал Пешкам убираться прочь, ибо схватка должна была пройти только один на один.

Перегородив спиной пути к отступлению, дав солдатам немного времени, Оззвальд готовился начать диалог. Без эмоций, но со знанием дела.

– Я просила тебя не вмешиваться! – с надрывом выкрикнула Анна-Мари. – Ты не понял меня? Ты хочешь умереть?!

– Увы, моя работа – служить «Новому Свету». Я не могу позволить тебе уничтожить Отдел № 16. У тебя всё ещё есть выбор, Лоран. Укроти своё пламя, и мы спокойно вернём тебя в твою камеру. Без насилия и без...

Внезапно Оззвальд оторопел на полуслове, не успев выдать главный аргумент. Офицер увидел за спиной вспыльчивой француженки нечто, что возникло буквально из ниоткуда; нечто не принадлежавшее «Новому Свету», незнакомое всевидящей организации. То был дикий олень с ветвистыми рогами. Умиротворённый, наслаждавшийся холодным воздухом и бликами света, что отражались ото льда, этот зверь стоял неподвижно и смотрел Колду в глаза. Будто немым укором таинственный олень вопрошал смирения. Он настаивал. Своими глазами бесконечной глубины и недоступных простому человеку знаний он требовал вспомнить обо всех несказанных словах, о каждой ошибке и неправильном выборе, о неисполненных обещаниях и об одном конкретном моменте – источнике боли айсберга. И покуда взгляды Оззвальда и зверя были едины, время приостановило свой ход для иных пленников мира сего. Частицы пламени Анны-Мари Лоран противоестественно зависли в воздухе, а звуки её осторожных шагов капризом отражались извне реальности. Они не могли соперничать с его голосом... Слышным лишь для тех, кому пал жребий.

– Не упусти свой абсолют, – прозвучало в голове чёрного костюма.

– Ты что, не понимаешь меня?! Я не отступлю! – вопила Леди Пламя, шагая на встречу Оззвальду. – Уйди с дороги, Колд! Иначе я тебя сожгу!

Олень исчез с глаз долой, но его требования остались невредимы.

– Я в последний раз тебя предупреждаю! Отступи!

И Офицер пришёл в себя, наконец расслышав слова француженки.

– Я не могу... Я не дам тебе уничтожить работу учёных. Кейл приказала прекратить твоё бесчинство, а я исполняю её приказы.

– Значит, ты умрёшь. Я дала тебе шанс, и ты им не воспользовался!

Итак, дуэль жара и холода началась. Белое пламя разрушений возгорелось вновь.

Ненасытным гоним оно устремилось к Офицеру, но на полпути врезалось в его ледяной барьер, что монолитом поднялся из земли. Хладная глыба полностью перекрывала фигуру в чёрном костюме, своими изогнутыми краями перенаправляла жар в стороны. Однако под ударами температур лёд всё же истончался. Атакуя снова и снова, упрямая Лоран пробивала глухую оборону врага. Она уничтожила одно препятствие и тотчас столкнулась с новым, куда более крепким, чем предыдущее. Оззвальд рассчитывал таким образом потянуть время и измотать соперницу, дабы без труда вывести её из строя единичной атакой, но Анна-Мари не купилась на этот трюк.

Отказавшись от прямолинейных выпадов, она мановением руки создала три шара магмы прямо над головой Колда и приказала им рассыпаться на мелкие составляющие. Огненный дождь оросил арену битвы. На месте падения капель в земле возникали глубокие выбоины, заполненные жидким огнём.

Что же тогда должно было случиться с Оззвальдом?

Совершенно ничего, ибо стимуляторы ГТБ многократно усилили его способности. Даже если пламень соприкасался с кожей или костюмом, то не причинял им никакого вреда. Начищенный Оззвальд не ожидал такого быстрого и поразительного эффекта. Крупницы стихии беспомощно застывали в воздухе, оборачиваясь пустотой. Теперь ничего не мешало повелителю

мороза сблизиться с соперницей. Он рванул наперекор разрастающейся перед ним стене жара и, когда стихия врезалась ему в лицо, даже не закрыл глаза. Озвальд сцепился с Анной-Мари руками.

– Это невозможно! – кричала она. – Ты не Дмитриев! Ты не неуязвим!

И вот, казалось, победа близка как никогда, но, увы, Колд оказался в той же ситуации, что и бедняжка Леди Пламя. Он не мог её заморозить – силы противоборствующих стихий были равны. Волна холода упиралась в волну огня, где в самом центре противостояния низкие и высокие температуры кружились в танце беспокойных ветров. Там, где витали вопросы.

– Ну почему ты всё ещё жив?! Почему именно тебя послали за мной?! У тебя нет эмоций! Тебе не понять, что я чувствую! Никогда! Ты слышишь?! НИКОГДА!

С гримасой брезгливости, готовой разойтись по швам, она кричала во всё горло, сражаясь, как в последний раз. Ещё вчера Озвальд Майкл Колд не придавал бы этому никакого значения, но сегодня, в этот час и этот миг, окунувшись в пламя с головой, он ощутил, как оно согрело его обледенелое сердце. Робкий стук раздался в груди. Страшась потревожить искусственный покой, память чувства умоляла выпустить её на свободу. Сама она ни за что на свете не стала бы открывать запретную дверь, но с разрешения хозяина сделала это с великой радостью.

– Ты чувствуешь себя одинокой, – молвил он с дрожью в голосе, опустив взгляд к земле. – Тебе страшно. Дар превратил тебя в неприкаянного монстра. Ты не знаешь, что будет с тобой завтра. Вдруг ты позволишь себе одно неосторожное прикосновение, и все любимые обернутся прахом?

Анна-Мари ослабила хватку, поняв, что Озвальд сделал то же самое. Огонь, бушующий вокруг неё, резонировал с его речью.

– Пока все радуются жизни, ты думаешь только о том, чего у тебя нет. Ты мечтаешь, что когда-нибудь твои силы исчезнут, но этот день всё не наступает и не наступает. И ты задаёшься вопросом – почему именно ты? Ведь тебе нужно так мало. Лишь человек, который поймёт...

Обуздав непокорный сказ, Колд посмотрел Лоран в глаза и та, с трудом сохранив равновесие, проглотив страх и отчаяние, увидела в них знакомую тень... Почти не заметную. Слабую, но тем не менее живую.

– В твоём огне я могу чувствовать, – сказал Офицер, наслаждаясь хладом слезы, что стекала по его щеке.

Вездесущий огонь не имел над ней власти.

– Мне страшно, понимаешь? Впервые за годы я чувствую страх, и мне так это нравится! Это чувство слабое, но я знаю, как сделать его сильнее! Вместе с тобой... Я не сгорю в твоём пламени!

– А я рядом с тобой никогда не замёрзну!

Слёзы Лоран быстро превращались в ничто, но в их короткой жизни им нельзя было отказать.

– Ты можешь ко мне прикоснуться! Что теперь будет?! Что нам делать?! Я ничего не понимаю. Я не знаю, как жить с мыслью, что не всё потеряно!

– Но ты понимаешь, что я должен сделать. «Новый Свет» убьёт нас, если всё поймёт. Ты должна отдать мне победу сейчас. Дай увести тебя в камеру, чтобы с тобой ничего не случилось. Я обещаю, что освобожу тебя.

– А что, если ты лжёшь?! – выкрикнула Анна-Мари, со всей силы вцепившись в ладони Офицера. – Вдруг это всё уловка, и я больше никогда не получу шанс на месть и на свободу?!

– В твоём огне мне нельзя лгать!

Колд кричал на эмоциях. Собственный голос показался ему незнакомым.

– Кто я, если выброшу свой единственный шанс?! Я вступил в «Новый Свет», чтобы вернуть себя или хотя бы понять, почему Бог так обошёлся со мной! Зачем он забрал самое

дорогое?! И теперь мне кажется я получил ответ на этот вопрос. Я должен был встретить тебя, Анна-Мари... Я предрекаю, чем дольше буду без твоего пламени, тем скорее снова забуду эмоции. Я не хочу больше таким быть! Мне нравится в твоём огне! Но...

Он осмотрелся по сторонам, обдумывая план действий.

– Но если эффект твоей силы начнёт слабеть, я смогу играть свою роль убедительно. Потерпи чуток, я придумаю, как тебя вытащить. Клянусь жизнью!

Его холодные слёзы служили гарантом. Не разрывая связь прикосновений, Колд и Лоран искали надежду на будущее друг у друга в глазах. Они решили ухватиться за шёлковую нить мечтаний. Озвальд не знал детали жизни Леди Пламя, понятия не имел, кто она такая. И всё равно скромных образов хватило для принятия решения – рискнуть всем ради призрачного чувства.

Это логичный... и красивый ход, готов признать.

Ибо если судьба делает выбор за нас, с нашей стороны будет разумным оспорить пассивный расклад. В нём нет загадки... Ты либо продолжаешь жить по чьему-то замыслу, получая редкое удовольствие от процесса, либо совершаешь прыжок веры во имя острых ощущений и поиска своего абсолюта.

К счастью, тот не заставил Озвальда Колда ждать ещё несколько вялотекущих лет.

Немногим позже, ворвавшись внутрь помещения, Пешки из вспомогательного отряда второпях вскинули автоматы. Бойцы не верили глазам: Лоран лежала в ногах Офицера без сознания. Она была нетронута ледяной силой – дышала ровно и не выдавала ни единого признака пламенной агрессии. Во славу Ферзя её хладный оперативник справился с заданием на отлично. Альбинос в присущей ему манере, сложил руки чуть ниже живота, чем вызвал улыбки на лицах солдат и их громкие аплодисменты.

Вот тебе и завершение корпоратива... Сразу бьют флешбэки. Всё хлопают в ладоши, свистят и раздают обещания видаться каждые выходные. Но никаких встреч не будет. Громкая толпа разойдётся, выбросив сказанное на свалку, и вокруг снова воцарится мёртвая тишина рабочего процесса. Её образы высечены в камне, необратимы и вызывают отторжение. Эта тишина давит непомерным грузом.

Его Озвальд Колд нёс около получаса. Ровно до тех пор, пока тепло огня Анны-Мари не начало ослабевать. Офицер вернулся в свои апартаменты, сел в «любимое» кресло и без эмоций, без каких-либо следов страсти, молвил слова, с которых началось его маленькое путешествие:

– Значит, так...

Глава 46. Освальд Майкл Колт

Оззвальд Колд.

05.07.2030г.

07:00 a.m. Лондон. Великобритания.

Нет, это уже не просто традиция... Это золотое правило Мэттью Саммерса: по косточкам разбирать прошлое встретившихся ему «плохишей». Мы уже говорили о Майлзе Блэке и душевных шрамах, кои ему оставил отец. Мы рассуждали о незавидной участи Дениса Дмитриева и об испытаниях, что ему пришлось пройти ради любимых. И не так давно мы углубились в историю мальчишки с паническим страхом темноты – выяснили, каковой была его ужасная метаморфоза. На этом этапе, я думаю, пришло время нам, дамы и господа, проникнуть под толстую корку льда, чтобы разузнать тайны, скрывающиеся под ней. Лучшего момента я представить не могу. Герой одного отрезка истории был по-настоящему счастлив столько, сколько себя помнил. Он родился в семье банкира Лайнела Колта и художницы Саманты Уильямс, отучился в престижном британском университете и спустя два года встретил замечательную девушку, на которой захотел жениться. Каждый день вне зависимости от погоды, мировых новостей или самочувствия на лице парня по имени Освальд Майкл Колт сияла улыбка. И раз уж вы знаете, кем он стал, надев внушающий страх чёрный костюм, запаситесь согревающими напитками. Мы отправляемся в прошлое бесчувственного айсберга.

Известный в широком кругу Лайнел Колт владел брендовой сетью банков по всей Англии. Принимая одно финансово-верное решение за другим, он стал влиятельной фигурой в королевской стране, однако, вопреки ожиданиям и родительским догматам, не поделился своими деньгами с собственным сыном. Не от жадности или неприязни, а из-за нерушимой веры в безоговорочный успех Колта-младшего. Двухлетний выпускник Оксфорда, воспитанный в лучших традициях «дома короны», всегда всего добивался, не вскрывая семейную «свинку-копилку». Едва услышав от матери о шуточном предложении вступить в династию банкиров, парень наотрез отказался, заверив родителей, что они будут им гордиться несмотря ни на что.

Спустя несколько лет сын оправдал надежды.

Когда будущему Офицеру исполнилось двадцать пять, ему улыбнулась удача. Кареглазый темноволосый красавец Освальд познакомился с Гарри Сэмпсоном Моррисом – биржевым магнатом из Детройта. Да, вы всё правильно поняли, это был тот самый Моррис. Мир тесен, что я могу сказать? Вся моя история доказывает правдивость одного выражения. Старики Гарри самую малость помог Освальду нащупать выигрышные рычаги (разумеется, не без личного интереса), и деньги акционеров быстро превратили молодого британца в завидного жениха номер один. Он понятия не имел, каков Гарри на самом деле, и мог только мечтать познакомиться с его подельником из Техаса. О человеке под кодовым именем «Картёжник» тогда ходили легенды. О поистине невероятном техасском фокуснике Брайане Гилберте.

На этом моменте я торжественно клянусь, что с течением времени все элементы истории встанут на свои законные места. Сейчас нам необходимо сконцентрироваться на Освальде и его возлюбленной: сногшибательной блондинке с зелёными глазами Изабелле Джордан. словно гром среди ясного неба, она возникла на жизненном пути нашего счастливчика, когда ему было двадцать шесть лет. Колт сообразил, что Иззи обладала качествами идеальной жены – честной, внимательной, понимающей, готовой на всё ради семейного счастья, и, кто мог подумать, безумно красивой.

В тот день, когда сынок представил свою страсть отцу, Лайнел отреагировал положительно, на званом ужине при всех назвав мисс Джордан своей дочерью. И я не буду отрицать, что в моём скромном мировоззрении как простого финансиста из Нью-Йорка это идеальный расклад. У Освальда было всё: деньги, любимая девушка, одобрение родителей, отменное здоровье, никаких завистников или врагов. Образцовая жизнь. Единственное, что Колт младший мечтал в ней исправить, так это статус. Семейный статус, не подумайте ничего дурного... Спустя год упоительных отношений будущий Офицер, а в народе просто Оззи, решил жениться.

События рассказа берут начало пятого июня две тысячи тридцатого года. Будильник прозвонил в ровно шесть тридцать утра. Наш мистер «всё путём» проснулся бодрым и с улыбкой подскочил с постели, не разбудив Изабеллу. В последнее время ей немного нездоровилось. Она оставалась в кровати дольше обычного, досматривала сны и набиралась сил, как сова, – вечно невыспавшийся сосед жаворонка.

Под аккомпанемент классической музыки в наушниках тот отправился в ванную комнату и, комично подплясывая, начал чистить зубы. В одной руке он держал зубную щётку, в другой – телефон с открытыми заметками, где среди внушительного расписанного по времени перечня значились две записи, оформленные красным шрифтом: «символ великой любви» и «разговор с Гарри». Насладившись блеском своей белоснежной улыбки, Освальд решил не тянуть с исполнением и отправился на кухню завтракать. Сытная трапеза заняла всего двадцать минут. Пунктуальный британец даже успел помыть посуду. Закончив утренние дела, он надел любимую футболку с енотом, не забыв покрасоваться перед зеркалом выверенные для этого шестьдесят секунд и спустился в гараж. Особняк, купленный Колтом-младшим одним цельным платежом, вмещал три отдельных помещения для автомобилей, но заняты были только два. По понятным причинам...

Железного коня, принадлежащего нашему герою, я, автоманык Саммерс, хочу описать со всей страстью и любовью к механическому искусству. Чёрт побери, кровь стынет в жилах, стоит только подумать! Aston Martin DBS две тысячи восьмого года. Двигок 5,9 литра – бензин, мощность 517 лошадиных сил, коробка передач механическая, задний привод, левый руль, разгон за 4,3 секунды, расход топлива от 11,7 литра на трассе до 24,3 литра на смешанной дороге. Слюнки текут, руки трясутся! Так и хочется ухватиться за штурвал и прокрутить на красавце несколько дымовых пончиков, любуясь придурковатой физиономией Палмера, снимающего всё на видео! Эту тачку сваяли по принципу «Всё или ничего».

Машина Колта была тёмно-зелёного цвета, как нефрит. Чёрный кожаный салон и резиновая панель управления навязывали чувство перехода из одного мира в другой всякий раз, когда водитель усаживался на место. Освальд не очень любил бесполезные побрякушки и украшения для внутреннего убранства авто, и поэтому одна только мини-фигурка Лепреконе (подарок отца), висящая на зеркале заднего вида, разбавляла первозданную обстановку. Казалось, эту машину собрали ещё вчера. Ни одной пылинки. Идеальная чистота как внутри, так и снаружи.

Ух... Что-то меня понесло. Захотелось полистать автомобильные журналы.

Пока Иззи не проснулась, у её молодого человека оставалось немного времени. Будучи свободным предпринимателем, он мог позволить себе выходной даже в среду и решил воспользоваться им для воплощения мечты в реальность. Оззи поехал в ювелирный магазин за обручальным кольцом.

То был самый обыкновенный салон, который вы можете найти в любом крупном городе. Внутри покупателей ждали застеклённые стенды с кольцами, серьгами, браслетами и другими украшениями. Броское золото, утончённое серебро или восхитительная платина – побрякушки на любой вкус и цвет сверкали как для богача, так и для простого работяги, чью свинку-копилку разбили вдребезги, дабы предложение руки и сердца достигло достойную страсть, где бы та не скрывалась. Для хорошего продавца не имеет значения статус покупателя. Куда важнее

вовремя кивать и поддерживать на лице убедительную улыбку, склоняющую оставить в кассе сотню-другую фунтов.

В среду пятого июня владельцу салона с громким названием «Изыск» улыбаться и кивать пришлось вдвое больше обычного, ибо его клиент мог похвастаться глубоким бумажником. Отто Фишер (так звали ювелирных дел мастера) за версту чуял деньги и поприветствовал Освальда, когда тот едва подошёл ко входной двери. Мужчина заранее понимал, что клиента придётся немного расстроить через минуту другую, но держался молодцом:

– Здравствуй, мой мальчик! Заходи!

– Доброе утро, док, – радостно пропел Колт, войдя в магазин.

Он вытер ноги о коврик с надписью «Блеск любит чистоту».

– Как детишки поживают?

– Всё как обычно – учатся и проедают мне плешь сотней тупых вопросов. Я чертовски рад тебя видеть! Мне кажется, или ты похудел? Выглядишь феноменально! Мне в моём возрасте такое может только сниться!

– Ой, не говори глупости... Ты ещё о-го-го! Если захочешь, станешь бодибилдером на раз, два, три. Это мне надо убиваться в спортзале три раза в неделю, а ты с твоими генами одной пробежкой обойдёшься.

Выдохнув с упоением, Фишер и Колт искренне улыбнулись друг другу. Ювелир знал, что в словах Освальда не было ни капли лести – только обыкновенная доброта, свойственная этому удивительному парню.

– Ну, может быть, ты и прав, – подытожил Отто. – Ты пришёл за кольцом?

– Верно, док! – подхватил сияющий от счастья британец, подпрыгнув на месте. – Белое золото с голубым камнем и гравировкой. Единственное подходящее!

– Да... единственное. Я хочу тебя расстроить...

Фишер облокотился на стеклянный стенд перед собой и прошёлся по нему пальцем, таким образом переведя взгляд Колта на пустующую ячейку в пятом ряду.

– Его забрали буквально двадцать минут назад. Прости, мой мальчик, но ты ведь знаешь, что у меня нет брони на-а-а... такие кольца. Я хотел его придержать. Правда! Но предложение оказалась чересчур заманчивым. Ты же не злишься на меня? Ты искал его целую вечность, а я тебя подвёл.

– Злюсь на тебя? Я?!

Улыбка Оззи стала шире прежнего. Теперь он деловито облокотился на стенд и, покачив головой, успокоил Фишера.

– Ничего страшного не случилось. Планы есть планы. Иногда жизнь не поспевает им соответствовать. Я тебя понимаю, док. Ты бизнесмен и должен кормить свою семью. Я попробую найти кольцо где-нибудь ещё.

– Ну, если тебе не нужно ничего другого, что у меня есть...

Отто развёл руками в стороны, как бы демонстрируя богатый ассортимент.

– Ладно уж... Знаю я, что тебе это не нужно. Но, если будут время и деньги, зайди и купи себе чего-нибудь.

– Конечно куплю. Надо только решить проблему номер один...

– А с твоим кольцом я могу помочь!

Задорно подмигнувший Отто вытащил из кармана телефон и открыл на нём карту города со всеми необходимыми обозначениями. Он ввёл нужный адрес в строке поиска, почесав макушку, убедился, что всё сделал правильно, и показал результат Освальду:

– Вот это видишь, Озз?

– Ага... – проговорил тот, похлопывая ювелира по плечу. – Ещё как вижу! Это место точно надёжное?

– Я очень на это надеюсь. Они тоже работают с самого утра. Отсюда туда будет целых два часа езды, но если где ты и найдёшь своё колечко, то только там. Они мои конкуренты. Я знаю, что они закупаются там же, где и я. Это будет белое золото и сапфир! Аналогичная форма и гравировка!

– Как мне тебя отблагодарить?

– Не забудь заглянуть ко мне как-нибудь, – без промедления ответил Фишер. – А если говорить без торговых примочек... Освальд, я помог, потому что я твой друг. И хочу, чтобы Иззи обрадовалась, когда ты сделаешь ей предложение.

– Она обрадуется. Всё будет так, как она мечтала!

Колт крепко обнял Отто обеими руками и, попрощавшись с ним, отправился в магазин, расположенный на окраине города. Других особо важных поездок в тот день не предвиделось, стало быть, улыбочивый жених мог полностью посвятить себя поискам драгоценного дара. По пути он заглянул ещё в несколько схожих магазинов и очень пожалел об этом, ибо тамошние владельцы прекрасно знали, с кем имеют дело, и приложили максимум усилий, чтобы вытянуть у Освальда крупную сумму денег. Но он не растерялся. Тактично и вежливо отказался от ненужных предметов роскоши, сосредоточившись на главном.

Конкретное кольцо Колт выбрал не случайно. Год назад Изабелла заметила его в салоне премиум класса во время путешествия в Соединённые Штаты и, узнав, что эта серия была распространена по всему свету в ограниченном количестве, попросила будущего жениха купить ей такое на свадьбу, если та когда-нибудь состоится. За прошедший год Иззи уже успела забыть о своём желании, но только не внимательный Освальд. Он перерыл гору интернет-магазинов в поисках будущей семейной реликвии, расспросил всех знакомых и вытрепал нервы сотне консультантов. Сделал всё возможное и даже невозможное.

И вот когда до пункта назначения оставалось всего двадцать минут езды, единственный сын достойного Лайнела Колта, думая только о цели, неожиданно получил от него телефонный звонок:

– Привет, пап. Как дела? – сказал Колт-младший, не отрывая глаза от дороги.

Разговор был в режиме громкой связи. Аудиосистема авто перешла на него автоматически.

– Здравствуй. Давай сперва ты. Как дела у тебя?

– У меня всё хорошо. Еду сейчас в ювелирный салон. Он на окраине города. Отто, к сожалению, продал кольцо, но помог мне найти другое место. Если я быстро смогаюсь туда-обратно, Иззи будет ещё спать, и я сделаю ей предложение в постели.

– А где ещё женщине можно предложить?

– Ну, папа! – отозвался Освальд на забористый юмор. – Что это за шутки?

– Жизненные шутки. Я рад, что ты нашёл другой салон. Отто повёл себя как всегда... Вместо того, чтобы попридержать ювелирку для друга, взял и схватился за первый попавшийся бумажник, торчавший из дыры в стене туалета. Я так и знал, что этим всё кончится.

– Не сердись на него. Он отец троих детей, а их надо кормить.

– Конечно, их нужно кормить, – спокойно проговорил невозмутимый Лайнел. – Да так, чтобы, вставая из-за парты в школе, они переворачивали её пузом.

Представив последнее у себя в голове, Освальд крепко схватился за руль обеими руками, лишь бы не потерять управление от смеха.

– Тут я спорить не стану... Но я спрашивал, как у тебя дела?

– А вот это самое интересное, сынок. Врачи ошиблись, я ничем не болею.

– Как это – ничем не болеешь?! – воскликнул Колт-младший, увидев свою улыбку в зеркале заднего вида. – То есть то самое умопомрачительное мега-потрясающее экспериментальное лечение не пригодится?

– Неа, не пригодится. Можно послать терапию куда подальше и жить полной жизнью. Знаешь, Озз...

Тут Лайнел тяжело вздохнул, и его мужественный бас оробел. Гордый отец семейства отдался чувствам, не боясь продемонстрировать их сыну:

– Я чертовски тобой горжусь – всю последнюю неделю ты держался молодцом. Любой на твоём месте заранее бы меня похоронил. Даже твоя мать рыдала по ночам, когда я ходил в сортир. Мои друзья на работе постоянно крестились, а моя секретарша стала тако-о-ой доброй! Впервые за пять лет я почувствовал сахар в кофе. Она перестала жадничать и начала класть две ложки вместо одной. Для неё это подвиг. Понимаешь... Буквально все стали вести себя по-другому. Но только не ты, сынок. Ты верил в моё выздоровление, несмотря ни на что. Мне помогала твоя вера.

– Нет смысла погружаться в уныние и лить слёзы – так ты меня учил. Надо смотреть в будущее и думать только о позитиве. Врачи ведь тогда сказали, что есть шанс, и я надеялся на этот шанс всё это время.

– И врачи в итоге оказались полными идиотами. У меня такое впечатление, что в первый раз они просто перепутали мои анализы с чьими-то. Я на сто процентов здоров. У меня всё в порядке с желудком, нервами, сердцем, мозгами... Я даже между ног всё лишний раз перепроверил.

– Ничего пока не отвалилось?

В лучшей британской манере Лайнел рассмеялся. Стук его кулака, ритмично врезающегося в стол, было отчётливо слышно на другом конце провода.

– Всё на месте. Поэтому сегодня у меня свидание с твоей мамой.

– Хорошего вечера. Я очень рад этим новостям, папа. Мне так хотелось, чтобы наша семья была на моей свадьбе в полном составе. И теперь так и будет!

– Нет, нет и ещё раз нет! Не все члены семьи придут! – вдруг выкрикнул отец. – Слава богу, твой дядюшка Джон опять ушёл в запой. Я так устал слушать его рассказы про рыбалку... Чёртов налим мне уже ночами снится.

– Налим – вкусная рыба, но костлявая.

– И ты туда же... Ладно... Тут по второй линии звонит один стулолицый. Отвечу ему, пока он не бросил трубку. Был рад поболтать с тобой, сынок. Может быть, вечером позвоню, устроим винную беседу.

– И я был очень рад. Буду ждать твоего звонка вечером. Пока, пап.

Раздалась череда гудков, и тяжкий груз спал с души Освальда. Теперь можно было расправить плечи и с упоением, наслаждаясь каждой секундой безмятежности, вдохнуть полной грудью, прогнав тревоги прочь. Неделию назад врачи поставили Лайнелу диагноз – рак желудка. Улыбки среди ближайшего окружения влиятельного банкира сменились слезами, а приветливые физиономии его коллег потускнели. Все поверили в неизбежность прогнозов врачей, но только не единственный сын. Он до последнего сохранял надежду и, как выяснилось, не зря... Из краткого разговора с отцом Колт-младший не понял, как профессионалы могли допустить столь постыдную ошибку, однако в сухом остатке это и не имело значения, ибо закопанный в мирском страхе утратил свою власть. Анализировать каждый шаг было бессмысленно. Поэтому, расплывшись в широкой улыбке, взглянув на неё в зеркало заднего вила, британец принялся рассуждать о насущном:

– До чего же мне кайфово! Я как будто разгрузил портовый контейнер! Сразу всё стало так просто... Даже если я не найду кольцо сегодня, всё равно не расстроюсь, ведь с папой всё в полном порядке! Может, приехать к нему на ужин завтра? Почему бы и нет...? Это прекрасная мысль! Выпьем, поболтаем! Я хочу его обнять!

Чтобы подкрепить позитивный настрой, Освальд на радостях включил радио. Станция лучших хип-хоп исполнителей не пришлась ему по вкусу, а вот великие творения классиков

взбудоражили нервную систему, пустив волну мурашек по коже даже в тех местах, о которых мистер Воспитанность и думать не решался. Он не успел толком насладиться звучанием виолончели, а всё из-за ещё одного звонка. На этот раз от Гарри Морриса, чья подмигивающая физиономия высветилась на экране мобильного.

– Что же это такое? Я сегодня прямо нарасхват! Вдруг и он расскажет мне что-нибудь хорошее? Я тебя слушаю, Гарри! Привет!

Несколько секунд по ту сторону не наблюдалось признаков жизни. Всё указывало на проблемы со связью, но в тот момент, когда Освальд подумал нажать на кнопку сброса и перезвонить, выяснилось, что детройтский магнат просто слишком увлечённо рассматривал карты в своих руках.

– Кол. Двадцать пять. Привет, Озз. Чем занимаешься?

– Привет. Я еду за кольцом для Иззи. Отто не смог удержать свой экземпляр, но помог мне найти другой. А ещё! Ты не поверишь...

Интонации Колта, подобно графику амплитуд, скакали то вниз, то вверх.

– Отец сообщил мне хорошую новость. Он не умирает! Я чуть сиденье не обмочил от счастья! Врачи ошиблись, и никакого рака у него нет!

– Чертовски рад за твоего папашу... Рэйс сорок. И хватит руки к столу опускать. Это уже становится подозрительным, мистер Стаут. Прости, Озз, у меня партия в самом разгаре. Выигрыш – сто пятьдесят тысяч долларов, а Стаут так и норовит вывести меня из себя.

– Тогда почему ты болтаешь со мной, а не разглядываешь бегающие глазки своих оппонентов?

– Потому что среди них нет Картёжника, – усмехнулся Моррис, прикусив сигару. – Он сейчас работает над собственным проектом.

– А разве это плохо?

– Ничуть. Ты слышал последние новости? Акции Майдаса на расчёте, а значит, наш вклад сегодня выгорит.

– Ты позвонишь мне?! – загорелся Освальд, буравя глазами асфальтированный горизонт прямо по курсу.

Ему казалось, серость камня будто обретает золотистый оттенок и подкрепляет мысли о скором богатстве. Но то было лишь палящее солнце, не более.

– Я могу приехать!

– Не спеши, я тебе позвоню. Фолд... С таким дерьмом я дальше не пойду, дамы и господа.

– Вот тебе и болтовня за покером... Надо сосредоточиться на игре.

– У меня тут всё под контролем. Ты, главное, держи телефон под рукой. Когда я тебе сегодня позвоню, мы узнаем, насколько ты богат, а я дальновиден. Держи нос по ветру.

Так телефонные разговоры подошли к завершению. Хотя бы на время. Отложив надоедливый мобильник, Освальд Колт вернулся на радиостанцию нестареющей классики и, сопровождаемый её звучанием, добрался до ювелирного салона. Разглядев вывеску с названием, он ухмыльнулся. Это был знак судьбы: «Свадебный дар» – большими неоновыми буквами с голубоватым отблеском, как у камня на кольце, которое желала Изабелла.

Чертог сокровищ зазывал посетителей внутрь, и будущий Офицер искренне радовался, что он тот самый посетитель. Обстановка внутри мало чем отличалась от рабочего места старины Фишера, однако местный продавец представлял из себя полную его противоположность. Если Отто был пухловатым и приветливым мужчиной, заделавшим троих детей аж в пятьдесят лет, с румяными щеками и блеском в глазах, то молодой человек у кассы «Свадебного дара» высасывал из людей всю любовь к жизни своей унылой физиономией. На ней словно проглядывалось предупреждение: «Я, сука, ненавижу всё живое и мечтаю сдохнуть прямо здесь и прямо сейчас. И хотите вы того или нет, я заберу вас с собой».

– Здравствуйте, – с порога заявил о себе Освальд, сохраняя позитивный настрой вопреки магии унылой ряжи за кассой. – У вас здесь так красиво, уважаемый!

– Ну, драсте... Да, тут красиво.

Этим вот «драсте» можно было подтереться. Оно напоминало наждачную бумагу, способную содрать говно даже с самой несговорчивой задницы. Колт так озадачился от этого приветствия, что напрочь позабыл, зачем вообще пришёл. Кассир продолжал пялиться, а включённая на полную громкость R&B музыка, струёй нескладного поноса вырывавшаяся из динамика его телефона, ещё больше сбивала бедолагу с толку, ибо строчка «Я танцую в двадцать семь, и я сейчас не про часы» заставляла его задуматься об абсолютной тупизне современных образчиков «искусства». И кавычки здесь неспроста.

Лишь помотав головой, как дворовый пёс, и сложив руки на животе по своему обыкновению, Освальд вернулся к первоначальной нити диалога:

– У меня есть фотография кольца. Оно найдётся в вашем богатом ассортименте?

Скорый жених говорил с улыбкой, думая, что она расположит к нему продавца.

– Не знаю. Я не помню весь ассортимент наизусть. Я отца заменяю, он щас немного болеет. Так что сами ищите.

– Понятно... – проговорил Колт, осознав бренность бытия. – Хорошо. Спасибо. Я сейчас сам посмотрю.

– Только стекло руками не лапайте. Мне потом будет лень его протирать.

– Пасибо... – снова ответил Освальд, но на это раз ему пришлось проглотить часть слова.

– Мне так нравится интерьер... И как у вас всё устроено.

– Мой папаша выбирал обои. Я хотел покрасить стены, но он сказал, что всё будет выглядеть, как сраный крематорий. Мол, у меня вкус, как у сатаниста, и я ничё не понимаю в эстетике и всяком подобном. Но, на мой взгляд, этот старый пердун ничё не понимает.

Пока парень извергал своё вялотекущее недовольство, уставившись в потолок, сосредоточившийся Озз с фотографией на мобильнике принялся изучать стенды. Он пропускал мимо ушей добрую половину слов, но та их часть, что ухитрилась проникнуть в его мозг, причиняла настоящую экзистенциальную боль:

– Это дикий бред, как по мне. Ну какой крематорий? Он вообще видел крематории? Вот я видел крематорий. В одной игре была такая локация. Ни хера вообще не похоже. А с этими обоями чё? Один придурок на днях содрал кусок напротив кассы. Клеить заставили меня. Кого же ещё? Я весь в этой клейкой гадости вымазался. Я чувствовал себя, как девка после первого секса... Повсюду белая жижа, и я ненавижу каждую клеточку своего тела.

Пречудесное сравнение заставило Колта искать с удвоенным рвением. Он стоял к продавцу-сменщику спиной, и тот не мог увидеть его покрывшееся багрянцем лицо. Глаза жениха округлились от напряжения. Он судорожно метался взглядом от одного украшения к другому, лишь бы поскорее покинуть этот ад на Земле.

– А на самом деле я даже хуже себя чувствовал, – не унимался лучший продавец года. – Когда я был в третьем классе, у меня нога в унитазе застряла и пришлось спасателя звать. Он меня вытащил... Да. Только моему отцу пришло в голову рассказать моим одноклассникам, что дома приключилось. С тех пор меня звали «Дэни – дерьмовая лодыжка». Да... было время...

Рассказчик с упоением пялился на люстру на потолке, чувствуя себя обдолбанным рок-музыкантом во время интервью журналу «People».

– Я ещё тогда был с короткими волосами. Моя мачеха не долбила мне мозги по всякой фигне, а отец... Мой отец...

– ВОТ ОНО! НУЖНОЕ МНЕ КОЛЬЦО! – заверещал Колт, готовый развоплотиться от счастья. – ОНО САМОЕ ПРЯМО ПЕРЕДО МНОЙ!

– Ну, оно самое... Чего орать то? Дайте-ка посмотрю...

Медленно, переваливая ногу за ногу, сменщик приковывал к стенду.

– Ага. Точно... Оно. А вы вообще в курсе, что это кольцо стоит двадцать тысяч фунтов? Большие бабки.

– Я знаю, а вот моя невеста, к счастью, нет, – улыбнулся Освальд, не скрывая смущения.

– Она выбрала его на глаз, и я не могу винить её за хороший вкус. Цены на сапфиры скачут от двадцати пяти долларов за карат и вплоть до одиннадцати тысяч.

– Знаток, я погляжу. Ну, айда на кассу. К этому кольцу полагается упаковка и коробочка в подарок. Белая такая... Красивая.

– Спасибо большое. Я оплачу покупку картой!

– Ну, конечно... А чем же ещё?

Парень аккуратно извлёк кольцо из ячейки и оперативно упаковал. Пусть он и вёл себя безобразно, словно пытался добиться закрытия магазина, но руки у него росли из правильного места. Освальд оценил изысканный вид упаковки и небольшую шкатулку, куда продавец поместил украшение ловкими пальцами.

– Сейчас чек пробьётся, и я напишу на нём ваше имя. Оно нужно, если вдруг что-нибудь случится. Что-нибудь непредвиденное... Придётся с идентификационным браслетом, и я сделаю возврат. Время на него даётся двенадцать часов. Мало... Я знаю. Но сами понимаете. Всякие козлы берут кольцо на время, а потом, когда покрасуются им, сразу же возвращают обратно. Такое часто делают на день выпускников.

– До чего же некрасиво... – правдоподобно возмутился Колт. – Нельзя так поступать.

– Согласен. Ваше имя?

– Меня зовут Освальд Майкл Колт. Так и запишите. Мне повторить?

– Не. Не надо. Я всё написал. Можно закрывать магазин на сегодня, я вашей покупкой весь план сделал. Приятного вам вечера с вашей мадам.

– Обязательно.

Заполучив дорогое и крайне важное приобретение, Колт-младший попрощался с продавцом-сменщиком. Он не хотел проводить в салоне ни одной лишней минуты и направился было к выходу, как вдруг, бросив взгляд на чек, обнаружил ошибку.

– Ой... – выдал жених, остановившись у самой двери. – А вы с ошибками написали моё имя. Тут... Надо же! Очень смешно было бы, если бы меня так звали!

– И где же я ошибся?

– Вот здесь. Видите? Вы написали Оззвальд Майкл Колд. У меня в имени нет двух букв «Z». Там только одна «S». И фамилию вы написали так будто я... холодный. С буквой «D» на конце. А я Колт. С буквой «T».

– Ща перепечатаю, – ответил парень и улыбнулся. – Хах... И правда смешно получилось. Вы снеговик какой-то... Имя для мультяшного персонажа. Простите. Надеюсь, когда вы у нас ещё что-нибудь купите, такого больше не будет.

– И я надеюсь.

Шутки шутками, но даже высшие силы не могли остановить героя-любownika. Покинув «Свадебный дар», он сел в машину и помчался домой, надеясь, что его будущая жена всё ещё нежится в постели, и романтичному представлению ничего не угрожает. На часах было десять часов до полудня. Теоретически, учитывая привычку Иззи спать до обеда в выходные, которые она выстраивала так, чтобы совпадать с Освальдом, идея сделать предложение в постели имела право на существование. Пару раз Колт даже проехал на красный свет, лишь бы сэкономить время. Оплатить штрафы с его заработками было не накладно.

– Я сейчас сварюсь от жары! – проговорил он и смахнул пот со лба.

Включив кондиционер, британец посмотрел на себя в зеркало заднего вида, подмигнул, точно похвалив свою находчивость, и начал разговор с самим собой:

– Я ничего не забыл? Духи, точно! Куда же я запихнул?! А-а-а! В бардачок! Ха-ха! Как же хорошо, что я не оставил их дома!

Вытащив сосуд с «ароматизаторами», Освальд рассмотрел их, подшучивая:

– «Запах стильного и мужественного героя... Ни одна женщина не устоит». О, да! Поверьте мне на слово, она не устоит передо мной! Я буду неотразим и красноречив! Даже мой отец в лучшие годы не обладал таким обаянием!

– А ты прямо следил за ним? – неожиданно голос детройтского магната прозвучал по громкой связи.

– ГАРРИ! Почему не было звонка?!

И Колт с испугу обронил флакон, подобно неуклюжему герою мультфильмов.

– Как так вышло?!

– Пока ты возился с духами, небось, задел кнопку. Дуй на биржу. Твой номер сейчас выстрелит. Если успеешь, сможем направить тебе деньги на счёт сегодня же.

– Всё так серьёзно? – британец сосредоточился.

– Поверь мне, Освальд. Вся сумма придёт разом. Я буду на связи. Не теряйся.

Если уж сам Гарри Сэмпсон Моррис просил оторваться от всех дел, стало быть, произошло нечто помазанное жизнью и смертью. Бросив взгляд на шкатулку с кольцом, немного помявшись, романтический жених собрался с мыслями и вбил в навигатор новое направление. Теперь Освальду приходилось буквально посылать в мировую ауру сигналы-мольбы за крепкий сон его Изабеллы.

Вновь машина проскочила на красный сигнал светофора, и снова горе-донжуан смахнул со лба капли пота, прибавив оборотов кондиционеру. Он добрался до места за сорок минут и, спотыкаясь, лавируя меж десятками таких же любителей цифр и графиков, вошёл в биржевой зал, наполненный суматохой, истошными криками и взмывающими к потолку ценными бумагами, теряющими свой номинал ещё до соприкосновения с землёй. Для умницы Колта оная обстановка была обыденностью. Покуда его коллеги по криптопланированию, не помня себя, наматывали круги, всматриваясь в многочисленные экраны, он искал конкретный стенд с необходимой информацией. Три месяца назад по надёжной наводке Гарри Освальд вложил миллион фунтов в разрастающуюся компанию Спенсера Майдаса по переработке драгоценных металлов.

И именно в этот день ответственное дело должно было либо выгореть, либо прогореть. Тут как повезёт.

– Я на месте, Гарри, – объявил Колт по телефону, встав напротив фондового экрана.

– Отлично. Сейчас начнут объявлять списки. Смотри не проморгай. Я хочу, чтобы ты нашёл MRDS. Ты видишь её?

Британец вглядывался в замурднённую таблицу и не обращал внимания на снующих туда-сюда белых воротничков, то и дело перекрывавших ему обзор.

– Да, я вижу. Показатель прироста в точных цифрах 1008.57. Процентный прирост плюс шестьдесят один и восемь.

– Хорошо. Теперь посмотри SDFI.

– Она идёт следом. 689.12. И-и-и... Пятьдесят два ровно.

– О-хо-хо-хо... – Моррис сделал театральную паузу, покуда Освальд упрашивал его дать ответ.

– Ну и? Чего я жду? Отвечай, Гарри! Не своди меня с ума! Ты заставил меня притащиться сюда, а теперь просто смеёшься.

– Подойди к Клэр на стойке информации. Там большая очередь?

Рвущийся на свободу жених обернулся и к своему удивлению не обнаружил у стойки ни души. Обычно там было столпотворение – очередь на два, а то и на три часа реального времени. Бедняжка Клэр хриплым голосом проговаривала «следующий» и с полным отсутствием

тяги к жизни в глазах расспрашивала импульсивного вкладчика, чего же ему нужно, такому прилизанному, с галстуком и лакированными туфлями.

Но не сегодня. Этим судьбоносным днём будто все мировые события складывались в пользу Освальда Майкла Колта. Вкладчики кучковались в глубине зала, пялясь в экраны.

– Там вообще никого нет! – ответил он, рванув к стойке.

– Тогда не теряй время, парень. Скажи Клэр номер 34.28.G1.1.2. И с чувством полной удовлетворённости дай ей свою карту. Уведомление придёт примерно через двадцать секунд, а сумма будет переведена в течение суток. Всё благодаря мне. Обычно крупняк идёт целую неделю из-за пересчётов и вычетов, но у нас особый случай. Я позвоню позже. Можешь сказать спасибо в нашем чате.

– Я пока даже не знаю, за что, – сказал Колт с улыбкой.

– Узнаешь. До связи, партнёр.

Освальд сделал всё, как сказал ему Гарри Моррис. Назвав номер Клэр, он таким образом без проблем убедил её провести прямую транзакцию через карту. В подобных местах оными операциями вообще не занимались, однако номер детройтского брокера служил ключом от любых дверей, и ради VIP-вкладчика нарушались даже устоявшиеся правила. Девушка быстро выполнила работу, улыбнулась Колту и поздравила его с успешным вкладом.

– Мои поздравления. Вы настоящий счастливчик. Передавайте от меня наилучшие пожелания мистеру Моррису.

Заполучив карту, первые несколько секунд британец не понимал, чего именно ему стоит ждать. Ответом послужил вибросигнал телефона – СМС-уведомление. Миллион, вложенный в предприятие Майдаса, принёс чистую трехкратную прибыль. Вот за что стоило во всеуслышание отблагодарить Гарри – поднять руки вверх, закричать погромче и станцевать какой-нибудь заковыристый танец на радость всем пленникам Тик-тока¹. Но вопреки ожиданиям Освальд покинул здание в полном молчании, сдержанный и загадочный. Он сел в машину, пристегнул ремень безопасности и, отключив громкоголосое радио, запустившееся вместе с двигателем, целую минуту просидел неподвижно. Телефон в его руке отображал окно чата с детройтским магнатом.

Текстовое или голосовое сообщение причиталось благоразумному покровителю? Разумеется, голосовое. Колт положил телефон перед собой, предварительно нажав на кнопку и свайпнув её вверх. Отчиталась пару секунд безгласности и...

– ДААААА! ДААААА! ДААААА! Я не могу поверить, Гарри! Ты... Ты настоящий мастер! Три миллиона! За один заход! Это сумасшествие! Я танцевать хочу голым посреди района, чтобы все соседи видели! Как мы поимели этих засранцев! Да, блядь! Да, сука! Я хочу, чтобы ты танцевал со мной! Я возьму дорогое вино и буду купаться в нём! Что люди делают, когда ходят на пляж и заходят в воду?! Они мочатся в неё! Я помочусь в вино! ДАААААААА! ДААААААА! ДА! ДА! ДАААААААААААААААААА!

Выпучивший глаза Освальд Майкл Колт вопил во всю глотку, тарабанив кулаками по рулю. Мимо проходившим казалось, что он сошёл с ума. Наблюдая со стороны, они видели парня, размахивавшего руками, но из-за шумоподавляющего стекла они не слышали его голос. Только физиономия с широко открытым ртом говорила им об эмоциях везунчика, а вопящий клаксон служил сигналом держаться подальше. А не то ещё придётся танцевать с Колтом прямо на парковке.

– ДАААААААААААА! – кричал тот, сморщив нос до красноты. – Отец здоров! Кольцо найдено! Бабки заработаны! Я еду домой делать ей предложение! Ты слышишь, Гарри?! Я король мира! ДАААААА! ДАААААА!

¹ Социальная сеть.

Со свистом шин счастливец помчался домой. Уведомления о штрафах, прилетавшие по СМС одно за другим, ни капли не заботили его. Хоть одна тысяча, хоть две – на их оплату не ушло бы даже двадцатой части заработанных денег. Как истинный британец, во всём ищущий равновесие, Освальд сделал выбор в пользу музыки, способной украсить времяпрепровождение в салоне авто. Ловкие пальцы включили плеер, на память нашли нужный трек, и тотчас заиграла известная всем «Clock's» нестареющей группы «Coldplay». А что ещё должен был выбрать англичанин?

Её мелодичное звучание, точно мерные капли летнего тёплого дождя, согревало сердце Освальда. Он мчался на «предельной скорости» впервые в своей жизни. Никаких преград и забот. Только цель впереди и чувство абсолютного счастья.

– «The lights go out and I can't be saved, tides that I tried to swim against», – он помнил весь текст наизусть, то была его любимая песня. – «Have brought me down upon my knees, oh, I beg, I beg and plead. Singin' come out of things un said, shoot an apple off my head. And a trouble that can't be named. A tiger's waiting to be tamed, singin'...»

Припев казался бесконечно простым, но в мыслях Освальда он говорил только о ней одной – об Изабелле Джордан.

– «You-u-u-u-u are... You-u-u-u-u are...»

Готовый навсегда связать свою жизнь с девушкой мечты, этот прожжённый романтик видел перед собой небеса, переливающиеся яркими красками, недоступными простым смертным. Лишь истинно влюблённый мог наблюдать их среди облаков – мягких, зазывающих в полёт мысли и тела, где каждый дюйм полон беззаботностью. Колт думал о семейной жизни и знал, что не хочет портить предвкушение глупостями наподобие мальчишника или последнего марш-броска. Оный этап не представлял никакой важности. Его можно было пропустить, ни о чём не жалея.

Приятный проигрыш «Clock's» сопровождал ход мысли, поддерживал улыбку на лице британца, погружённого в объятия гармонии со всем миром. До самого главного события в жизни оставалось совсем немного, и всё это время песня шла на повторе. Один раз, затем и два, и три... Стрелки часов замерли, довершись материи, память несущей. Сегодня её черёд распоряжаться судьбами. Сегодня её шанс.

Наконец добравшись до дома, Освальд вошёл через парадный вход на цыпочках. Судя по идеальной чистоте на кухне, его возлюбленная до сих пор не покидала постели. Намеренно или случайно, но она помогла плану жениха воплотиться в жизнь.

Чтобы набраться смелости, он осмотрел фотографии на подвесной полке в прихожей. Памятные изображения рассказывали о лучших моментах влюблённой пары. Первыми слева направо шли их приключения на горнолыжном курорте. Там старина Озз сломал ногу, катаясь на сноуборде, и не удержался сделать снимок, где он, лёжа на носилках медиков, улыбается в камеру, подняв большие пальцы вверх. Поначалу Изабелла переживала, однако шутиливый настрой её парня позволил избавиться от волнения. Так было всегда – он любое горе умудрялся разбавить радостью, находил плюсы даже среди тысяч минусов.

– Помню этот момент, – проговорил жених. – Наше прошлое, как карта. Её можно сжечь или потерять, но координаты сокровищ останутся навсегда. Ты моё сокровище, Иззи.

Следом за снежными приключениями полку украшали фотографии из аквапарка. Вооружившись водяным автоматом, Колт бегал за своей девушкой по всей территории и каждый раз, попадая в неё, выкрикивал, сколько очков он получил за выстрел. Их двоих тогда снимал Лайнел. Он поймал удачный кадр – пару великовозрастных весельчаков, похожих на озорных детей. В тот день они праздновали первую годовщину.

Правее на полке красовалось изображение со свадьбы лучшего друга Освальда, где наш британец произносил тост, целясь бутылкой шампанского в полоток во имя всеобщей безопасности. А дальше стояло главное фото в рамке – первая общая фотография Колта и Джордан.

Они сделали селфи зимой на набережной. Промёрзшая река позволила им устроить прогулку от берега до берега, не боясь провалиться под лёд. Этот день стал самым важным, ибо тогда Освальд признался Изабелле в любви. И именно тогда, незадолго до судьбоносных слов, она спросила его, как ему удаётся всегда улыбаться:

– *Как ты постоянно умудряешься улыбаться, Освальд?*

– *Это очень легко, моё солнышко. Просто слегка приподнимаешь уголки губ, немножко показываешь зубы и получаешь удовольствие. Ничего трудного. Только практика и очень много желания.*

Сейчас он планировал сделать следующий шаг. Идя вверх по лестнице, рассматривая другие не менее примечательные фотографии на стене, он мысленно подбирал слова, шаг за шагом становясь всё ближе к цели. Когда Колт открыл дверь в спальню, его избранница лежала на кровати с открытыми глазами, улыбаясь, без слов зазывая в свои объятия.

Она не знала, что должно случиться.

– Привет, моё солнышко, – сказал он, сев на колени рядом с кроватью.

– И тебе привет.

Иzzi подмигнула любимому. Она давно проснулась, но решила не покидать тёплую постель. Решила немного подождать Освальда. Уголки её прекрасных глаз выдавали еле заметные, выразительные морщинки. Это был тот случай, когда малые признаки неумолимого времени делали человека только краше – создавали запоминающийся образ на века.

– Как спалось?

– Хорошо. Я проснулась часов в десять, не нашла тебя и решила лечь обратно. Мне стало лучше. Тошноты вроде бы нет и аппетит появился. Но я не стала есть без тебя. Хочу позавтракать за столом, смотря в твои радостные глаза.

– Хех...

Он засмутился, прямо как на первом свидании. Лёгкий румянец на щеках выдавал его чувства, а дрожь в руках намекала на скрытые помыслы.

– Я очень рад, что тебе лучше. Это хорошая новость. Но не только у тебя есть чем похвастаться. У меня накопилось целых три хороших новости.

– Какая прелесть, – кокетливо заиграла Иззи, пробежавшись пальцами по руке возлюбленного. – Ну, давай... Выкладывай.

– Первая новость насчёт папы: он ничем не болеет. Врачи всё напутали с его диагнозом. А точнее, с его наличием... Папа позвонил мне утром и всё рассказал. Я знаю, когда он мне врёт, и это была чистая правда. К тому же он не стал бы ничего выдумывать про здоровье. Он не из тех, кто успокаивает просто так, чтобы потянуть время.

– А я тебе говорила, – не удивилась Джордан, легонько стукнув Оззи по плечу. – С такими диагнозами люди не выглядят, как гладиаторы. Твой папаша может хоть сейчас снести здание головой и ничего не почувствовать. Я с самого начала была уверена, что он в полном порядке. Я не знала, что всё будет настолько просто, но... тем не менее.

– Когда увидимся с ним, надо будет обсудить детали. Я хочу понять, как врачи допустили такую ошибку. Мама наверняка подаст на них в суд за моральный ущерб, но... Это не главное сейчас. Лучше перейти ко второй новости. Ты помнишь идею Гарри вложиться в предприятие Майдаса?

– Да, помню. Ты вложил миллион.

– И заработал три миллиона сверху. Завтра они придут на мой счёт.

Актёрски опутивший взгляд к полу, Освальд невнятно протараторил последнее, но Изабелла успела разобрать слова. Её спутник жизни умел зарабатывать хорошие деньги, и удивляться суммам с шестью нулями в семействе Колтов было не принято. Однако никому, даже Лайнелу, ранее не удавалось заработать три миллиона с такой простотой и поразительной скоростью. Это впечатляло.

– Ты что, серьёзно?! Три миллиона?! Сразу?! Вот так, по щелчку пальцев?!

– Да, не считая налогов, – ответил он с улыбкой разведя руками. – Гарри оказался прав, как и всегда. Утром он неожиданно дёрнул меня на биржу, и, когда мне пришло смс-уведомление, я понял, что не зря туда приехал. Нам не придётся ждать перерасчётов. Получим всё завтра.

– Это просто замечательно, Оззи!

Молнией подскочив на кровати, она обняла его, прильнув к шее губами. Хватка постепенно набирала мощь, а тепло от нежных поцелуев наполняло Освальда новыми силами сообщить последнюю, заветную новость-просьбу, сцену которой он представлял десятки, а может быть, даже сотни раз.

– Какая третья новость? – не унималась батарейка Иззи. – Чего такого ещё могло произойти? Ты научился летать, как супермен? У тебя теперь лазеры из глаз? Ты открыл тайну бессмертия?

– Не-е-е-ет... Какое ещё бессмертие? Я купил кольцо.

Без невыносимых промедлений, без наигранных интонаций или взглядов, полнящихся дополнительными театральными нотками, он вытащил из кармана шкатулку и, открыв её, продемонстрировал даме сердца сокровище с ярким сапфиром, о котором та давно мечтала. Освальд Колт принял несвойственный серьёзный вид, посмотрел Изабелле в глаза и проговорил чётко, с мужеством и решимостью в каждом слоге:

– Изабелла Джордан, окажешь ли ты мне честь? Сделаешь ли меня счастливейшим человеком во всём мире, выйдя за меня замуж?

И она утратила дар речи... Изабелла не верила, что её любимый запомнил столь незначительный момент, кой мог показаться шуткой или прихотью, и нашёл выбранное ею кольцо спустя целый год. Девушке думалось, то была её минутная слабость, не более. Но только не для него. Внимательный британец запомнил жесты, интонации и взгляд возлюбленной, дабы стать свидетелем их появления ещё один раз, когда он услышит краткое, но бесконечно восхитительное:

– Да. Я выйду за тебя.

Так клятвенная печать заняла законное место, и влюблённые подарили друг другу поцелуй истинной страсти. Освальд думал, нет способа лучше закончить оную страницу жизни, однако Изабелла видела её финал иначе. Она, не нарушив гармонию прикосновений, отпрянула от любимого и глядя ему в глаза полушёпотом поделилась вестью номер четыре:

– А у меня тоже есть одна новость. Я поняла, почему мне нездоровится в последнее время. Я вчера под шумок сходила в аптеку и взяла тест. У нас с тобой будет ребёнок. Наш маленький Оззи-младший.

– Ре... – замямлил будущий отец от волнения и начал быстро моргать. – Ре... Ре... Ребёнок?

– Да. Это так называется. Я очень надеюсь, будет мальчик. Только на двадцатой неделе будет точно известно. Это я в интернете прочитала. У меня вся история браузера в запросах про детей. Так неловко... Я не хотела тебе говорить вечером, потому что думала, ты не уснёшь. Выходит, не у меня одной были планы. Мой жених собрался рано утром и поехал за кольцом. Вот это милота...

– Ага... – заворожённо проговорил он. – У меня настоящий ребёнок? Вау... Вау... У меня будет ребёнок? Мой ребёнок...

– Если хочешь, можешь покричать.

Два раза просить не пришлось. С разрешения будущей миссис Колт он подскочил на ноги, расставил их на ширину плеч и завопил на весь дом:

– У меня будет ребёно-о-о-о-о-о-ок! Я отец! Да-да-да! Я отец! Да-да-да-да-да! Я отец! Я отец! Боже! Это самый лучший день в жизни! Всё, что я только хотел, сбылось! Всё сбылось! Стой...

И он сам остановил себя с физиономией «нежелательного оргазма», когда тебе вроде и хорошо и неловко одновременно, зависнув на полуслове.

– А если родится девочка, то как мы её назовём?!

– Не знаю, – сходу ответила Иззи, пожав плечами. – Существует полно хороших девчачьих имён. Там есть из чего выбрать. Но если родится мальчик, я точно назову его в твою честь. Мне безумно нравится, как звучит «Оззи-младший».

– А я безумно люблю тебя, моё солнышко!

Британец снова сел рядом с кроватью.

– И я...

На миг он позабыл слова.

– Я хочу тебя!

Разгорячённый Освальд Колт поцеловал свою женщину в трепещущие от страсти губы. Одним движением сильных рук он разорвал её сорочку и забрался в постель, наблюдая огонь влечения в глазах Изабеллы. Она целовала его шею, не сдерживая стоны, рвущиеся наружу раньше времени. Занимаясь любовью, оба они думали о пламени этого особого дня, принёсшего им ключи от врат эдема, где райское существование вели достойные и удачливые, добрые и честные. Освальд чувствовал ярость удовольствия, пульсирующую в пальцах любимой. Как она крепко держала его, как вздрагивала от каждого движения, требуя ещё.

Она просила не останавливаться.

И именно тогда, в тот отблеск треволнения, Колт осознал всё произошедшее с ним. Он понял, что Лайнел продолжит вести сына по пути чести, поддерживая его во всех светлых начинаниях. Понял, что деньги, заработанные на предприятии Майдаса помогут сыграть пышную свадьбу, где каждая деталь будет на своём месте. На празднестве соберутся все друзья, знакомые и даже дальние родственники, гордые за молодую пару и радующиеся вместе с ней. Освальд понял, что приложит все усилия и станет лучшим отцом в мире. Он воспитает дитя в любви и понимании, как воспитывали и его самого. Он будет радовать Изабеллу каждый день и заставит её лишней убедиться, что она выбрала достойнейшего из достойнейших. Освальд Майкл Колт понял всё...

И заплатил за эту непомерную цену.

– У нас что, кондиционер опять сломался? – спросил британец, ощутив резкое похолодание. По всему его телу прошла инистая волна – каждый выдох оборачивался клубком пара, затмевающего взор своей белизной.

– Иззи, тебе не холодно? У меня всё тело продрогло! Давай-ка выключим его.

Он через острую боль в каждом миллиметре тела, отпрянул от её шеи, кою успел покрыть десятками страстных поцелуев, и увидел прямо перед собой... остекленевший, невыносимый и пробирающий до костей взгляд, в котором больше не было места искре истинного чувства. Застывшие вне времени зеркала души Изабеллы не выражали ничего. Она, его любимая и единственная, замерла – стала похожа на безжизненную инсталляцию чьих-то разбитых надежд.

– Милая? – простонал Оззвальд, как малое дитя с титаническим трудом управляясь с непослушным голосом. – Моё солнышко? Ты чего замолчала? Эй... Иззи... Ну же, ответь мне. Ты чего? Ты меня пугаешь...

Она ничего не говорила. Не шевелилась, не дышала.

И когда он отважился прикоснуться к её побледневшему лику, оно вдруг пустилось трещиной, точно паутина теней, разложившаяся на бесчисленные ответвления. Её хрупкая кожа, промёрзшие истончившиеся мускулы и ломкие кости... Они разрушались у него прямо на

глазах. Этот объятый льдом кристалл в форме девушки, лежавший на руках Озвальда Колда неторопливо обернулся тысячей крошечных осколков, отправив все его мечты на ту сторону бытия. Вот так просто не стало той, которую он любил всем сердцем. Той, к которой он испытывал истинное чувство.

Одна прихоть шестиугольной бабочки, и всему конец.

Испустив изо рта последнее облако пара, охваченный инеем Озвальд Колд увидел, как всё вокруг него покрывается прожорливой коркой льда. Как кровать раскалывается на куски словно стеклянная скульптура, не выдержавшая собственного веса. Как стены расслаиваются, а потолки готовятся рухнуть на пол и разбиться вдребезги. Но айсберг всё равно не двигался с места. Он продолжал смотреть на осколки у себя на руках, в попытке узнать среди них её взгляд. Хотя бы на мгновение уловить ту, которая исчезла. Увидеть её! Запомнить её! Чтобы не потеряться во тьме.

Отдаваясь на милость холоду, захватывавшему каждый дюйм его тела, низводящему бие-ние сердца до редких покалываний в районе груди, Озвальд Колд осознал, что больше не видит разницу между радостью и грустью. Он не мог даже приблизительно описать их – эти ощущения и чувства напоминали ему наброски художника, кой сам ещё не до конца понял, что хочет изобразить на холсте. Так пустота в её едином аморфном пребывании захватила человека с ослепительно белой кожей.

Вопросы у него вызывал разве что привкус боли. Точнее, его полное отсутствие. Лишь нечто, по консистенции напоминавшее пыль, оседало в горле Колда. Он выпрямился, оставив позади напоминание о любви, и, приклонив голову, покинул комнату. Озвальд зашагал вниз по лестнице, в знак прощания проводя рукой по стенам с фотографиями. В след за ними они покрывались инеем и теряли краски – с громким хлопком разбивающегося стекла вываливались из-за рамок и на полпути к земле превращались в ничто, покуда потолок осколками, черепицей и снегом рушился поодаль его поступи.

Он не стал брать с собой на память кольцо. Он оставил его вместе с ней, не чувствуя ничего, кроме множества вопросов, роим пчёл осаждавших сознание. В чём крылся смысл того дня? Любовь была и так быстро исчезла. Прямо как дождь, что плачем небес приносил с собой новую жизнь.

Обновлённый Озвальд встал на пороге и потеряно огляделся по сторонам. Айсберг вновь посмотрел на памятные фотографии – запечатлённые и самые приятные отрезки жизни с Изабеллой. Даже их морозная стихия не намеревалась жалеть. Когда хлад подобрался к снимку, сделанному на набережной, где двое влюблённых крепко стояли на поверхности промёрзшей реки, Колд осторожно положил фото лицом вниз, дабы во второй раз не видеть, как трещины покрывают лицо его драгоценной Иззи.

Попрощавшись с ней, он распахнул входную дверь, шагнул за порог и столкнулся со слепящими лучами солнечного света. В тот момент единения с тишиной Озвальд понял очевидное: лучи направлены на каждого. На любимых и любящих. На поражённых гулким страхом и на внушающих его пределы. На сильных и слабых, на одарённых и обделённых божественной милостью. Даже на него. Быть может, свет... Новый Свет мог дать ответ на вопрос? Почему улыбка стала брешью в памяти?

И вот, третьего октября 2033 года, Офицер, устроившись в кресле, вспомнил тот день, когда капризная метка-гамма дала ему свой обратный эффект. Испытав пик позитивных эмоций, Освальд Колт лишился буквально их всех и стал Озвальдом Колдом – опечаткой системы. Он потерял личность, чувства и понимание конечной цели. Только вовремя возникшая на его пути inferнальная организация дала повелителю мороза стимул к существованию: обещание идеального Санкториума и возвращение способности испытывать человеческие эмоции.

Женевьева Талос уверяла, что найдёт верный метод. День за днём, месяц за месяцем и год за годом она умело откладывала момент исполнения обязательств на потом.

Но теперь это не имело значения... Касание Анны-Мари пробудило эхо внутри холодного альбиноса. Он смог почувствовать тягу к жизни в её пламенных объятиях, а значит, долгожданный финал был уже близко. Сидя перед белой стеной, Озвальд думал, какой шаг ему предпринять. Как обыграть свою партию и почувствовать снова? И снова. И снова, и снова! Это цикл привлекал и служил штандартом грядущей битвы!

Тогда Колд вспомнил меня – Мэттью Саммерса. На ум британцу пришли идеи о долгой вдумчивой беседе, где он сможет объяснить свою позицию и принести искренние извинения за боль и утраты Детей Санриз. Однако спешить ему было нельзя...

И Колд встал с насиженного места.

Он метнулся на кухню, распахнул стенной шкаф и осмотрел его содержимое. Эти чёртовы баночки с питательной смесью! Яблоко, персик, злаки! Они стояли не по алфавиту! Не сочетались цветами и названиями друг с другом! И Офицер переставил их так, как ему больше ПРАВИЛОСЬ! Он закрыл дверцу! И вновь открыл её, чтобы убедиться, правильно ли он всё сделал!

Да... Правильно. Даже красиво... Он увидел в простой, ничем не примечательной обстановке особые детали. Маленькие, но бесконечно значимые. Воодушевившись их прикрасами, Озвальд Майкл Колд не захотел останавливаться. Сам... Его никто об это не просил. Окинув сапфировым взглядом обеденный стол, альбинос понял, что его не устраивает, как стоят стулья. Они были установлены ровно, соприкасаясь друг с другом. Но спустя минуту, неоспоримым решением своего хозяина они встали вразнобой и теперь соприкасались только уголками – как на фотографиях из светских журналов, где кухонному интерьеру посвящают полноценные статьи со множеством примеров.

Однако требовалось ещё что-то для полноты картины. Колд налил воду в графин из-под крана и запустил в неё несколько кубиков льда. Не для освежающего эффекта, а чтобы посмотреть, как они будут там плавать... Врезаясь друг в друга, оставляя на стенках графина тонкий след, исчезающий за какую-нибудь секунду. В тот знаменательный момент Озвальд понял невероятное по его меркам – ему чертовски захотелось холодного чая. Ибо после касания Леди Пламя привкус пыли, осевший на горле, точно паразит, пропал.

И больше ему не могли позволить вернуться. Его время вышло.

Конец записи 57

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведёт: Карсон Смит.

К: Всеу своё время...

М: Это вы к чему?

К: Я про Озвальда. На протяжении трёх книг он был второстепенным персонажем и мало влиял на продвижение истории. Майлз и Денис успели внести большой вклад, Ферзь два раза подряд победила Таннели в бою, Полярис постоянно устраивал проблемы и вносил в повествование толику загадочности, а Король... Он играл и играет роль главного антагониста.

М: Вы говорите о моей жизни как о каком-то сериале.

К: Возможно... Но так мне проще объяснить, что я начал чувствовать по отношению к Колду. Он раскрывается, становится важным элементом пазла. И я сразу вспоминаю ваши слова о значимости каждого слова в этой истории. Вы мне не соврали.

М: Обманывать – значит противоречить себе. Завтра мы поговорим о Таннели и Джеффри. Последний раз, когда мы их видели, они познакомились с женщиной по имени Кэтгар. Пора вернуться в Возродившийся Детройт и обрубить оставшиеся хвосты перед тем, как история сделает глобальную перебалансировку.

К: Тогда до завтра, мистер Саммерс. С нетерпением жду нашей встречи.

М: Я тоже, мистер Смит. Без вас мне чертовски скучно живётся в этой норе.

Глава 47.1. Конец иллюзий

Джеффри Палмер, Гаррет Дэниэлс и Таннели Саат.

03.10.2033.

02:35 a.m. Возродившийся Детройт, южный сектор.

Едва солнцезащитные очки покинули своё место, как её голубые глаза заворожили Детей Санриз. Они не верили в происходящее. Госпожа Зеркал, сделав неосторожный шаг назад, чуть было не утратила равновесие. Её вовремя подхватил Седрик – единственный человек в помещении, который не понимал, чему удивились остальные. Относительно его ракурса, Саат и Грин будто собирали небрежную картинку здравого смысла, откуда Джеффри смело выходил вперёд. Мой лучший друг внимательно осмотрел женщину по имени Кэтгар с ног до головы и обратился к ней через ментальные каналы, зная, что грубая матушка Гаррета непременно всё услышит:

– *Вы мама Мэтта? Настоящая?*

– Вы весьма сообразительны, мистер Палмер. Да, я мать Гордона, и я вас прекрасно слышу. Так же, как и мои сыновья. Тут скорее я обязана им, чем они мне.

– Слышите? Сыновья? – не выдержала Таннели и резво поравнялась с Неубиваемым Человеком.

Катана на поясе воительницы готовилась вырваться из ножен и одним мастерским ударом окрасить стены багрянцем. Слишком много вопросов витало в воздухе, и насилие казалось ответом на все.

– Я ничего не понимаю! Хватит строить из себя таинственную особу! Объясните!

– А вы, посмотрю, всё-таки умеете злиться...

Выдав ехидную улыбку, Кэтгар встала с кресла и подчёркнуто, не оглядываясь на ожидающих, подошла к старому комоду, где в верхней полке хранились десятки нераспакованных пачек сигарет. Самых разных и на любой вкус и цвет, любой ценовой политики. Коричневая пачка «Кэмэл», рядом с ней «Аксилерейтс» в синей упаковке с изображением золотого пистолета с маленьком огоньком на кончике дула, фирменные сигареты прямиком из табачного магазина Санриз Сити под названием «Оберон» – ярко-красная пачка с чёрным пауком, спускающимся на паутине, и ещё много-много всякой всячины. Эта женщина коллекционировала «кислородные палочки». Так она их называла.

– Не могу жить без кислородных палочек... Покурила дешёвые, теперь хочу дорогие.

Конечно же это были «Оберон». К ним прилагались брендированные спички. Чиркнув о коробок один раз, мать Дэниэлса опалила сигарету и, вдохнув дары никотина, выдала всё как есть:

– Меня зовут Меган Кэтгар. Мэттью Гордон Саммерс – мой родной сын. Мне пришлось передать его в руки другой семьи, чтобы уберечь от неадекватного папаши – Дариуса Вентделла Кроу – и вашего главного противника – Короля «Нового Света». Эта милая мордашка, которая рядом со мной и ухмыляется, – младший сводный брат Гордона по имени Гаррет. Как вы догадались, мне повезло со вторым мужем... Он не грезил мировым господством, мало пил и не курил. А значит, не стрелял у меня сигареты. Вопросы есть?

– Конечно, – отважилась выступить Нита, со скрещёнными на груди руками встав возле хмурающейся Таннели. – У меня есть... Боже, как их много...

Грин немного потерялась, и причина этому – вездесущие настольные лампы, установленные на письменном столе в дальнем углу помещения, на деревянных тумбах и полках, припаянных к металлическим стенам. Дополнительные источники света придавали обиталищу Кэтгар фантазмагоричный объём. Путникам Бездны казалось, они угодили в офис отдела «Секретных

Материалов», где обаятельная житейская несобранность Фокса Малдера соседствовала с его обстоятельным подходом к работе. Среди осветителей не было ни одного одинакового. Все разных форм, цветов и размеров. Даже фирмы-производители отличались. Ни у кого из гостей не хватало смелости спросить, для чего все эти лампы. В ту минуту онный вопрос мог порушить хрупкие столпы гостеприимства. Если это слово вообще применимо к грубиянке Кэтгар.

– Вас смутили лампы, Грин? – спросила она, посмотрев на индианку исподлобья.

– Немного... У меня есть уточняющий вопрос. Вы сказали: «Я вас прекрасно слышу, так же, как и мои сыновья». Выходит, мистер Дэниэлс слышал Джеффа всё это время?

– Да!

Бан по-хозяйски уселся на место матери. Ему явно нравилось быть в центре внимания, и он, дабы соответствовать образу Меган и ни в чём ей не уступать, вытащил из кармана карамельную тянучку и положил её в рот, точно сигарету. Глаза у парнишки закатились, как от притока никотина.

– Уфф... Хорошо пошло. Я не мог вам сразу об этом сказать. Ляпни я лишнего, вы бы забросали меня вопросами по дороге, а я не самый аккуратный водила.

В схожих ситуациях фрукты с мышлением, как у нашего душевного блогера, обычно думают, что шутки помогут им разрядить обстановку. Мир вокруг методично разваливается на кусочки, хорошие ребята умирают... Почему бы не выдать какую-нибудь хохму? Так думал мой брат и, увы, совсем зря. Присмотрев скованность движений и смятение в глазах собеседников, он понял, что перед ним не бесстрашные воины, устойчивые к любым ударам судьбы, а просто... люди. Ломкие, нуждающиеся в помощи.

– Боже, да не стойте вы, как истуканы... Не такие мы и страшные.

– Они нас не боятся, сын. Они просто в шоке.

– Это мягко сказано, – выдохнул Седрик. – Такой Таннели Сат я даже в окружении монстров не видел.

И ДэнниБою было не уютно. Человек-легенда для себя решил: семейные дразги его не касаются. На время беседы личного характера он покинул комнату вместе со Снуппи, кивком дав Госпоже Зеркал понять, что их смертоносная парочка будет неподалёку в случае чего. Таннели не стала возражать. В ту минуту её интересовали лишь Кэтгар и Джефффри, всё ближе подбиравшиеся к голубоглазой фурии, навряд ли зверя, готового к смертоносному броску. Мой друг сфокусировался на Меган, отслеживая каждое её движение и стараясь не думать о чём-то конкретном, ведь мысли могли быть прочитаны его новыми знакомыми.

– Чего так уши наострили, мистер Палмер?

– *Хочу понять, что у вас общего в характерах. Пока я ничего не вижу. Мэтт на вас совсем не похож.*

– Конечно же, не похож, – проговорила она с безразличностью. – Он почти точная копия папаши. Они и внешне похожи – отличаются только цветом глаз и мелкими деталями. Именно по глазам вы просекли, кто я. Это наша особенность. Гаррет не унаследовал её в полной мере. В его случае отцовские гены перекрыли мои. Когда видишь такой цвет глаз впервые, ничего особенного не замечаешь. Но если сталкиваешься несколько раз, понимаешь, что таких совпадений не бывает.

И мой друг ещё немного приблизился к Меган.

– *Какая невероятная глубина! Это не просто голубой... Этот цвет тебя пожирал изнутри... Тебе кажется, таких глаз у простых смертных не может быть. В них видны маленькие звёзды. Эти глаза, как портал в иное измерение!*

– Красиво говорите, мистер Палмер. Жалко, вас другие не слышат.

– Мама хотела сказать, что мой брат и она разные люди, – Дэниэлс вклинился в диалог, как только вытащил остатки карамели из зубов. – У них мышление отличается. Вы ничего общего между ними не найдёте, но в отличие от Дариуса моя мама хочет помогать людям, а

не вредить им. Я пару раз видел архивные видеозаписи с Королём, и это просто поразительно, как они с Мэттом похожи. У них одинаковая логика, пристрастия... Они как клоны.

– А откуда вам так много известно о мистере Саммерсе? – спросила Грин, выживая самое главное из слов болтливового блогера.

– Самая интересная часть...

Бан подскочил с места, хлопнув в ладоши.

– Я почти три года думал, как это сказать. В общем... Мы с мамой следили за Мэттом, и у нас есть секрет.

– Какой секрет? – не унималась Нита. – Мы в бункере. Что может быть секретнее?

– То, что это мы с мамой подослали мужика, который подстрелил Джеффа?

– Что?!

Таннели схватилась за Кибо-Нимитта с чётким намерением использовать его по назначению, однако крепкая рука реинкарнирующей индианки остановила её до того, как лезвие показалось из ножен. Дрожь сопротивления возникла между девушками.

– Почему ты...

– Потому что не стоит размахивать оружием перед лицом спасителей, – ответила непоколебимая Грин, пронзая Меган и её сына взглядом тихой ярости. – Продолжайте...

– Фуф, – выдохнул Дэниэлс. – Моя голова всё ещё на месте. Мы знали, что мой брат отмеченный и ради его защиты хотели активировать его метку пораньше. Гибель лучшего друга была самым подходящим триггером. Нам не нравилась эта идея, но альтернатив не нашлось. Было слишком мало времени. Уже тогда «Новый Свет» вёл работу в Нью-Йорке, и мы решили пойти ва-банк. Мы нашли одного отсидевшего наркомана, и моя мама его обработала, как она умеет.

Последнее заставило Кэтгар прыснуть смешком, но не прервать рассказ сына.

– И мы послали его за Джеффом и Мэттом. Я наблюдал со стороны и в свою защиту скажу, что мне было паршиво... Я чувствовал себя предателем, но одновременно принимал вес этого события. Потом выяснилось, что Палмер отмеченный и вообще не может умереть. Нам пришлось переиграть наш план. Мы подумали: раз уж сама жизнь распорядилась так и не иначе, мы будем просто наблюдать. Мы не станем влезать в линию времени Мэтта до тех пор, пока ему не будет угрожать реальная опасность. Нам повезло... Брайан забрал вас в Санриз подальше от неприятностей. Там мы продолжили наблюдение, и в один день всё сломалось... Я видел, как погибали ваши друзья, но, увы, даже это не стало веской причиной менять линию времени Мэтта.

Тут Дэниэлс призвал карманные часы. Они возникли у него на ладони, как по волшебству, и он протянул их вперёд, смотря на застывший циферблат.

– Они ходят, только когда должно случиться нечто непоправимое. В момент гибели Теда Бойла, Питера Джилленгтона и Елены Райс их стрелки не двигались.

– Какие ещё стрелки?! – взорвалась Таннели, вырвавшись из хватки Ниты. – Вы позволили убить хороших людей! У вас был шанс помешать их смерти, а вы им не воспользовались! Господи! Родная мать не чета приёмной!

– Я понимаю, какова ситуация с вашей точки зрения, однако, активировав Джеффри, мы с Гарретом и так наломали дров. Мы не могли спасти ваших друзей. Гордон должен был раскрыть свой потенциал путём жутких жизненных потрясений, милочка, и он это сделал.

Речи Кэтгар подливали масло в огонь. Саат уважала Ниту и не могла послушаться её наказа и пустить в ход оружие. Но индианка ничего не сказала о кулаках, и моя названная сестра мысленно представила, как набрасывается с ними на Меган. Вот и пальцы приняли позицию, вот и лик прекрасной турчанки окрасила решимость.

Но в последний момент её остановил Неубиваемый Человек, перегородив дорогу.

– Что ты делаешь? Ты на стороне этого чудовища?

– Она не чудовище, – слова Палмера передавал Дэниэлс, повторяя за ним. – Учитель сказал в своём письме: напрасных жертв не бывает. Он был прав. Меган и Гаррет отпустили нас в путешествие с Брайаном, потому что знали, что там нам будет безопаснее. Они всё равно и там за нами наблюдали, потому как понимали, что этот рай не вечен, что рано или поздно Мэтту придётся стать тем, кем он должен стать. Я вижу в глазах этих двоих печаль и сожаление. Они хотели бы всё изменить. Но прошлое нельзя переделать. Здесь и сейчас мы должны бороться за будущее. И теперь мы говорим друг другу правду. Никакой лжи. Конец иллюзий.

– Он правда это сказал? – спросила Таннели, немного успокоившись.

– Да. Я всё передал слово в слово. Когтистый не даст соврать.

Последовал ещё один тяжёлый выдох, ещё один тяжёлый день для Госпожи Зеркал.

– Я вас поняла. Буду держать себя в руках. А ты... Ты стал ещё мудрее, Джеффри.

– Это мягко сказано, – с радостью согласилась Грин. – Молодчина, Палмер. Это были слова истинного бессмертного, гордо несущего свой крест. Так в чём же состоит наша задача? Вы похожи на людей, у которых есть план. Выкладывайте.

И Кэтгар подмигнула сыну, улыбаясь во весь рот, подначивая. Чего парень не ожидал:

– Мне говорить?! Ты серьёзно? Я думал, будешь ты.

– Нет, это твоя задача, сын. Я буду только изредка поправлять, если понадобится.

По-хозяйски усевшись в кресло с очередной сигаретой в зубах, голубоглазая фурия положила ногу на ногу и дождалась, пока её гости рассядутся по местам. Даже Праудстара и Снуппи позвали на собрание, ибо телохранители должны были присутствовать во время ответственного обсуждения. Когда Седрик, хоть и с кислой миной, всё же облокотился на спинку деревянного стула, Гаррет с энтузиазмом, излишней жестикуляцией и огоньком в глазах принялся разжёвывать самое важное, как оголтелый профессор в штанах не по размеру, расхаживающий из стороны в сторону:

– Мэтт похож на Дариуса, и это наша проблема. Мой брат как бы балансирует между суперзлодеем и супергероем. Он получил способности, и я готов жопу поставить на кон, что он пойдёт вразнос. Может быть, уже пошёл. Силы станут для него наркотиком – постепенно у моего брата начнёт ехать крыша.

– Это не тот Мэтт, которого я знаю, – без промедления возразила Таннели.

– Совершенно верно. Это совсем не тот Мэтт... Обновлённый Саммерс будет мстить за Елену и перевернёт весь «Новый Свет» вверх дном.

– А чего в этом плохого? – спросил Седрик.

Снуппи, лежавший у него в ногах, поддержал хозяина кивком, прямо как человек.

– В «Новом Свете» много опасных разработок.

– Спасибо, мамуль. В этом суть. Мой братец может ненароком устроить какую-нибудь катастрофу. Надо уничтожать точки выборочно и конкретными способами. А не сминать их, как кал... Простите... Я очень люблю шутить про говно. Короче...

Дэниэлс принял серьёзный вид, схватившись за подбородок трясущейся от переполняемой энергии рукой.

– Задача такова: необходимо найти моего заплутавшего братца и сразу после собрать всю нашу боевую компашку. Следующим шагом значится бой с Королём. Надо выгнать его из Детройта на хрен! Без руководителя здешние говноеды быстро разойдутся. Некоторые свалят из города, а некоторые станут работать на банды.

– Где мы найдём Короля? – в самую суть указал ДэнниБой.

– У Дариуса есть штаб-квартира в Детройте. Нанесём удар по ней.

– Мой сын немного приуменьшил. Всё не так просто...

Чтобы потомить гостей, Кэтгар сделала долгую затяжку и пояснила:

– Штаб-квартира Дариуса охраняется силами организации, и только вместе с Гордоном мы сможем её смести. Способности моего сына разрушительны и полезны. Под чутким руководством, разумеется... Если вы дадите мне возможность его направить, мы получим ультимативного союзника. Но если мы будем мешкать и дадим Дариусу запудрить ему мозги, получим злейшего врага.

– *А с чего это вы взяли, что моему другу так легко запудрить мозги? Он не какой-нибудь бойскаут. Он настоящий боец!*

Каждое слово Джеффри было произнесено Гарретом как переводчиком, и Таннели вместе с Нитой, Седриком и Снуппи были с ними абсолютно согласны.

Однако фурия Кэтгар... едва ли.

– Во многом вы правы, мистер Палмер, но вам неизвестно, что мой бывший муж умеет влиять на сознание человека. По моим данным, у него не одна способность в запасе, а как минимум две.

– Две?! *Откуда?*

– Так же, как и у Гордона, у него есть байкерская перчатка. У моего сына – левая, а у Дариуса – правая. Этот... «своеобразный артефакт» даёт обладателю возможность красть чужие способности. На одну перчатку пять штук.

– *Чего? Чего? Я не ослышался? У Мэтта может быть пять эффектов метки?*

– Только у Дариуса может быть пять перманентных эффектов, – притормозила Меган. – Мы с Гарретом не знаем, собрал ли он их все или ещё нет. Гордону досталась слабая версия перчатки. Она только заимствует способность на время, а потом та возвращается к прежнему владельцу. Но в отличие от перчатки Дариуса, которая даёт сделать выбор лишь пять раз, перчатка Гордона в попытках не ограничена.

– Перчатки пропитаны слезами Абсолюта? – с прищуром спросила Нита и привлекла к себе всеобщее внимание.

Саат и прикусивший усы Палмер пялились на неё с округлившимися глазами, а Седрик сидел на стуле с застывшей физиономией, где среди обманчивой пустоты читалось: «Господи, куда я попал? О чём они вообще говорят? И с каких пор сюжеты комиксов стали адекватнее реальной жизни?» Только сопевший себе под нос Снуппи сохранял спокойствие. Как ни в чём не бывало он старательно вылизывал правую переднюю лапу, причмокивая, издавая потешные звуки, напоминавшие приглушённое рычание. Из сказанного Пёс понял всё до последнего слова, но в отличие от двуногих у него были свои стандарты нормального и приемлемого.

– Вы правы, госпожа Грин.

Добрый кивок от Кэтгар был чем-то невообразимым.

– Если бы вы только видели выражение лица Дариуса, когда он притащил их домой. Он не был так счастлив даже в день нашей свадьбы. Хотя... Я не могу его за это винить... Для мужчины свадьба – это медленнодействующий яд. Что до фактов, то слёз Абсолюта хватило на полную зарядку только одной перчатки. Поэтому возможности Гордона ограничены по времени.

– И что за способность у Короля? – Грин напомнила о первоначальной теме.

– Управление человеческим сознанием. Дариус может заставить почти любого человека думать так, как он захочет и о чём захочет. Он может внушить тебе идеи, которые ещё вчера казались чудовищными, может стереть память или свести тебя с ума. Для этого Дариусу необходимо сломить твою волю, и для каждой новой жертвы он выдумывает новые методы. О наличии у него этой способности знаем только я и Гаррет. Ну, может быть, ещё его теперешняя жена...

– Во всём «Новом Свете» никто ни сном ни духом, – присоединился Гаррет, ибо его мать достаточно владела словом. – Поэтому Дариусу всё так легко даётся. В организации над ним

есть вышестоящее руководство. Я вам сейчас мозги вынесу, но одна из них сама Брингильда Дарк'Сан.

– О-о-о господи... – запричитала Саат. – Когда можно будет сказать перебор?

– Никогда. Руководителей пятеро. Эти говноеды думают, что они самые главные, но они ошибаются.

– И как же тогда справиться с Королём? – ДэнниБой встал на ноги, раскинув руки в стороны. – Если он так силён, каковы шансы? Десять процентов? Я до сих пор не услышал план, а Сат не даст соврать – я люблю конкретику.

– У всех есть слабости и ограничения.

Бывалый блогер по кличке Бан был готов ко всему:

– Чтобы стереть память, Королю нужен физический контакт. Он должен коснуться тебя. Если ты простой человек и испытываешь перед ним страх, Дариус тебя сразу уработает. Но если ты закалённый боец, ему придётся забрать тебя в своё карманное измерение и сразиться с тобой. Этот приём работает как ментальная ловушка. Если дашь её захлопнуть: растеряешься, начнёшь паниковать ипустишь его в свою голову, тебе как. Но если ты встанешь на своём, будешь драться, как зверюга, и не дашь ему ключи от... твоих ментальных дверей, у тебя будет шанс. Вот наш план: сын против отца. Битва умов.

Пусть идея Дэниэlsa и была понятна, от мыслей о её исполнении у Таннели заболела голова. Схватившись за неё обеими руками, она стиснула зубы и издала протяжный стон. Такого перегруза информацией Госпожа Зеркал не получала даже не лекции Харви об отмененных.

– Слежка, волшебные перчатки и ещё карманные измерения. Почему всё становится сложнее, когда должно становиться проще?

– Жизнь всегда становится хреновее перед тем, как наладиться. Поэтому я припас приятную новость напоследок. Мам... Можно барабанную дробь?

– Тебе «Pall Mall-ом» или «Camel-ом»³?

– Мама-мама... Опять твои сигаретные шуточки! Короче! Если Мэтт на время заберёт силу контроля разума у Короля, он сможет вернуть Джеффа в родное тело!

– Да ладно!?! – промыслил Джефф.

– Да ладно?! – оторопела Таннели.

– Да ладно? – выпалил Седрик, сам того не поняв.

– Прохладно! – закончил за всех Бан. – Хватит на меня так смотреть! Я не прикалываюсь! Вот вам ориентиры – прогнать Короля из Детройта и вернуть Палмеру его нормальную жизнь. Мэтт переместит его сознание из тела пумы в тело человека. Это необходимо сделать, потому что без Джеффа мой брат с катушек съедет! У него должен быть стимул сражаться против отца! Иначе мы проиграем...

Засим воодушевлённый и расставивший все точки над «и» Гаррет Дэниэлс обратил взор на мать. Меган заранее знала, что он хочет у неё спросить и опередила события:

– Поезжай за ним. Я присмотрю за твоими друзьями.

– Может это имел в виду Блэк, – пробубнила Таннели, чувствуя, как встревоженный Снуппи прижимается к её ногам. – Тогда, в Зале зеркал он сказал, что Джеффри можно спасти. Куда ты собрался, Гаррет?

– Я поеду за Мэттом. Я знаю, где он.

– И где? – не унималась Саат.

– В Чикаго. Я могу чувствовать его на расстоянии. Это наша братская связь, которую ему ещё только предстоит почувствовать. Так я и следил за вами почти три года. Сейчас все мои сторонние дела в Детройте закончены. Вы уже здесь, Весткотт наверняка найдёт нас с

¹ Знаменитые марки сигарет.

помощью чудо-бабочки. Осталось привести сюда самого главного члена команды, и я с вашего позволения отправляюсь.

– А мне с тобой можно?

Неубиваемый Человек всматривался в глаза Гаррета, рассчитывая получить однозначное «Да». Оно могло дать моему другу надежду на светлое завтра, рассеять туман сомнений и вдохнуть полной грудью, в отрыве от деталей и многозначительных мелочей. Палмер верил в положительный ответ, но получил лишь стыдливое покачивание головой и резонный аргумент:

– Я не первый раз летаю на самолёте по поддельным документам. Я хакер и параноик, который всю жизнь провёл в тени, но даже я не сумею протащить пуму в рюкзаке. Извини, придётся меня подождать. К тому же, если ты со мной пойдёшь, за нами наверняка увяжется Таннели, а за ней и Седрик со Снуппи.

– Да, я своего заказчика никуда не отпущу.

Праудстар стрельнул взглядом в сторону Госпожи Зеркал.

– Она должна мне достойное испытание и плату в конце. Будем ждать тебя здесь. Много времени займёт твоё дело?

– Зависит от рейсов. Из-за особого положения Детройта мне придётся лететь с пересадками. Постараюсь обернуться как можно быстрее. Благодаря надёжным стенам убежища нас не найдут при всём желании, но я понимаю, что долго сидеть тут, как крысы, не хочет никто.

– Последний вопрос перед тем, как ты уйдёшь.

Изящно, будто на шарнирах, Таннели сделала шаг вперёд.

– Что, если Мэтт тебе не поверит и откажется идти с тобой?

В ту бесконечно значимую минуту лишь Палмер знал, какую подсказку нужно дать Гаррету. Мой лучший друг не думал ни секунды; образы фейерверком, красочными всполохами эмоций охватили его разум. Если бы он мог, то улыбнулся бы во все зубы и разразился бы смехом. Звонким... таким, каким я его помню...

– Скажи ему... В тот день, когда мы познакомились, я не дал Кенни Дугану забрать у Мэтта любимую фигурку Капитана Спейса. Мы поели пончиков с шоколадом и пошли ко мне домой. Я пригласил посмотреть «Новую Надежду». В конце Саммерс сравнил меня с Ханом Соло... Так и скажи. Он всё поймёт. А ещё скажи... Что я помню подарок на мой двадцать девятый день рождения. Частичка Мэтта Саммерса всегда в моём сердце. Она воодушевляет меня и напоминает, кто я на самом деле.

– Спасибо, – сказал Гаррет, призадумавшись об услышанном.

Все присутствовавшие, затаив дыхание, наблюдали за самопровозглашённым борцом с несправедливостью по кличке Бан, сдерживающим слёзы. Они видели, как дрожали его ресницы, как сжатые добела кулаки не выпускали слабость, кою Гаррет боялся признавать. Новый союзник Детей Санриз, а, возможно, и часть их семьи с самого начала, понятия не имел, как отреагируют союзники, что окружали со всех сторон. При них на крепких плечах следовало нести высокую непоколебимость – так Дэниэлса учила мать. Но он вынес и собственные уроки:

– Спасибо, что был рядом с ним всё это время. Ты друг, которого мой брат заслуживает.

– Не стоит благодарности... Я люблю этого недотёпу. У нас с ним были тысячи моментов. И ещё будут. Жаль только, тебя не было с нами всё это время. Мы были бы классной командой – убойной троицей. К счастью, теперь у нас есть шанс наверстать. Настало наше время! Иди же... Приведи его сюда! К людям, которые им дорожат!

Путники Бездны... Или Дети Санриз... Или люди, которые были нужны друг другу. Они смотрели, как отважный Гаррет Дэниэлс, готовый на всё ради достижения цели, покидает убежище и выходит на свет. Вооружённый нагой истиной, он направился в Город Ветров на поиски заблудшего брата. Инфернальная организации намеревалась вставлять палки в колёса на каждом шагу – назойливые пешки, ужасающие оперативники, бессердечные киборги Даниэля Альвареса и тайные аколиты, коих само время вынесло за рамки, точно заблокируемый клинчер,

вознеслись над простым парнишкой. Но тот не боялся бросить им вызов. Его звали Бан – молот, способный заглушить любые треволнения. Молот, чей удар сокрушителен! И молот, твердящий о секундной стрелке, что не даст изменчивой парадигме мира сего начертить излом и улизнуть от справедливой кары в последний момент.

Гаррет Дэниэлс был гораздо лучше меня. Он научился смирению и принял себя таким, каков он есть. Готов поспорить, в открытом бою с Дариусом мой кровный брат нашёл бы, что ему ответить. Но, увы и ах, оружием в этой истории оказался я. В конвульсии, побеждённый, изуродованный внутри и снаружи, я из последних сил тянулся к прошлому, наблюдая картину заслуженного мною фиаско: взгляд матери, забывшей о заветной роли, обещании и родном спрингфилдском мальчишке. Она начала новую жизнь без него.

Без той ошибки, когда, поддавшись отчаянью, Эбигейл Саммерс вступила в сговор Кэтгар.

Глава 47.2. Чистый лист

Мэттью Саммерс.

03.10.2033.

10:12 p.m. Чикаго.

Едва тьма Дариуса Кроу отпустила меня, как я ринулся к родителям, чтобы привести их в чувства. Прислонив трясущиеся ладони к щекам матери, я заставил её посмотреть мне в глаза и увидел этот пугающий чистый лист. Ни единого напоминания о Мэттью Саммерсе и о тех годах, кои Эбигейл провела вместе с ним. Эта удивительная женщина смотрела на меня будто впервые. Её пугали прикосновения и возгласы – надежды, что жаждущими огнями мерцали в моих глазах. Даже когда я обратился к ней... сорванным омерзительным на слух голосом сказал, кто она для меня, умоляя вспомнить хоть что-нибудь. В ответ посыпались лишь вопросы: «Кто вы?», «Чего вы хотите?», «Как мы попали сюда?» Простые слова причиняли невероятную боль, выворачивавшую меня наизнанку. Зрение нагло обманывало: подбрасывало ложные перспективы, с кривыми улыбками в сознании, воспламенившемся от идеи единичного везения со словом «вдруг»! Когда Марк и мама посмотрели друг на друга! Когда они узнали друг друга! Но не меня... Я незнакомец с речами сумасшедшего. «Вы ошиблись, мистер, у меня никогда не было детей».

И тогда я закричал по-настоящему. Пав на колени, не Аватар Фатума, а просто потерянный ребёнок, я вопил во всю глотку, захлёбываясь в слезах и напоминая фразами и жестами, кто я такой на самом деле! Ни одной душе не были известны те факты из жизни Эбигейл, но с каждым услышанным словом она всё больше боялась меня. Отстранялась от меня! Страх был в ней заложен. Любые методы отрицания того, что Мэттью Саммерс когда-либо существовал, шли в ход.

– Мы не знаем тебя, прости, – проговорил Марк, осмелившись подойти ближе. – Мы просто хотим домой, вот и всё.

И я крепко схватил его за руку! Не отпускал, пока не перечислил три принципа хорошего ловца, которым он научил меня на рыбалке. И ещё разновидности лески. Чёртовой блесны и всех удочек. Всё! Всё, что мой мозг только смог вспомнить, отворив сейф отложенных аргументов! И снова ничего! Глухая пустота по отсутствию альтернатив, вознаграждающая эхом бессмысленности произнесённые речи! С невероятным упорством Марк Этуэй отрицал факты, словно для него это было святой обязанностью. Призывом свыше, непослушанием которому предписали смерть!

От собственного истошного крика я чуть не потерял сознание. Резко закружилась голова, дыхание спёрло, а руки, как верёвки, повисли без натяжения воли своего господина. Вот твоя реальность. Получай! Мама и папа не узнают тебя – хватит перечитывать одну и ту же страницу раз за разом. На ней уже не найдётся ничего нового. Вопрос любви исчерпан.

Когда они, такие бесконечно дорогие и недостижимые, прошли мимо меня и захлопнули за собой дверь, даже не обернувшись, я почувствовал, как каждый аспект реальности вонзил мне нож между рёбер. Четыре проржавевших до основания лезвия: за время, коим не воспользовался с умом, за гравитацию, которой позволил уронить планку дозволенного, за пространство, оказавшееся бессильным рядом с Дариусом, и за энергию мысли, способную нести только вред, будучи в распоряжении недостойного.

Отхаркивая последние попытки сопротивляться, я рухнул на полу у входа и увидел грязные следы от обуви, оставленные на половике моими родителями. Я робко прикоснулся к ним и ощутил, как разрушаются остаточные образы. Мне так хотелось их сохранить... Хотя бы

ненадолго! И я выбежал наружу, спотыкаясь, падая почти на каждом шагу. Я увидел ещё следы на земле и жадно вцепился в них, пытаюсь объять необъятное.

– Не уходи, не уходи, не уходи, – вырывалось со всхлипыванием изо рта.

Из жара в холод – прямоком в ад и обратно на пустую планету. По дороге перемен и в тупик. Сквозь стену и в жерло нового вулкана. Блаженная улыбка захватила мои губы, когда, собрав чёрную грязь подбородком, я уткнулся в неё лицом, и точно котёнок, учуявший запах хозяина, тёрся об неё снова и снова. На коже чувствовалось их тепло, самым нутром ощущались запахи и даже прикосновения! Ломающимися ногтями, жадно сгужая пласты почвы, Мэттью Гордон Саммерс собирал побольше, чтобы драконом чахнуть над воспоминаниями и никого к ним не подпускать!

Но на миг истончившийся рассудок всё же дал о себе знать... Я выпустил накопленное, встал на колени и увидел перед собой Айлин Джеймс. Мою напарницу, которую, как и меня, покрывала жидкая тьма Дариуса Кроу. ГравиБит выбралась из его ловушки и, поравнявшись со мной, прочитала случившееся по глазам. Она обняла меня и промолвила обещание, что не знала, сдержит или нет. Но она дала то, за что мог уцепиться хотя бы Аватар Фатума:

– Это ещё не конец, слышишь? Мы обязательно отомстим.

Конец записи 58

Субъект: Мэттью Саммерс. Запись ведёт: Карсон Смит.

К: У вас есть пара минут. Я буду молчать, как мы и договорились.

М: Спасибо, Карсон. Я приступаю. Эбигейл и Марк, я не знаю будите ли вы слушать аудиозаписи или читать книги. Скажу больше... Я не уверен, что до вас вообще дойдут эти слова, но я хочу, чтобы вы знали: я не теряю надежду по сей день. Благодаря моим хорошим знакомым, до меня дошли вести, что вы ведёте тихую и размеренную жизнь в Лос-Анджелесе. Вам всё-таки пришлось переехать из Чикаго... Причина ясна, как день – там репортёры вам не докучают, а соседи не задают лишние вопросы. Это прекрасно... Знать, что у вас всё получилось. Без меня. Я думаю о вас каждый день. Вспоминаю старые добрые времена... Эти образы согревают мою душу, и я улыбаюсь. В последнее время я стал реже улыбаться, но вы вдвоём не позволяете мне забыть, что это такое. Признаться честно, у меня была масса возможностей нагрянуть к вам в незваные гости – просто встать на пороге и ожидать вашей реакции. Но я так и не решился. Я понятия не имею, как вы отреагируете, если увидите на пороге того самого чудака, кой в слезах пытался безуспешно доказать вам свою фамильную причастность. Сейчас на дворе аж 2036 год, но мои надежды живы – день ото дня они крепнут вопреки логике и здравому смыслу. Я просто хочу... Я хочу, чтобы вы задали себе один вопрос. Если вдруг в сознании всплывут хотя бы обрывки, хотя бы тени былого... Спросите себя: может быть, тот чудака говорил правду? Я не смогу прийти сам сейчас... Мне не хватит сил. Да и пройдёт немало времени, прежде чем я перестану скрываться от К.О.С... Но если я как-то раз обнаружу весточку из Лос-Анджелеса в почтовом ящике, как простой обыватель, а не преступник номер один, я разорву само пространство, чтобы вас обнять. Я всегда буду вашим сыном, несмотря ни на что. И я безумно вас люблю, не забывая ни на секунду, что я ваш Мэттью, не Кэтгар, не Кроу, а Саммерс, и никак иначе.

Глава 47.3. Курс петли

Майлз Блэк.

03.10.2033.

12:00 p.m. Возродившийся Детройт, восточный сектор.

Боль – это лучшее снотворное. Когда организм достигает пределов, он уходит на самовольную паузу, дабы пропустить детальное описание страданий и пройти между строк несколько позже. Шрамы, кровоподтёки и ссадины для него представлены в периодической таблице побочных эффектов. Сон как инстинкт самосохранения. Сны как метод отвлечения. Именно для этого был изобретён наркоз. Во время проведения полостных операций многие пациенты видят сны под препаратами. Большинство в процессе информационной делёжки в палате с братьями по несчастью рассказывают, что они видели, и дают шутки, приправляя их охами от потягиваний швов. Смех помогает им отвлечься уже наяву, когда организму недостаточно больно, чтобы отключиться.

Всё вышеописанное можно отнести к чему-то запланированному, а вот уход Майлза Блэка в мир грёз скорее относится к велению терзаний.

Потеряв много крови, он стремглав помчался навстречу Морфею и даже не догадывался, с кем судьба сведёт его наяву. Одна храбрая девушка, жительница Детройта, подобрала оперативника «Нового Света», погрузила в машину и уехала с места происшествия, не оставив и следа. На ярмарочном поле битвы она успела найти десятки пострадавших, но глаз её пал только на Майлза. Я мог бы смешно пошутить, что у неё хороший вкус на мужчин, но то не главная и даже не второстепенная причина выбора. Эта девушка лично знала Коня. Они познакомились очень давно, в школе на уроке биологии. И наш вечно сквернословящий друг хорошо помнил те времена. Совместные домашние задания, болтовня на переменах и во время обеденного перерыва могли вызвать у него улыбку даже во сне. Но, к сожалению или к счастью, образы в голове Термополисовского отцеубийцы были куда интереснее затёртых флешбэков.

Как это принято в кино, под проливным дождём и сумраком деревьев, он представил себя в качестве циркача Потустороннего квартала Гилберта, присутствующего на похоронах Питера Джилленгтона вместе с Детями Санриз. То был полдень, солнце скрывали пурпурные тучи. Повсюду чёрные зонты и траурные костюмы. Дрожащая от гнева и собственной беспомощности Таннели стояла рядом с Джеффом, крепко держа его за руку. Они наблюдали за тем, как в могилу опускали дубовый гроб. Я и Елена произносили прощальную речь, с трудом подбирая слова скорби, кои мы не успели отрепетировать из-за давящей на сердце тревоги. Брайан и парочка Сколлетти, приклонив головы, винили себя в случившемся и отказывались верить в иные версии. А Ричард Торренс проливал горькие слёзы, не боясь продемонстрировать их окружающим.

Рискну предположить, что если Чёрный Костюм по поручению организации не одну неделю следил за нашей трупной наяву, изредка примечая Ричи в обществе звёзд Города Чудес, то его подсознанию не составило особого труда воспроизвести образ водителя и друга Брайана в этой версии реальности.

Здесь Майлз знал его и потому заговорил с ним полушёпотом:

– Ты в порядке?

Блэк положил руку на плечо Торренсу, но тот спешно смахнул её и вытащил из кармана мобильник. Он набрал на нём короткий номер и протянул его собеседнику, не отрывая взгляд от гроба.

– На... Это для тебя. Просто послушай. Ты всё поймёшь.

С опаской поднеся телефон к уху, неожиданный член цирковой труппы услышал голос Питера Джилленгтона:

«Привет. Если ты это слышишь, значит, я умер. Печально получилось... У меня было столько планов и идей, а теперь я ничего не смогу сделать. Но тут уже нет смысла жаловаться. Вместо этого я хочу попросить об услуге. Надеюсь, наша дружба для тебя значила столько же, сколько и для меня, стало быть, ты исполнишь мою просьбу. Я хочу, чтобы ты убил гада, который убил меня...»

Превозмогая яростные позывы, скалящийся по сторонам Блэк продолжал слушать. Очевидно, во сне он понятия не имел, что вина за смерть Удивительного Малыша Пита лежит на его плечах. Всё сказанное воспринималась им максимально серьёзно. Барабанившие по земле крупные капли дождя настаивали на раскрытии зонтика в левой руке Майлза, но тот упорно держал его опущенным вниз, полностью сконцентрировавшись на аудиосообщении.

«То, что он со мной сделал... – голос Пита был весёлым, хотя тема монолога к этому не располагала. – Я хочу, чтобы ты сделал то же самое с ним. Я знаю, как всё будет. Мэтт и Елена закатят речь на моих похоронах, Брайан будет винить себя, а Сколлетти – себя. Такао и Говард вспомнят меня хорошим словом, Анна-Мари и Таннели расплачутся, а Тед и Джефффри будут держаться молодцом. Что до тебя, дружище... Зуб даю, что ты будешь сдерживать гнев. Не стоит. Направь его на нашего врага. Заставить его заплатить.»

– Он хотел, чтобы ты прикончил гада, – сказал Ричи, вытерев влагу с лица рукой.

– Но он тогда не мог знать, что Тедди погибнет вместе с ним, а Анну-Мари, Такао и Говарда похитят. Скажи мне, Рич... Брайан уже развеял прах Бойла?

– Сегодня утром, – сглотнул Торренс, побледнев. – Я лично присутствовал. Не пойми превратно, но мне хотелось выблевать собственные внутренности.

Тут брови Майлза приподнялись немимым вопросом. Голливуд раскрыл зонт над Торренсом, намекая на зримую слабость собеседника.

– Блэк, не смотри на меня так. Это ужасная смерть... Он такого не заслужил...

– Не заслужил, – согласился Конь, неуклюже прикусив нижнюю губу. – Но тем не менее, это дерьмо произошло с ним. Со всеми нами.

– Что будешь делать? Убьёшь эту сволочь?

– Конечно убью. Ты сам прослушал сообщение полностью?

Торренс кивнул в ответ.

– Ну вот если прослушал, значит, ты мне поможешь, друг.

– Я? – удивился Ричард и с округлившимися глазами уставился на Блэка, перекачиваясь с ноги на ногу.

– А кто ещё? Саммерс? Палмер? Мне нужны быстрые колёса, а быстрее твоих у нас нет. Не хочу тратить на это много времени. Найдём это ебучего гандона, всадим ему свинца в сердце и выбросим труп на свалку. Чтоб даже родная мамаша по нюху не нашла.

– Хороший план. И эмоция хорошая. Я рад, что ты вернулся.

– Вернулся? – отреагировал Блэк, осмотрев Торренса непонятливым взглядом. – Что значит вернулся? Ты головой ударился, Рич? Я никуда и не уходил.

– Ты не уходил, отцеубийца...

Голос Ричарда эхом отразился от невидимых границ мира снов. Сконструированные им компоненты похоронной сцены истончились, как полиэстер на зажёванной видеомагнитофонной плёнке. Моя речь на заднем фоне стихла, движения завяли, а капли дождя зависли в воздухе сонмами игл. Картинка потеряла цветность и выгорела, не затронув Майлза, зонт в руках которого распался на лоскуты.

– Но твоё звериное я слишком долго спало, – заканчивало эхо. – Пора проснуться, Майлз Уоррен Блэк. Очнись! Хватит спать!

– А я и не сплю, – спокойно ответил Конь, распахнув глаза, будучи в постели.

Вокруг него простирались незнакомые стены, запахи, звуки и текстуры. Всепоглощающий белый цвет создавал фальшивое ощущение глубины помещения, скругляя углы. Словно синдром туннельного зрения получил предельно точное физическое воплощение. Оно самую малость напоминало Отдел № 16, но только живее. Печально известный Термополисовский отцеубийца очнулся посреди рабочего пространства, судя по инструментарию, принадлежавшего врачу. Это Майлз понял, когда увидел голубой халат на вешалке у входной двери, хирургические инструменты на столике в нескольких метрах от кровати и больше двух десятков стеклянных сосудов с жидкостями неизвестного толка, выставленных один за другим в глубине широкой настенной полки. . Вполне возможно, то были обеззараживающие растворы, коими пропахло всё и вся, или некие химические образцы, в которых Блэк не разбирался. В его понимании всё лучше карикатурных мозгов, сердец и других органов, плавающих в огромных банках в лучших традициях клишированных фильмов ужасов, где главный герой достаточно туп, чтобы к ним прикоснуться и стать жертвой какого-нибудь лицехвата¹.

Майлз не стал заикливаться на этой мысли, ибо почувствовал в вене капельницу. Вопреки устоявшимся правилам «поваренной книги» каждого уважающего себя буяна, наш друг решил не извлекать иглу. Вместо этого он предпринял осторожную попытку привстать в кровати, но к своему удивлению обнаружил сковывавшие движения крестовые повязки на ногах. Пропитанные гипсом бинты фиксировали стопу и голень, надёжно защищая ранее перерезанные связки от дополнительных повреждений. Сколько времени прошло с момента битвы на ярмарке, Конь не знал, но его хватило для проведения экстренной операции.

Оставалось только понять, кто её провёл.

Какой-нибудь доктор-маньяк потехи ради, сперва помогающий пациентам, а потом устраивающий за ними охоту в необъятном кукурузном поле с двустволкой наперевес? Или Сайман Рукер по скидке, с вечно немытыми руками и голосом, похожим на шум перфоратора? Ни тот ни другой типаж не подходил этому помещению, с любовью поддерживаемому в чистоте и уюте. Здесь поработала нежная женская рука, не иначе. Майлз ещё раз огляделся и увидел в дальнем углу деревянную тумбу, на которой стояли старый патефон и упакованная в фирменный футляр пластинка Фрэнка Синатры. Чёрт! Превосходный вкус, что тут скажешь? Бесмертная классика!

– Ау? – позвал Блэк. – Тут кто-нибудь есть? Где я? Как я тут оказался?!

– Я тебя слышу! Подожди минуту. Сейчас подойду.

Десять баллов мне за догадливость. Откуда-то сверху раздался женский голос – приятный и доброжелательный. Он согревал душу приятной хрипотцой, заставлял гадать, как же выглядит хозяйка сих чертогов. В сознании Майлза возникли ассоциации с многоквартирными комплексами, где всё под рукой: маленький ночной магазинчик, фотолавка, спортзал, домашняя клиника. В одном таком беглец из вайомингской тюрьмы коротал дни, когда работал на мафиози.

– Кто эта женщина? – спросил себя Блэк, отвязавшись от образов прошлого.

Закончив дела, она спустилась по лестнице в подвал, где за дверью с надписью «тихий час» её ждал Майлз Блэк. Одета в платье в горошек, она подошла к нему, как к своему пациенту и, коснувшись его лба, навскидку определила температуру. Судя по блеску в очах девушки, беспокоиться было не о чем.

– Замечательно. Одна хорошая новость за другой... Сперва мне позвонил коллега и сказал, что у него безукоризненная кредитная история, а потом мама порадовала вестью о рождении моего второго племянника. Здорово, правда?

– Вы кто? – выпалил отцеубийца, настороженным взором осмотрев мастерицу врачевания. – Какой такой племянник? Я вас знаю?

¹ Одна из начальных стадий развития пришельца из серии фильмов «Чужой».

– Вообще-то знаешь, Майлз.

С улыбкой она села на стул у кровати по правую руку от пациента и умилённо покачала головой.

– Я одна из немногих, о ком ты можешь так сказать. Ты у нас был не особо общительным мальчиком.

– Стоп. Фелиция? Это правда ты?

Так брошенный на произвол судьбы Конь признал в темнокожей длинноволосой красавице давнюю подругу. Осознание пришло к нему не сразу, но её карие глаза с синеватым отливом у самых зрачков он был не в силах позабыть. Своим сиянием эти глаза дарили маленькую надежду несчастному мальчишке из Термополиса – стали источником вдохновения для фигурки из дерева, кою подонок Мак Блэк безуспешно пытался уничтожить, лишь бы насолить родному сыну. И будь сейчас у Майлза возможность, он наверняка сделал бы новый актуальный экземпляр Фелиции Кроуфорд. Запечатлел бы её страстные полные губы, курносый нос и высокие брови. Каждую деталь, казавшуюся ему совершенной.

– Я была уверена, что ты меня узнаешь. Приятная встреча.

– Слов нет. Ты стала такой красоткой...

– Хах, – ухмыльнулась она, убрав волнистые локоны за уши. – А раньше я была уродиной?

Этот вопрос кого угодно застал бы врасплох. Во всяком случае так думаю я – непутёвый ухажёр Саммерс. Вероятно, если когда-нибудь этот текст попадёт в руки мастеру по разбиванию сердец с десятилетним стажем, появится иное мнение, но пока остановимся на моём. Ибо реакция Блэка подтверждала его.

– Эм... Я не, – язык Коня заплетался, комкая слова. – Я не то хотел сказать. Прости.

– Не за что просить прощения, я тебя подкалываю. Как ты себя чувствуешь?

– Я-я-я... – он потянул время, чтобы правильно подобрать слова в голове. Всё тело болит.

Ноги больше всего.

– Неудивительно. Кто бы не нанёс этот удар, он точно знал, что делает. Лезвие прошло кожаное основание твоей обуви насквозь. Филигранная работа.

– А что с моими чопперами? – всполошился Блэк, услышав о своей сигнатуре.

– Ты их больше не наденешь, они убиты в хлам. Будь надрез чуть глубже, я бы ничего не смогла сделать. Даже твои способности тебя бы не спасли. Организм понимает, что ноги – твоё самое сильное оружие, и заживляет их с бешеной скоростью.

Последние слова Кроуфорд, вопреки ожиданиям, вместо того, чтобы ещё больше взбаламутить Майлза, наоборот, его успокоили. Упав на подушку, он положил руку себе на лоб и вдохнул полной грудью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.